
Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2023

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. Патриотизм и война цивилизаций	3
Владимир ЛЕПЁХИН. О несменяемой элите и «жареном петухе»	44
Валерий КИРИЛЛОВ. Что высветил мятеж	53
Владимир АЗАРОВ. Война символов и смыслов	103

ПРОЗА

Владимир ВЕЩУНОВ. Каллиграф. Рассказ.....	22
Сергей ПЫЛЁВ. Антимир. Рассказ.....	60
Игорь ЛЫСЫЙ. Как я провёл лето. Рассказ.....	118
Юрий ВИСЬКИН. Слежка. Рассказ.....	156

ПОЭЗИЯ

Юрий КРАВЦОВ. Черёмуховый ветер. Стихи.....	39
Владимир СИЛКИН. Глубокие воды. Стихи.....	94
Евгений ХАРИТОНОВ. Ветер войны. Стихи.....	99
Наталья ЧИСТЯКОВА. Зябкая память. Стихи.....	136
Алёна КАЛИНИНА. Осенний перрон. Стихи.....	140

СИМВОЛ ВЕРЫ

Лина МКРТЧЯН. Умозрение в красках	144
Леонид САФРОНОВ. Реплика по поводу рублёвской «Троицы»	148
Валентин КАТАСОНОВ. Невыученный урок Иудейской войны	150

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Фёдор ПАПАЯНИ. Когда нет идеологии	174
--	-----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Олег ГУДЫМО. Как ковался ядерный щит	189
Валерий ГАБРУСЕНКО. Полководцы Великой войны	196

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Леонид УСЯЧЕНКОВ. Благодаря любви. Стихи.....	199
---	-----

РУССКИЙ ВОПРОС

Евгений ЕВТУШЕНКО. О ошибках в советской национальной политике	209
---	-----

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Владимир БОЛЬШАКОВ. По ком звонит колокол?	218
--	-----

ПОВИЖНИКИ

Николай СОМИН. Боец за Россию	229
-------------------------------------	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Олег КАССИН. Триллионный долг Польши	237
Дмитрий ИКОННИКОВ. Украина как химера	239
Михаил ОШЕРОВ. Гешефты с еврейским государством	242
Максим ВОРОБЬЕВ. Зеркальный ответ	244
Людмила РЯБИЧЕНКО. Дамоклов меч	248
Андрей СОШЕНКО. Когда подарки не впрок	249

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение.....	254
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Наталья КОПЫТЦЕВА. Всё было не зря... Памяти поэта Леонида Усяченкова.....	271
---	-----

ПАТРИОТИЗМ И ВОЙНА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

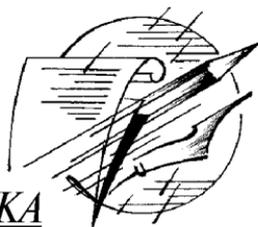
Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал.

А.С. Пушкин

Реальность противостояния

Обострение противостояния России и ее союзников с коллективным Западом после начала в феврале 2022 г. Специальной военной операции на Украине потребовало особого сплочения нашего общества на базе национального единства и патриотизма. Страны НАТО нам объявили не просто новую «холодную войну», а войну не на жизнь, а насмерть. И это не фигура речи, не пропагандистский ход, а самая суть внешнеполитической и военной доктрины США и всего коллективного Запада, согласно которой мы должны либо подчиниться воле Вашингтона, как все члены НАТО, либо нас просто не должно быть. Никаких подвижек, никаких компромиссов со стороны Запада нам ожидать не следует.

Поддерживая нежизнеспособный бандеровский режим, Запад бьет по России. Разговоры о защите демократии и

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

суверенитет Украины — это для простачков. Война — это, прежде всего, бизнес. Сенатор США Линдси Грэм во время встречи с В. Зеленским не счит нужным это скрывать и назвал гибель россиян в боях на Украине «удачной тратой денег».

Запад окончательно перешел на язык ульгиматумов. Вот канцлер Германии Шольц в конце мая именно в таком духе и высказался: «Россия должна вывести войска, по-другому не получится, о заморозке и принятии условий, навязанных Россией, речи быть не может». В то, что Шольц озвучил по-немецки данное ему указание из Вашингтона, можно не сомневаться. Но это общая установка для всех членов НАТО. И то, как входящие в этот блок страны накачивают Украину самым современным оружием, как учат украинских военных с ним обращаться на своих полигонах, как натовский генералитет руководит всеми действиями ВСУ, подтверждает: войну с Россией ведет блок НАТО, а Украине отведена роль поставщика пушечного мяса.

Вашингтонские претенденты на мировое господство и их натовские поделники в этих своих глобальных заявках не учитывают новой реальности: подавляющее большинство стран мира не желает и не будет более жить по американским стандартам, а тем более подчиняться.

Подчинения претенденты на мировое господство требуют и от Китая. Но этакая игра Запада на два фронта, как дали понять США и их сателлитам, может обернуться для них катастрофой.

В заявлении МИД Китая по итогам заседания Большой семерки в мае с.г. в Хиросиме сказано, что «мировое сообщество не примет правила, обслуживающие корыстные цели США и маленькой группы стран». Столь уничижительное обозначение европейских союзников США — показательно.

На заседании второго Евразийского экономического форума, президент РФ В.В. Путин особо отметил, что «всё больше государств берет курс на укрепление национального суверенитета, проведение самостоятельной, независимой внутренней и внешней политики, придерживаются собственной модели развития». США и их союзники поставили задачу переломить эту мировую тенденцию и навязать всему миру свою волю. В этом историческом противостоянии решается судьба всего человечества: быть ему или не быть — именно так, как в «Гамлете» Шекспира, ставится сегодня вопрос.

Надо учитывать и психологические особенности нынешних западных элит. Национальная игра американцев — это покер, где выигрывает только тот, кто владеет искусством блефа — умением торговаться с заведомо проигрышными картами, не раскрывая их, так, будто у вас на руках четыре туза. В последние годы и военное и экономическое, а отсюда

и политическое могущество США значительно поубавилось, и нередко им приходится блефовать дабы доказать, что Запад главенствует в современном мире, хотя все уже понимают, что балансируя одновременно на грани дефолта и на грани войны, США рискуют свалиться в пропасть небытия.

Но не будем ни на миг забывать — враг перед нами наисерьезнейший. За всю свою историю Россия не сталкивалась со столь опасным противником. С нами воюет весь Запад, готовый воевать до последнего украинца в этой трагической межславянской битве.

Как укрепить тыл?

Для успешного ведения боевых действий любой армии необходим крепкий тыл. С самого начала СВО мы убедились в том, что такого тыла у нас не было. Либеральная интеллигенция, которая годами разлагала наше общество, наш тыл, дружными рядами подалась в иноагенты. Закрылись, либо сбежали за границу целые редакции, такие, как каналы «Дождь» и «Эхо Москвы», популярные теле- и радиостанции, газеты и журналы. Число беглых айтишников исчисляется тысячами. Сбежавших от мобилизации за границу — десятки тысяч. Вскрылось, что с армейских складов расхитили обмундирование, и призывники вынуждены были его покупать на свои деньги. Видно, не совсем еще искоренили в нашем военном ведомстве наследие бывшего министра обороны Сердюкова. И, наверное, я погрешу против истины, если скажу, что в этом ведомстве наведен порядок на все 100 процентов, хотя в сравнении с началом СВО внушительный прогресс и там налицо.

Серьезному испытанию на патриотизм подвергся и частный сектор в России. Олигархи, завладевшие в ходе преступной приватизации при президенте-квислинге Ельцине самыми прибыльными секторами российской экономики, после начала СВО попали под жесткие санкции Запада. Лишь небольшая их часть осталась верной России. Но большая для того, чтобы вернуть потерянное, по сути, возглавила и стала субсидировать «пятую колонну» в России и ее центры за рубежом, где эти олигархи в основном и проживают. Особенно активен по этой части бывший владелец нефтяной корпорации ЮКОС М. Ходорковский, живущий в Англии. Он объявил России свою вендетту и не только подкармливает беглых либералов за рубежом, но и руководит их действиями против нашей страны.

На ходе СВО на Украине то и дело сказываются коммерческие интересы российских олигархов, которые в стремлении сохранить свои барыши лоббируют такие решения в этом

конфликте, которые идут в разрез с национальными интересами России. Особенно опасна здесь роль сионистского капитала, который действует в глобальных масштабах в интересах международного сионизма и в руководящих органах которого присутствуют российские олигархи еврейского происхождения (Абрамович, Фридман, Кантор и др.). Они в свою очередь координируют свои действия с украинским олигархом и лидером любовических хасидов И. Коломойским, одним из руководителей Всемирного еврейского конгресса. Да и некоторые чисто русские толстосумы готовы предать Россию ради сохранения своих вкладов и имущества за рубежом.

Более патриотичным в ходе СВО оказался средний и малый бизнес. На встрече президента Путина с «Деловой Россией» прозвучала даже такая фраза: «Для нас важнее патриотизм, чем прибыль». Увы, далеко не все наши предприниматели действуют в том же духе. Переход от кабальной зависимости от зарубежных инвестиций и технологий произошёл в России все же по инициативе Запада, что, конечно, больно ударило по всей нашей экономике. И всё же она выстояла и даже показала рост. В этом заслуга больше государства, чем бизнес-сообщества РФ. Но среднее бизнес-сообщество в основном правильно сориентировалось, поддержав государственный курс на полную независимость от иностранного капитала и технологий.

Объективности ради отмечу, однако, что были и случаи саботажа в поставках боеприпасов, когда один из поставщиков счел такой бизнес для себя невыгодным. Такое было невозможно в советское время.

Приведу слова из весьма поучительной статьи профессора кафедры политического поведения Высшей школы экономики И.Б. Орлова «Патриотизм в истории России. Государственная идеология и ценностный потенциал»: *«Думается, сегодня патриотизм как механизм идентичности народа, которая является базовой потребностью человека, и легитимизации власти также невозможен без второй ценностной составляющей — принципа социальной справедливости. Справедливость всегда была не просто сохранением в российской жизни традиционно-общинных форм социальной регуляции, но и своеобразной нравственной самозащитой личности во внеправовом государстве. При таком подходе патриотические настроения выступают существенным фактором мобилизации и социально-политической активности. Другими словами, патриотизм подразумевает коллективную национальную идентичность. Без сформированного позитивного образа страны, в котором присутствует идея державности, граждане современной России не смогут закрепить свою национальную идентичность. Следует учитывать,*

что патриотизм является важной составной частью национальной идеи, поисками которой российская власть озабочена с конца 1990-х гг. и которая должна способствовать самоидентификации России в мировом сообществе. В свою очередь, идеология патриотизма как основа стратегии успешного развития страны в силу своей понятности может быть воспринята большей частью российского общества в качестве инструментария выхода из духовного кризиса и пути обретения настоящего суверенитета». Иначе говоря, в переводе с научного: не будет в России социальной справедливости, не будет и подлинного народного патриотизма. А патриотизм официально демагогический, дежурный ни на трудовые, ни на боевые подвиги не мобилизует.

Олигархи и СВО

Российские олигархи, постоянные персонажи списка миллиардеров американского журнала *Forbs*, в ходе СВО полностью подтвердили характеристику, данную им бывшим секретарем национальной безопасности США Збигневом Бжезинским: «Вы думаете, это ваши миллиардеры? Нет они давно наши». Даже те из них, кто лишился своих доходов после заморозки их счетов в западных банках, не намерены помогать государству российскому сейчас, когда в России даже школьники участвуют в сборе средств для нашей армии на проведение СВО.

Крупные российские мобильные операторы не торопятся заходить ни в Крым, ни в республики Донбасса. Сбербанк начал ограниченно работать на российском полуострове только сейчас, спустя почти девять лет после референдума и возвращения Крыма в Россию. Олигархам дали полгода, чтобы собрать 300 млрд. рублей на СВО. Сначала миллиардеров попросили добровольно уплатить взнос, но из-за нежелания богачеев по-хорошему помогать бюджету, взнос сделали обязательным. Тем не менее олигархический клан продолжает затягивать перевод этих денег в федеральный бюджет. В связи с этим Минфин поставил ультиматум крупному бизнесу — если до октября—ноября с.г. эти деньги не будут внесены, правительство поднимет в два раза налоговую ставку на сверхприбыль («Интерфакс»).

Сумма, которую требуют от крупных компаний, в относительном выражении кажется смехотворной — всего-навсего 5% от разницы прибылей между 2021—2022 гг. и 2018—2019 гг.

В марте российские олигархи вроде бы согласились выполнить просьбу правительства о «добровольном» пожертвовании в бюджет, но тут же потребовали от властей предоста-

вить им скидку. Ранее крупный бизнес отказался вкладываться в нацпроекты Путина, с помощью которых президент надеялся побороть бедность, вывести Россию в топ-5 экономик мира и совершить технологический рывок. Инициативы оказались провалены. Свой патриотический долг эти господа, ограбившие российский народ в годы приватизации, исполняют в другом месте. Ежегодно на специальных сборищах фонда «Керен ха-Йесод», занимающегося сбором средств в казну международного сионизма, они публично выкладывают миллионы долларов. А вот дать деньги в отощавшую за время СВО российскую казну жаба душит. Между тем, по данным журнала «Форбс», два десятка главных российских миллиардеров увеличивают своё суммарное состояние на 1,5 триллиона рублей каждые полгода, почти на 300 миллиардов за месяц, на 9,5 миллиарда за день и на 400 миллионов за час.

Действия некоторых российских толстосумов напрямую граничат с предательством. До сих пор не прояснена роль олигарха Романа Абрамовича на переговорах с бандеровским режимом в самом начале СВО, когда наши войска уже входили в Киев. Но как только они отошли назад, переговоры тут же были прекращены.

В конце мая с.г. в ходе расследования нападения ДРГ на Белгородскую область у одного из боевиков, бойца запрещенной в РФ нацистской банды «Азов», был найден смартфон, который оплачивался со счета Абрамовича. Оказалось, что этот бандюга получил его в подарок от «нашего» олигарха в Турции, где Абрамович кормил их десертом тирамису после обмена пленных в Мариуполе и всячески обхаживал. А «Нью-Йорк таймс» сообщила еще одну любопытную подробность — руководил в Белгороде этой ДРГ некий Денис Никитин (Капустин). В начале 2000-х он эмигрировал в Германию, где вступил в одну из экстремистских нацистских группировок. Вот с кем перезванивался «наш олигарх», бывший губернатор Чукотки. И то ли мы еще узнаем.

Востребована любовь к Родине

СВО и другие события последних лет заставили наше общество обратиться к патриотизму, который со времен позорной горбачевской перестройки был у нас не в чести и официально его реабилитировали только после ухода Ельцина.

Та «либеральная революция», которая была совершена по сценарию ЦРУ в СССР, отбросила нашу державу на десятилетия назад не только экономически, но и духовно, привела к моральному разложению в среде молодежи, к дискредита-

ции и утрате многовековых ценностей русского народа в нашем обществе.

Напомним слова поэта Федора Тютчева о российских либералах, этих духовных холопах Запада, антирусская суть и природа которых не меняется, хотя с момента написания этих строк прошло более ста с лишним лет:

*Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.*

Пересмешики от перестройки вроде бывшего главреда «Огонька» В. Коротича не упускали случая поиздеваться над патриотизмом советских людей и над самим понятием патриотизма. Подобное ниспровержение святынь и дискредитация сакральных для советского человека понятий и героев были тщательно отрежиссированы и скоординированы. Как только пришел «сигнал сверху» от дирижера горбачевской пропаганды Яковлева, а точнее от ЦРУ, Огонек» и ему подобные издания принялись за дискредитацию советского патриотизма и его символов. Так, нам сообщили, что никакого подвига Матросова не было, что Гастелло был просто сбит, а не шел на таран немецкого асса, что Зоя Космодемьянская была якобы сумасшедшей и в очередном припадке принялась поджигать дома, где расположились подступавшие к Москве немцы.

В общественное сознание был запущен афоризм «патриотизм — последнее прибежище негодая», авторство которого принадлежит составителю знаменитого «Словаря английского языка» Самуэлю Джонсону. При этом господа либералы жульнически передернули смысл этого афоризма, не упомянув, что он был адресован английским уголовникам, которые не хотели отбывать наказание на каторге в Австралии, куда их отправляли за их особо тяжкие преступления, и просили оставить их в Англии, ссылаясь на свой «патриотизм». Аналогичным образом передернули высказывание Льва Толстого, который, сославшись на словарь С. Джонсона, осудил использование патриотизма царскими чиновниками как «орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей».

Для дискредитации русского патриотизма, который, по убеждению наших классиков Н.М. Карамзина и В.С. Соло-

вьева, есть «добродетель» и «любовь ко благу и славе Отечества», русофобская камарилья, пристроившаяся при дворе Бориса Ельцина, вытасила из забвения бывшего профессора Московского университета и третьеразрядного поэта, покинувшего Россию в 1836 г. в знак протеста против монархии (параллель с беглецами протеста из российской пятой колонны), вот с такими его стихами:

*Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!*

Эти строки, которые В. Печерин написал, по его собственным словам, «в припадке байронизма», заклеили его имя в глазах потомков, и он навсегда покинул родину, где его, если и вспоминают, то как предателя.

Тотальная дискредитация патриотизма в годы перестройки обернулась страшными последствиями. Люди стали стесняться своего патриотизма, опасались давать отпор тем, кто его публично высмеивал, рискуя получить в ответ что-нибудь вроде «совок позорный» или «патриот упертый».

Идеологические барьеры рушились, а с открытием границ и ростом потребления вера в то, что «Россия лучше всех» таяла. В последние годы существования СССР в нашей стране наблюдалось невиданное прежде явление: *ксеномания* — по-гречески, а по-нашему — чужебесие. Это сумасшедшая любовь к иностранным вещам и нравам, чрезмерное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума заразила едва ли не всё наше городское население, в меньшей мере — сельскую провинцию.

А если учесть, что это чужебесие лихорадило весь социалистический мир и что на фоне наших нехваток и дефицитов, сенсационных сообщений о коррупции в партийных верхах и спецмагазинах для партocrats в народе рос вполне оправданный гнев, станет понятнее, почему идиотские плакаты на всех заборах с надписью «КПСС — честь и совесть нашей эпохи» вызывали не только смех, но и вполне понятные внутренние возмущения. Чем и воспользовались «архитекторы перестройки», извечные враги России, и действовавшая по их указке пятая колонна в нашей стране.

Последствия всего этого идеологического коллапса, жертвой которого стали СССР и все страны Варшавского договора, не заставили себя ждать. Чужебесие одолело советский патриотизм и то гордое ощущение нашего превосходства над миром наживы и корыстолюбия, о чем писал Владимир Ма-

яковский: «У советских собственная гордость. На буржуев смотрим свысока».

Проработав без малого 30 лет на самой передовой идеологического фронта — в газете «Правда», я не сомневался, что подавляющее большинство моих соотечественников обладают этой гордостью. Но понимал, конечно, да и доступ к определенным документам ЦК КПСС этому способствовал, что далеко не все были такими патриотами.

На бытовом уровне, как ни старался наш Агитпроп, преклонение перед всем «фирменным», т.е. иностранным, существовало всегда, прежде всего из-за хронического дефицита товаров первой необходимости: одежды, обуви и косметики. Над этим вволю поиздевался Владимир Высоцкий в своей песенке про поездку передового рабочего за рубеж («Привези, хоть черта в ступе! Привези!»). И не только за фирменными штотками гонялись. Помню и бесконечные очереди у стенда фирмы «Пепси кола» на «Американской национальной выставке» в Москве 1959 года, где этот популярный в США напиток раздавали бесплатно. Я и сам не избежал этого искуса и убедился, что напиток этот дрянь, наш квас куда лучше, вкуснее и без химии. Та выставка потрясла советских людей не пепси, а автомобилями «Дженерал моторс»: «Шевроле Импала», «Понтиак Боневилль», «Олдсмобиль», «Кадиллак Де Виль», одни названия которых звучали как несбыточная мечта. Поражали телевизоры с большим экраном, бытовая техника и вообще внимание к быту, на котором выросли в США целые отрасли промышленности. У нас тогда это все только начиналось. Да и абстрактная живопись — ее американские образцы тоже показали в Сокольниках — для многих тогда была внове. В одной из сетевых справок о той выставке сказано: «Это был второй шаг морального разложения строителей коммунизма, — первым можно считать Международный Фестиваль молодежи и студентов 1957 года». И да, и нет. Я работал на том фестивале переводчиком и был на американской выставке в Сокольниках. Но чужебесия ни там, ни в Сокольниках не наблюдал.

Классическое проявление ксеномании — это многочасовые очереди в Москве в «Макдональдс», открывшийся 31 января 1990 года в Москве на Пушкинской площади. Приехал я тогда в Москву по вызову редакции «Правды» из Франции, где я работал ее собственным корреспондентом, и где обедать в «Макдональде» вообще считается моветоном (дурным тоном). А тут солидные с виду люди заглывали бургеры, заедая их картофельными фритами, так, как будто им подали осетрину с шампанским.

Удивительное совпадение. Но ровно через год 31 января 1991 года Горбачев в последнем припадке своего чужебесия объявил о ликвидации Советского Союза. Бургер одержал историческую победу.

Никто не выступил с протестом против этого чудовищного решения, которое годы спустя будет названо геополитической катастрофой. Отменили страну, как будто ее и не было. Даже коммунисты посмотрели эту передачу, как программу «Время», — никто не вышел на площадь в ту новогоднюю ночь.

В тихом «особняке»

Массовое бегство за рубеж звезд нашей эстрады, телевидения, театра и либеральных СМИ было задумано сценаристами «мировой закулисы» как публичная демонстрация протеста этих «властителей умов и сердец» против решения руководства России о начале СВО. Эта демонстрация, как теперь очевидно, провалилась вдвойне. Во-первых, «звездные» беглецы лишились на Западе и в Израиле, где обосновались многие из них, статуса звёзд, которых там и без них хватает. Не вернуть им этого статуса и в России, если даже и вернуться, т.к. у них, особенно у заработавших статус иноагента, перспективы у нас никакой нет. Россия же от этого только выиграла — численность пятой колонны заметно снизилась. Звездам, упавшим с российского эстрадно-медийного небосвода, впредь на нем блистать не придется.

За операцией по их выводу за рубеж внимательно следили не только разработавшие ее службы психологической войны против России, но и деятели того «глубинного государства», которое десятилетиями создавалось в нашей стране «мировой закулисой» вместе с российскими олигархами и прозападной политической и интеллектуальной «элитой». В ходе СВО у наших военных обозревателей возникал вопрос: а не в таких ли глубинах принимаются решения, превращающие победы нашей армии в поражения? Не буду приводить конкретных примеров. Они всем известны.

Российское «глубинное государство» опирается на ту часть космополитической русофобской «элиты», о которой весьма откровенно и неожиданно рассказал в своей статье под названием «Диетическое горе» на сайте РИА «Новости» художественный руководитель Театра на Малой Бронной, муж Ксении Собчак режиссер Константин Богомолов. В этой статье режиссер рассуждает о наличии в России мира «особых русских»: «Есть в нашем Отечестве, — пишет он, — особый мир. Страна внутри страны. Сообщество внутри общества. Мир «особых русских». На-

зовем его «особняк». Они не умнее прочих... не красивее других. Просто ухоженнее. Они стопроцентно не порядочнее. Часто богаче или образованнее». Непохожими на других эти люди стали из-за «сознания себя особыми». «Особые» делятся на два под-класса: люди при деньгах и условное интеллектуально-интеллигентское сословие. Большая часть этих людей называет себя европейцами, исповедует идеи демократии и равенства, однако на деле презирает своих недостаточно успешных, «темных» сограждан. Объединяет два этих класса «одиочество в собственной стране», «и те и другие... неистово презирают собственный народ». Богомолов отмечает, что начало спецоперации заставило страдать эту «элиту» еще больше, поскольку прошлая беззаботная жизнь оказалась утеряна. Теперь, пишет он, эти люди оплакивают свои винировые улыбки и безмятежную жизнь.

«С 24 февраля 2022 г. его обитатели, пишет далее Богомолов, — лишились возможности выкачивать бабло из страны и тратить его на Западе, снимать о русской хтони (хтони — умершие предки, живущие в загробном мире, а также существа, олицетворяющие дикую природную мощь Земли. — Ред.) на деньги торговцев нефтью и оружием, создавать современное искусство и печатать смелую газету с разрешения органов. ...Об этой потере — траур». «Особняк, прежде крепко стоявший на земле, превратился в «Титаник». И кричат властям обитатели: «Остановите шторм».

И что же они в последние дни слышат в ответ?

С одной стороны, со стороны «режима» они слышат, что Кремль сворачивать, останавливаться, договариваться не собирается. С другой, казалось бы «своей» стороны, от «своего» — обвинения в иудинном предательстве.

Но и это не главные поводы нервничать. Главный повод дал Путин, когда на встрече с главой Конституционного суда Зорькиным сказал: «До большевиков не было никакой Украины в истории человечества». А значит, нет предмета для заморозки, договариваться будем потом и с другими людьми, и не о судьбе пока еще сопредельной территории, а о новом мироустройстве. А значит, кончается жизнь в «особняке».

Обращаясь к своим единоверцам, Богомолов призывает их «суметь выйти из «особняка», засучить рукава — и работать, и жить, и верить. Надо отбросить презрение к своей стране и своему народу и услышать гул истории и голос людей». Боюсь, этот призыв останется гласом вопиющего в пустыне. Да и Богомолу вряд ли простят его откровения. «Особняк», населенный внутренними эмигрантами, никогда не перейдет на позиции патриотизма, а если и перейдет, то только для очередной маскировки. В этом его «особая» суть.

Свой собственный «особняк» завели в России и те агенты влияния, от которых никто не требует регистрации, хотя в соответствии с требованиями закона они давно должны это сделать.

В России сегодня действуют филиалы ведущих еврейских религиозных и сионистских организаций, которые фактически представляют собой филиалы головных структур международного сионизма, в первую очередь Всемирной сионистской организации, Всемирного еврейского конгресса, в руководство которого входит российский олигарх Кантор, Еврейского агентства («Сохнут»), ложи Бай Брит и ее Лиги борьбы с диффамацией, различных сионистских центров по сбору средств и филиалов зарубежных, в том числе украинских, любавических хасидов. Со всеми этими организациями их российские филиалы поддерживают постоянную связь, обмениваются информацией и делегациями. «Сохнут» ведет через соцсети и Интернет постоянную вербовку российских евреев, предлагая им израильское гражданство и помощь в оформлении необходимых документов, в «утечке мозгов» из России. Особое внимание уделяется айтишникам, востребованным, как в Израиле, так и в странах Запада. Ведется активная сионистская пропаганда через Сеть, частные каналы и антироссийские службы вещания, включая украинские.

В России еще до развала СССР стали активно действовать официальные и полуправовые ведущие масонские ордена через свои филиалы в виде подчиненных им лож и капитулов. Это масонский орден Великий Восток, Великая национальная ложа Франции, Великая национальная ложа, Орден Мемфис Мицраим, орден розенкрейцеров и т.д. Здесь тоже — прямые контакты с материнскими и братскими ложами, обмены мнениями, визитами и информацией. Действуют в России также в обход контроля со стороны государства разнообразные религиозные секты и ЛГБТ-сообщество, ставшее значительно активнее в последнее время. Почему государство не реагирует на деятельность всех этих филиалов откровенно антироссийских организаций, а по сути представительство «мировой закулисы» в России, остается только гадать.

Меры патриотизма

Политические ураганы XX века и их последствия в веке нынешнем так потрясли Россию, что она утратила свою духовную однородность, основой которой и скрепой всегда был патриотизм. О какой России, патриотами которой нас призывают стать с самых высоких трибун, идет речь? Есть мил-

лионы моих соотечественников, тот самый народ российский, для которых Россия всегда была и останется Родиной и объектом любви, преданности, веры и патриотизма, независимо от того, была она царской, советской, перестроечной или просто нынешней, для которой подобрать адекватное определение весьма затруднительно.

В самом центре Москвы на Красной площади с советских времен существует некрополь, где захоронены не только герои-военачальники и покорители космоса, но и палачи русского народа, которым не будет прощения в веках.

Во время парадов Победы, как и в этом году, стыдливо прикрывают фанерными декорациями мавзолеей, в котором с 1924 года покоится мумия В.И. Ленина, на поддержание которой в приличном состоянии государство тратит миллионы рублей из своего бюджета. Использовать мавзолей как трибуну постсоветское антикоммунистическое руководство не стало, не желая ассоциировать себя с основателем СССР, т.к. Владимира Ильича как организатора и вдохновителя «красного террора» обвинили посмертно в геноциде духовенства, в сословном геноциде дворянства, интеллигенции, казачества и зажиточного крестьянства, в голодоморе в Поволжье и прочих преступлениях. Не говоря уже о создании по его инициативе национальных республик как отдельных государств, включая Украину, никогда не существовавших, что после развала СССР нам и аукнулось.

За мавзолеем у Кремлевской стены рядом с могилой Сталина расположена могила с памятником Якова (Янкеля) Свердлова. Член ЦК РСДРП(б), РКП(б), председатель ВЦИК, убитый в марте 1919 г. Самая зловещая и кровавая фигура большевизма.

Как фактический глава Советского государства он курировал ЧК и сам принимал решения о казнях и взятии заложников. 5 сентября 1918 г. подготовил «Постановление СНК о красном терроре», объявившее массовый террор против всех врагов революции. Как председатель ВЦИК был одним из организаторов разгона Учредительного собрания. Он также организовал *расказачивание*, по сути, сословный геноцид казачества, в ходе которого было уничтожено около двух миллионов казаков, включая женщин и детей. Свердлов лично подготовил и организовал расстрел царской семьи в 1918 г. в Екатеринбурге, исполнив, таким образом, желание лидера нью-йоркских сионистов банкира Якова Шиффа, угрожавшего Николаю II смертью, если он не отменит черту оседлости. За исполнением казни Романовых следил брат Свердлова, полковник Иностранного Легиона Франции Зиновий

Пешков, приёмный сын А.М. Горького, находившийся поблизости от Екатеринбурга в армии Колчака, а из Нью-Йорка подготовку казни Романовых курировал другой брат Свердлова Вениамин, работавший у Шиффа в банке. Свердлов незадолго до своей смерти готовился сбежать к своим братьям на Запад и даже заготовил для этого загранпаспорта. Их обнаружили в его сейфе в Кремле.

Ко всему прочему этот сатанист и мистик был патологическим ненавистником русского народа и православия. Именно по его инициативе после революции был воздвигнут памятник Иуде Искариоту в Свяяжске.

В Кремлевской стене захоронены кровавые палачи времен «красного террора» и насильственной коллективизации крестьян, гонители православной церкви и геноцида казачества.

В 1991 году москвичи снесли памятник шефу ЧК на площади его имени перед зданием КГБ (теперь ФСБ). Но его могилу у Кремлевской стены не тронули. Над ней установлен его бюст с надписью «Феликс Эдмундович Дзержинский (1877—1926)». По инициативе Ленина он стал организатором Всероссийской комиссии по борьбе с контрреволюцией. 20 декабря 1917 г. на заседании СНК Дзержинский назначен председателем ВЧК (Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией) и был им до её преобразования в ГПУ в феврале 1922 г., а потом возглавлял ОГПУ вплоть до своей смерти. В качестве шефа ВЧК проводил жесткую политику репрессий против противников большевистского режима. Вместе со Свердловым был организатором и исполнителем массового террора, провокаций, сословного геноцида, ввел практику расстрела заложников.

«Дзержинский подписывал небывало большое количество смертных приговоров, никогда не испытывая при этом ни жалости, ни колебаний, — пишет бывший член коллегии ВЧК Другов. — Ряд авторов книг о Дзержинском подчеркивают, что он был психически больным человеком с «вывихнутой душой и фанатической затемнённой сознанием». Нормальные человеческие чувства у него по большей части атрофировались в подполье, тюрьмах и ссылках. И главное — этот «коммунистический Торквемада» ненавидел так же, как и В.И. Ленин, русский народ. Он любил в своем кругу цитировать фразу Ленина: «Пусть 90% русского народа погибнут, лишь бы 10% дожили до мировой революции». В 1922 году, когда Дзержинский был уже главой ВЧК, он признал, что эта ненависть к русским зародилась у него еще в раннем детстве: «Еще мальчиком, — писал Феликс Дзержинский, — я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей».

Такой шапкой-невидимкой для него и стала ВЧК, которая быстро превратилась под чутким руководством «Железного Феликса» во всероссийскую государственную террористическую организацию, где главенствовали паталогические садисты и убийцы, международные проходимцы от сионизма и палачи. После убийства Урицкого и покушения на Ленина в августе 1918 года ВЧК под предлогом мести врагам революции развязала в России красный террор, а, по сути, геноцид русского народа. Дзержинский — организатор массового террора в Крыму с ноября 1920 по март 1921 года, которым он непосредственно руководил через сотрудников ЧК и партийных комиссаров (Пятаков, Землячка, Бела Кун и др.). Все акции красного террора с 1917 по 1926 гг. проходили под его руководством. В советской истории это — красный палач и чекистский ликвидатор номер один.

Вячеслав Менжинский (1874—1934). Красный палач и ликвидатор № 2. Создатель ГУЛАГа, «шарашек» и политизоляторов. Когда 20 июля 1926 года умер Дзержинский, он стал председателем ОГПУ. Был одним из главных организаторов массовых расстрелов и внесудебных репрессий в стране. В своре кровавых палачей ЧК-ОГПУ считался «интеллектуалом». Причастен ко всем кровавым мероприятиям ВЧК и к организации всех фальсифицированных процессов над «врагами народа» в период своего руководства ОГПУ с 1926 по 1934 гг. Именно под руководством Менжинского ОГПУ превратилось в «государство в государстве», сохранив и упрочив свою славу «наводящего страх» карательного органа партии.

В Кремлевской стене по сей день стоят урны с прахом самых кровавых палачей русского народа. Еще одно проклятое имя: Розалия Самойловна Землячка (1876—1947) (урожденная Залкинд). Партийная кличка — Демон. В народе ее называли «Фурией террора». В ноябре 1920 г. секретарь Крымского обкома РКП(б) Землячка вместе с Бела Куном и Юрием Пятаковым организовала массовые расстрелы пленных белых офицеров армии П.Н. Врангеля, не щадя членов их семей.

После того, как Крым был передан в руки Бела Куна и Розалии Самуиловны, они пригласили в председатели Реввоенсовета Советской Республики Крым Льва Давидовича Троцкого, но тот ответил: «Я тогда приеду в Крым, когда на его территории не останется ни одного белогвардейца». Руководителями Крыма это было воспринято не как намек, а как приказ и руководство к действию.

Усердие Землячки в ходе красного террора Ленин и его окружение оценили высоко. «За заслуги в деле политическо-

го воспитания и повышения боеспособности частей Красной армии» Розалию Землячку наградили в 1921 г. орденом Красного Знамени. Она была первой женщиной, удостоенной такой награды. За свои палаческие заслуги она вошла в руководство КПСС и Советское правительство. Умерла своей смертью, пережив все партийные чистки и репрессии. И вот что показательно — в Израиле об этой фурии красного террора в наши дни вспоминают как о героине «еврейской революции» в России, хотя под ее пулеметом погибли вместе с русскими офицерами и некоторые лидеры сионистов в Крыму.

Рядом с Землячкой в Кремлевской стене захоронены и другие деятели «еврейской революции»: Петр Смилович, председатель Государственного комитета по земельному устройству еврейских трудящихся (Комет), главным образом в Крыму, и руководитель ликвидации участников Антоновского и Кронштадского мятежей.

Идём далее. Ярославский Емельян Михайлович (настоящие имя и фамилия — Миней Израилевич Губельман. 1878—1939), председатель Центрального совета Союза воинствующих безбожников. Именно он был организатором всесоюзной атеистической кампании, по его инициативе в печати была развернута травля Церкви, осквернялись храмы, вскрывались раки с мощами святых. Был редактором журналов «Безбожник», «Безбожный крокодил», «Безбожник у станка». Именно этот «организатор безбожного движения» выбросил лозунг: «Борьба против религии — борьба за социализм!» В конце 1920-х годов Ярославский выступал за запрет на исполнение церковной музыки, в том числе Чайковского, Рахманинова, Моцарта, Баха, Генделя и других композиторов. Ярославский составлял списки запрещённых книг, в которые вошли произведения Платона, Канта, Вл. Соловьёва, Л. Толстого, Достоевского и др. Такие списки рассылались по библиотекам, где эти книги должны были быть переданы в спецхраны или уничтожены. До недавнего времени имя этого сатаниста носила улица в г. Ярославле, где стоит кафедральный собор Ярославской епархии.

Проходя вдоль Кремлевской стены и захоронений большевистских палачей, законников и богоборцев, я не могу избавиться от мысли, что воздаваемый им по сей день «респект» — это позор не только нынешней российской власти, но и нас, граждан Российского государства. Каково на параде печатать шаг по Красной площади корпусу российских казаков, знающих, что у Кремлевской стены лежит в почете организатор геноцида казачества Янкель Свердлов?..

Почему же мы терпим присутствие этих ликвидаторов русского народа в самом центре столицы России, что оскорбляет память замученных ими людей, унижает нас и извращает мировоззрение наших детей? Происходит это именно в силу утвердившейся в умах многих россиян полуправды — когда говорят о репрессиях при советской власти, имеют в виду обычно только 1937-й год. Реже — 1933-й. Но о репрессиях с 1917 по 1933 гг., т.е. весь период красного террора, обычно «забывают».

Позорно, что имена красных палачей и ликвидаторов по сей день носят многие улицы нашей страны и целые города.

В Москве есть улица Менжинского, о подвигах которого на посту шефа ВЧК говорилось выше. Есть станция метро «Войковская» и Войковские проезды. Петр Лазаревич Войков (1888—1927) — советский партийный деятель, дипломат, член большевистской партии с 1903 г. был одним из организаторов и исполнителей убийства царской семьи. Будучи помощником Я.М. Юровского по «Дому особого назначения», участвовал в расстреле Романовых и занимался уничтожением тел убитых. Застрелен в Варшаве русским эмигрантом Б.Ковердой 7 июня 1927 г. Есть и улица палача Крыма Белы Куна.

Как-то, гуляя по Москве, я случайно вышел возле парка Сокольники на улицу Атарбекова и не поверил своим глазам. Ведь она, как я выяснил, была названа в честь палача Г.А. Атарбекова (настоящая фамилия Атарбекян). Это он, будучи начальником Особого отдела и председателем трибунала на Южном фронте лично расстреливал заложников. Известен своей расправой над отставными царскими офицерами на курорте в Пятигорске, которых он лично рубил своей шашкой и добивал кинжалом.

Как мы можем с этим палаческим паноптикумом жить и совмещать существование на нашей земле памятников красным палачам со столь священным чувством, как патриотизм?! Да, это часть истории России. Но наследие стыдного и недостойного, а уж тем более негодного не должно быть предметом почитания наших сограждан, особенно подрастающего поколения. Мы можем и должны его отринуть.

Пора, как ни протестуют против такого решения коммунисты, убрать некрополь с Красной площади вместе с мавзолеем В.И. Ленина, а его мумию захоронить по христианскому обычаю. Ленин, кстати, сам еще при жизни завещал похоронить его рядом с матерью в Петербурге. Как основатель Советского государства он, как и Сталин, вполне достоин места в так пока и не созданном Национальном Пантео-

не. Туда можно было бы перенести прах руководителей СССР от Ленина до Черненко вместе с урнами наших выдающихся ученых, политиков, космонавтов и военачальников из кремлевского некрополя. Но пока суть да дело, еще до его ликвидации надо бы выбросить из урн прах тех, на ком лежит вина за красный террор и геноцид русского народа.

Патриотизм — это не идеология

Статья 13 нашей Конституции гласит: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

В последнее время, однако, с самых высоких трибун данную статью требуют отменить и установить в качестве государственной идеологии патриотизм. В Сети можно найти с десяток диссертаций и опубликованных работ, авторы которых научно обосновывают необходимость утверждения патриотизма в качестве «государственной идеологии». Голоса в их поддержку раздаются и в обеих палатах Федерального собрания. Такого рода призывы настораживают с учетом не только советского тоталитарного прошлого, но и недавней истории диктаторских режимов в Европе, Азии и Латинской Америки. Они все от Муссолини и Гитлера, от Салазара до Трухильо, от Перона и Батисты возводили личную власть на фундаменте своих партийных программ, превращенных в государственные идеологии. В чем опасность такого рода трансформаций?

В.И. Ленин в своей еще дореволюционной работе «Что делать?» поставил вопрос жестко: «Буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет. <...> Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной» (Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 6. С. 39–40). С приходом большевиков к власти эта формула стала основой государственной идеологии Советской России и идеологического террора, базой красного террора, а также всех их последующих мутаций и репрессивных кампаний в СССР.

Жертвами этого государственного и одновременно идеологического террора стали миллионы советских граждан, которым отказали в праве инакомыслия и одновременно в праве на жизнь. Как показало дело великого русского поэта Гумилева, на вопрос «Ты за красных или за белых?» нельзя было ответить: «Ни за тех, ни за других». Вот поэтому следователь ЧК и один из боевиков «еврейской революции» Якоб-

сон шил дело Гумилеву, приведя его к расстрелу только за то, что он не хотел быть ни за белых, ни за красных.

Ленин часто в своих трудах ссылался на Маркса и Энгельса, но как-то не заметил, что классики марксизма считали идеологию ложным сознанием, так как она выдает желаемое за действительное, а ее последователи насилуют действительность, чтобы этого желаемого достичь. И была бы только действительность... Вот ведь обещал Хрущев: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Государственная идеология, в какой бы она форме ни провозглашалась, будь то коммунизм, национал-социализм или какой-то другой «изм», неизбежно приводит к тоталитаризму, диктатуре правящей партии и беспределу ее верхушки. Претендентов на такое верховенство в России, готовых в духе Ленина покончить с гарантированным нашей Конституцией идеологическим разнообразием, сегодня предостаточно. И не только в правящей верхушке, но и в затаившейся пятой колонне, в том «особняке», о котором писал режиссер Богомолов.

Эти жуки-точильщики, как показала история перестройки, обладают потрясающей способностью к идеологической мимикрии и к подначиванию российской государственности изнутри. Для них, приверженцев идеологии либерализма, превратившегося в наше время в тех же США и Англии в одну из разновидностей фашизма, патриотизм — не более чем предвыборный лозунг, хотя он так же несовместим с их подлинными взглядами и убеждениями, с их политикой, как различные группы крови. И то, что на публике эти негодяи иной раз с двойным, а то и тройным гражданством, с виллами и банковскими счетами за рубежом рядятся сегодня патриотами и предлагают возвести патриотизм в ранг государственной идеологии, настораживает, так как вся либеральная рать выступает за поражение и развал России. А патриотизм им понадобился для захвата власти и установления своей диктатуры, где они и будут определять: кто — патриот, а кто — нет; кто — благонадежный гражданин, а кто — враг народа. Это мы уже проходили. Патриотизм всегда был и останется в мировоззрении русского народа и других россиян, так как это категория не политическая, не идеологическая, а духовная. Патриотизм поэтому у нас сродни вере в Бога. И потому для его утверждения в массовом сознании в России нет необходимости менять Конституцию.

КАЛЛИГРАФ

РАССКАЗ

Евгений Карпович Щеглаков слыл в торговом мире города непревзойдённым добытчиком дефицита для оборудования магазинов, ресторанов, кафе. Мармиты, морозильные камеры, фреон, витрины, автоматы газводы и прочее хозяйство содержались в исправности благодаря Евгению Карповичу. Даже трубки для модной неоновой рекламы исхитрялся изыскивать. Скромного инженера по снабжению местного Росторгмонтажа собирались произвести в высокий чин управленцев горсовета. Он сам гордился своим недюжинным даром и ввергал бахвальством в ужас набожную супругу.

— Я снабженческий гений, гений сыска, фаворит богини торговли, кумир директрис и продавщиц торговых заведений! Виртуоз и маэстр снабжения и экспедиций.

На что супруга его Ксения Михайловна лишь сокрушённо всплескивала руками:

— Не Щеглаков ты, а Щегольков; не виртуоз, а вертихвост и павлин!

А он выхаживал кандибобером: зимой в «москвичке», бурках, в папахе-«пирожке»; летом в коверкоте с бобриком. Как и надлежало его

ПРОЗА

сану. Глядя на него, самоуверенного, вездесущего, пробивного, горожане поговаривали, что он даже из-под земли, из-под воды, из всякой атмосферы достанет свечу зажигания и поставит все точки на дыбы! Карпыч и нарзаном зальёт город, и пивопроводом.

Алёшенька любил качаться у папки на коленях и внимать его рассуждениям.

— Ключам подход нужен, сына, обхождение и приличный вид, — говаривал он и трепал Алёшину чёлку.

— А я, пап, хоть и маленький, но уже большой. Меня спрашивают: «Как звать?» А я отвечаю: «Алёша Евгеньевич!» Правильно я делаю, папа?

— Достойный ответ! Весь в меня! Приятно было побеседовать с лицом красивым и ответственным!

«Старость меня дома не застанет, я в дороге, я в пути!..» — напевал он, разъезжая на своём «Москвиче-комби» по деловому Уралу. Но в буранных снегах Оренбуржья уснул он навсегда ямщицким сном.

Хоронил весь город. Совсем недавно шутили: «Щеглаков — двигатель торговли!» После него заржавели автоматы газводы. А он мечтал очистить захламлённую Вязовку, пригнать драгу и мыть золото во благо города. Личность!

Безутешная Ксения Михайловна долго убивалась по мужу. Алёше мнилось, что папа скоро вернётся из командировки...

Он был на похоронах. Мать подвела его к гробу. Он положил ручонку на руку отца:

— Папа, я уже не маленький, я уже большой!

Ему показалось, что рука потеплела. Мать с плачем встала на колени, обняла сына. Он утешил её:

— Мама, а у папы рука тёплая!

Она забила в рыдании, её едва успокоили. Директор виновато произнёс:

— Я ему шофёра дал, а он отшутился: «Нет барству дикому!» Я без него как без рук. Прости, Женя!

После поминального обеда директор отвёз Щеглаковых домой. И был потрясён! С показной бравадой его всемогущий Карпыч перебивался с семьёй в жалкой халабуде! Хваткий снабженец не урвал себе ничего. Сапожник без сапог.

Осиротевшим Щеглаковым выделили однокомнатную квартиру в новом шлакоблочном доме.

— Спедитор! Важна птица-персона! Кандибобером хаживал, весь из себя! А мальчонка евоный замухрыш. А вон и она, никакого вида не имеет!

— Перевелась с мужниной работы с кладовщицы. Переживала, всё о нём напоминала.

— В комендантши общежитские устроилась.

— Комендант? О-о!..

Будто на насете жалости на лавочке дворовые «квочки», судачили, мусолили новости соседей каждого по очереди. Когда проходил мимо сын Щеглаковой, ехидно спрашивали:

— Как звать тебя?

— Алёша Евгеньевич! — вежливо отвечал он, хотя знал, что они посмеиваются над ним и над его ответом.

Помнил слова отца, как надо относиться к людям. Обхождение он имел, а приличного вида нет. Добротные, на вырост, ковбойка, вельветовые короткие штаны поизносились, стали малы, сандалии просили каши. Штопанная-перештопанная одежонка Щеглакова виделась уличной пацанве барчуковой, и его звали Щеглом. «Приличный вид» обтёрхался до дыр и опростился до предела: одни трусы — ни майки, ни обутки. Теперь Щегол ничем не отличался от пацанов, и его звали уже Щега. Фамилии удобно укорачивались: Крюча (Крючков), Лебя (Лебедев), Кузя (Кузнецов), Пиля (Пилипчук)... И Щега стал своим среди своих.

Ксения Михайловна заведовала женским общежитием, который был похлеще мужского. Рабочим девчатам требовалась ежедневная помывка, домашняя обстановка в комнатах на шесть койко-мест. Нагуливали младенчиков. Хлопот с девоньками хватало. Вербота, оторванная от родительского дома. А она как мать. Вставала раным-рано и спешила к своим питомицам.

Лёшка поднимался после неё. Как говорил папка: впереди планов громадье и груда дел. Первым делом, опережая конкурентов, шулял по танцплощадке, под ней находил расчёски, гребешки, зеркала, губную помаду. Всё это богатство собирал в холщёвую котомку. Папиросы, чинарики складывал в тут же найденный портсигар. Иногда удача улыбалась пошире: попадались перочинные ножички, монеты. И лишь изредка уловистое утро рыдало от счастья: кошелёк! Да ещё с червончиком! Засоням-конкурентам после такого тщательного обследования почти ничего не оставалось: пуговки, шпильки, заколки. Они рыпались на «раннюю птаху». Приходилось драться, отстаивая обменный фонд.

— Приходи вчера с мешком холщёвым! — подначивал он.

И это ещё больше бесило соперника. Бой ожесточался, отчаянно махали кулаками, мяли бока друг дружке. Хрипя, ругаясь, катались по земле. После таких потасовок видок у Щеги был самый бойцовский! Расквашенная сопатка, фингал под глазом, разбитые коленки и прочие геройские знаки отличия: ссадины, синяки, царапины. А главное, непримиримый боевой дух!

Порой до схваток удавалось прошвырнуться вокруг обшежитий. Под окнами котомка пополнялась кухонной утварью: мятыми кружками, сломанными ножами, гнутыми ложками, вилками, побывавшими в сражениях. Дни получек праздновались широко, с разбитыми окнами, с поножовщиной.

Бахвалясь, сборщики высыпали своё богатство из котомок, и начинался великий обмен и торжище. Один раз Щега отдал всю котомку за запонки. Удачливый Крюча нашарил их в тёмном углу под танцплощадкой. Перламутровые, они напоминали отцовские.

После ритуального торга-обмена с румяной зарёй начинался полнокровный ребячий день. Старьёвщик приезжал на телеге с разукрашенным попугаем на плече, скрипел попугайчьим голосом:

— Я добрый Жако, обменяю всё легко!

— Жако приехал! Жако!.. — бросались к нему ребятишки, хотя и знали, что он пластмассовый.

Сборщики распахивали перед менялой котомки. Он выбирал самое обменное и выдавал «стрелкам» самое ценное: пестики с пистонками. Пистонки — это для пердышни в песочнице. А вот поджига — это да! Расходовались все коробки спичек. Селитровыми головками и шариками от подшипника начинался медный ствол, прикрученный к деревянной рукоятке. Зажжённая спичка касалась цевья. Выстрел со вспышкой — и «пули» пробивали забор! Иногда самопал взрывался, и стрелок оставался без глаза или без руки.

Мастера поджиг переключались на более масштабные взрывные проекты. Закладывали в яму с водой карбид, накрывали тазиком. Под ним бурлило, клокотало — и туда пускали зажённую в смоле стрелу из лука. И хоть пиротехники отползали от места взрыва на десятки метров, он достигал свои жертвы. У одного осколок тазика срезал ухо, благо остался жив; другой без ноги скакал на костылях.

Щега придерживался мирных игр: гонял на пустыре мяч, играл в чехарду, лапту, городки, чижа. Слыл непревзойдённым чикистом. Чика доставляла особое удовольствие, здесь ему не было равных. Меткая свинцовая бита, победный клич: «С орлом, с остовом!» Столбик монет рассыпался — и всё «орлом»! Всё его! На деньги играл в ножички; но вместо ножичка использовал трёхгранный напильник без ручки. И всегда выигрывал!

Пердышня запускала воздушных змеев, постреливала из луков, из рогаток. И вот однажды маменькин Валерик поспорил с искусённым Щегой, что тот не попадёт из лука в

яблоко на его голове. Начитался Вильгельма Телля. Не по-жадничал, водрузил на свою курчавую голову румяное яблоко. Метко целился «Вильгельм Телль», но промазал. Стрела чиркнула по щеке Валерика. Завопил, схватился за голову, закорчился в муках. Донесли отцу, пожарнику. Началась погоня. Щега успел скрыться. За Вязовкой в кустах ирги.

Деды-сторожили слободы Вязовой сказывали, как в недавние времена водились в речке метровые полосатые шуки. Сливные горячие мазутные воды с металлургического завода загубили их любимицу. Сбродные квартальные новожили с правого берега завалили её всяким непотребством: ржавыми кроватями, худыми корытами, матрасами с торчащими пружинами. Вязы повыврубили, благо, на их место с ближних садов перебралась ирга.

В зарослях её и затаился беглец, дрожащий от страха: выбил глаз Валерику, преступник!.. Промок, чуть ли не напоился в речке на арматуру. Трясся, зубы отстукивали чётку. Помаленьку дрожь унялась, даже парко стало от речки. Принялся сооружать шалаш, построил, залез в него: ничего, жить можно!

В густых зарослях рясные ветви ирги, нагужевался, вкусные ягоды!.. Дружки поди калачики ромашковые жуют, клевер-кашку, стручки акации. А он лакомится. Здесь, в слободе, у Толяна Верескова весь палисадник в ирге. Фиолетовые кисти свешиваются через штакетник. Ешь не хочучу! Сладкие, с ореховым привкусом...

А вот и сам Веря лёгок на помине! В войнушку слободские играли и застукали Щегу. Испугался, но они его в плен для хохмы взяли. Не ведали даже о его выстреле. Слухи повсюду быстро летают, а может, их и нет. Успокоился. Толян позвал картошку копать. У них десять соток. Усердно трудился на грядках, как будто заглаживал вину. Вересковы наградили ударника труда ведром отменной картохи. В туесок насыпали ирги — подарок матери.

Смеркалось, до темноты просидел с вересковскими дарами под мостом через Вязовку. Мать обегала всех его дружков, поругалась с Виноградовыми, что затравили её сына. Стояла на крыльце подъезда, напряжённо вглядываясь в темноту. И вот является преступный Вильгельм Телль, отягощённый заслуженным вознаграждением как труженик огорода. С оханьем, аханьем, с плачем обняла Алёшеньку. Слава Богу, всё обошлось! У Валерика на щеке лишь царапок. И сынок нашёлся! Да ещё вон какой богатый!

Записала жигана в домпioneerский кружок выпиливания и выжигания. В квартире запахло столярным клеем, дрес-

вой, морилкой, лаком. Выпиливал, клеил ажурные полочки, шкатулки, рамки. Выжигал на фанере картины: Вязовка деревенская, какая она была в прошлом, какой её видел отец в будущем; кисти ирги на самодельных разделочных досках. Эскизы узоров, пейзажей Алёша набрасывал сам. Мать гордилась успехами сына, часто повторяла:

— Прав был Евгений Карпович: от рук умнеет голова.

Пошёл Щеглаков в первый класс. Подтянутый, в школьной форме сталистого цвета: фланелевые брюки со стрелкой, гимнастёрка. Фуражка и ремень со школьной эмблемой, до блеска начищенные ботинки. Следовал завету отца: сделал дело — гуляй смело! Сразу после занятий садился за уроки. С лёгким сердцем выходил на улицу. Теперь сударушки на лавочке по достоинству оценивали его наружность:

— Справный у Ксении Михайловны паренёк!

Аккуратная чёлка, рубашка с коротким рукавчиком, укороченные штаны чуть ниже колен, носки, кеды. Обходительный: «Добрый день! Добрый вечер!» Над таким не посмеёшься!

Состязался с пацанами, набивал ногой мяч до ста, зоску до полусотни — щёчкой ноги. Популярный спортивный снаряд: свинцовая пуговица, пришитая к лоскуту кожи суровой ниткой или проволокой. Безденежный азарт накалялся в денежный: в орлянку, в чику. Нет-нет, да кто-нибудь из игроков спохватывался:

— Я ещё уроки не сделал!

И слонялся Щега один под окнами: авось, что-нибудь и перепадёт. Под виноградовским окном чуть не наступил на тетрадку. Поднял: «Тетрадь по чистописанию ученика 1 а класса Валерия Виноградова». Открыл и поразился — она вся была исписана каллиграфическим почерком: буквы, слова, предложения. Как будто выводил чистописец. И красным красно от пятёрок! Круглый отличник!.. Как тетрадь оказалась на улице? В окне мелькнула ехидная Валеркина моська. Подкинул, язва! Тебе, дескать, Щега, такой почерк не по силам!

Отнёс тетрадку домой. Прикатил к Валерику на подшипниковом самокате. Победитель самокатных гонок; украшенный выжиганием чемпионского орнамента: олимпийские кольца, факел.

— Тебе чего? — настороженно открыл дверь Валерка.

— Вот бери за тетрадь по чистописанию!

Тот вытаращился и лишился дара речи. Ему купили подростковый велосипед, но он всё время клянчил покататься на самокате. И вот у него самый лучший, щеглаковский самокат! Ну и Лёха!

— Не бойсь! — успокоил тот ошеломлённого счастливец. — Я ещё смастерю!

Перепробовал все перья, чтобы превзойти Валерика в чистописании: «семечко», «пионер». Выбрал номер «11», удлиненное, с бронзовым отливом. И учительница похвалила:

— Настоящий каллиграф ты, Щеглаков!

*Лето летело —
Мне перепало:
Пощекотал я
Карманов немало! —*

гундел под гитару Чмырь, вернувшийся из колонии для малолетних. Лето пропарился мелкий шипач. Весь в наколках, клёши, бобочка, кепарик с пуговкой, кривой прикус с чинариком. Цвиркал сквозь зубы:

— Гадом буду, в натуре!

Уркаган! Когда кучковались сопливые почитатели, бацал свою любимую, уркаганскую:

*Откинулся с зоны, счастливый!
Воздух прозрачен и свеж!..
Нет у ворот моей милой!
Где ж ты, родимая, где ж?*

*Шмару мою в бордельеро
Лапает пьяный амбал.
Ах, моя Верочка, Вера,
Ждёт тебя жуткий финал!*

*Спрятался месяц в тумане,
Спрятался ножик в кармане,
Шмару мою повстречал —
Вот и жестокий финал! —*

с надрывом заканчивал финал и хрипел: «Вот так, в натуре!»

«Лето летело — мне перепало...» — мурлыча под нос, Лёшка убрал с холодного подоконника герань. Стекло махрово заиндевело, мороз-искусник изобразил сплетения серебристых лиан. Репродуктор рядом с ходиками на стене объявил тридцатиградусный мороз и что занятия в школах отменяются. Студёная выдалась зима. Тополя в кухне, редкий прохожий в куржаке. А Щеглакову всё нипочём! Заглянул на всякий случай в школу: никого, кроме сторожихи.

Драповое пальто с цигейковым воротником, валенки, шапка ушастая с лямками. Поскакал заяц-побегаец в детскую библиотеку в центре города. Библиотекарша, зябкая, замотанная в шаль, всплеснула руками и вручила стойкому читателю только что полученную книгу «Джура» о герое Черногории.

Никакие стужи не пугали мальчишек. К валенкам сыромятными ремешками и палочками прикручивались «снегурки» с завитыми носками. Ключки из проволоки, из сучковатых палок. И самый крепчайший в мире мяч! Коняшка старьёвщика Жако отменно калилась, и катыши смерзались напрочь. И лихо летал, скользил такой мяч по укатанному снегу. Пар клубился над хоккеистами погуще, чем над Вязовкой. Из неё вытаскивали железные пруты, гнули букву «п», сгибали пополам. Зимние самокаты, тарантасы, с двумя полозьями. Конечно же, это чудо вытеснило обычные санки.

Однажды Щеглаков с горы на тарантасе разогнался так, что мог улететь в Вязовку, сокрытую в облаках пара. К счастью, куча мусора остановила его роковой полёт. Запурхался он в ней со своим тарантасом и в серпантинах магазинных чеков. Чековую ленту аккуратно смотал в катушку. Дома ножницами отрезал самый недорогой чек. Выстояв очередь в булочной, храбро подал его продавщице:

— Мне полкіло пряников!

Та взяла чек, испорченный, такие день назад выбросили на свалку.

— Паразит! — завопила она и чуть не выпрыгнула из-за прилавка.

Сладкоежка-мошенник пустился наутёк. Погоню не слышал, успокоился. В булочную уже не сунешься: опознают! Пошёл в гастроном. Решил всё-таки купить назло ведьме-продавчихе вожделенные полкіло, да ещё мятных, да ещё с глазурию! Зимой с наличкой туговато: чику не срежешь, в ножички не сыгранёшь. Но в орлянку всегда можно выиграть. Наскрёб полтинник. В гастрономе к кассе выстроилась очередь. Отойдя от кассы, тётушка с авоськой обронила чек. Лёшка поднял: небогатый, рубль семьдесят. Подал покупательнице.

— Спасибо, спасибо! — пробормотала та и пошаркала к прилавку.

Выскочил из магазина. Дома из рисовального альбома выдернул листок, отрезал ленту. С помощью линейки оторвал от неё прямоугольник: низ и верх не должны быть «ножничными». Тёткин чек запечатлелся отчётливо, скопировал его точь-в-точь. Фотографическая память!

В гастрономе для блезиру потолкался в очереди к кассе и подошёл к бакалейному отделу. Протянул чек продавщице:

— Мне полкйло пряников, мятных, с глазурью и «кис-кисок»!

Та мельком глянула на «чек», наколола на штырь и одарила Щеглакова двумя кулками. С победным видом, прижимая покупки к груди, вышел из гастронома. Вспомнил позорное бегство из булочной, ухмыльнулся:

— Что такое «не везёт», и как с ним бороться? Вот так! — рубанул дерзко, мстительно.

Погужевался сам и раздал сладости окружившей его пацанве. Два дня побаивался, что спохватятся в гастрономе, начнут поиски поддельщика. Никакого шухера! Чисто сработал! Калиграф!

На булочной и гастрономе красные флажки! Куда податься?.. В кинотеатре «Искра» показывают «Пархоменко». Уже раз смотрел с пацанами. Как он одним махом повалил целую роту на землю! Богатырь!.. И десятикопеечный простенький билет чётко запомнился. Подсинил синим карандашом бумагу, остро заточенным «кохинором» напечатал билет. Беспрепятственно сходил на героя Гражданской войны.

Старшеклассники уже похаживали на танцы в Дом культуры. Билет тоже «лёгкий», двадцать копеек. Запросто нарисовал Игорю Москвину, футбольному капитану. Радёшенек тот был! Попросил Москву никому не рассказывать.

— Зуб даю! — пообещал тот и всем разболтал.

Хорошо, что не поверили. Как, мол, такой шпендик может печатать, как типография?..

Вечерами при наступлении темноты, со своими архаровцами начал пугать прохожих. То же проделывали осенью. На арбузной корке вырезали треугольные глаза, широкий рот. С зажжённой свечой ставили страшную маску на обочине. И это задолго до америкашкиного хеллоуинского поветрия!.. Нервные шарахались, набожные старушки крестились...

Зимой «скульпторы» лепили из снега чудовищную полую башку, рогатую, хрюкастую. При появлении прохожих бросали внутрь зажжённую бумагу с фотоплёнкой. С треском, шипением огненный вонючий дым валил из пасти и циклопического глаза. Дымовуха!.. Люди убегали, одна старушка хлопнулась в обморок от этой преисподней. На зачинщика донесли. Участковый учинил выволочку Щеглакову и пригрозил колонией. Мать со шлепками забрала негодника у сурового блюстителя.

Весной после очередной ходки откинулся с зоны Чмырь. Ещё не сошёл снег с танцплощадки, а он уже собрал почитателей и сбавал под гитару:

*Блатную жизнь я полюбил ещё с пелёнок,
Крутил, вертел разнuzданной шпаной,
И даже ухарь Пантелеев Лёнька
Был мелюзгой в сравнении со мной.*

*Мне дамы ноги целовали, как шальные,
И таял я среди таких утех,
И мой нахальный смех всегда имел успех,
И моя юность раскололась, как орех!*

*И в час урочный мои часики пробили,
И позабыли меня очи голубые,
И корефаны, гады, позабыли,
Штормяги к одиночеству прибили.*

*Сижу на нарах как король на именинах
И пайку серого мечтаю получить.
Смотрю, как кот, в окно, теперь мне всё равно,
Я никого уж не сумею полюбить!*

«Смотрю, как кот, в окно...» — вторили ему сопливые обожатели. Бывалый, ослепительная фикса, снисходительная ухмылка. Кумир!

Утром, шукая по старой привычке на танцплощадке, на месте выступления Чмыря Щега нашёл диковинный рублик, в два раза меньше обычного, «ржавого». Такие малюсенькие денежки водятся поди только у вилипутов. Многие почему-то лилипутов называли вилипутами. В городе красовались афиши гастролей Московского цирка. И главным циркачом значился иллюзионист Златогоров со своими ассистентами лилипутами. Неужто ворюга Чмырь обворовал этих несчастных маленьких человечков?

Щеглаков цирк не любил: мучают животных, акробаты чуть не падают с высоты, клоуны с размалёванными рожами несмешно кривляются. Да ещё вилипуты с пухлыми детскими личиками выставляются напоказ. Жалко их: больные, замедлились в росте. Есть крошки — полметра всего!..

В понедельник цирк не работал. Лёшка прошмыгнул мимо зазевавшегося вахтёра. В фойе прыгала через скакалку с пышным бантом, в коротеньком платьице не то девочка, не то тётенька, похожая на куклу. Алёша остановился около

прыгуны и вежливо кашлянул. Та вскинула на него голубые мальвинные глаза и детским голоском спросила:

— Вы кто?

И он почему-то, как тогда, в далёком детстве, представился:

— Алёша Евгеньевич! — и протянул циркачке рублик: — У вас такие денежки?

Она повертела его перед глазами, посмотрела на просвет:

— Где вы его взяли?

— Нашёл на танцплощадке.

— Ну и танцоры у вас! — Она отдала ему рублик, пальчиком поманила, чтобы он наклонился, и прошептала на ухо: — Левша!

Он разинул рот, выпрямился, пробормотал:

— При чём тут Левша, он же блоху...

Она по-балетному усемила на арену.

На свежем апрельском воздухе после цирка с запахом конюшни дышалось легко. И Лёшку осенило: на зоне умельцы ещё те! Хлеще Левши! Чмырь настоящий рубль сворачивал в кубик и бросал на драку-собаку: кто развернёт, тот и получит. Пыхтели претенденты, ногти ломали, на зуб пробовали тщетно! Чмырь подкидывал кубик, ловил и, как фокусник, разжимал кулак:

— Оп-па-а!..

На ладони цветочком разворачивался рубль. Стало быть, Чмырь потерял эту искусную подделку. И впрямь, на другой день пытал пацанов: не находил ли кто на танцплощадке маленький рублик?

— Какой, какой? — удивлённо вопрошали те.

Болезненно скривился, блеснув фиксой, сплюнул, безнадёжно махнул рукой.

Щеглаков почуял, что в этом рублике сокрыта какая-то тайна. Чмырь так бы не убивался, если бы мог творить такое художество. Значит, на зоне кто-то в единственном роде. Щеглаков даже под лупой рассматривал маленький рублик: не придраться! Попробовал скопировать — куда ему! Интересно, как бы оценили нумизматы такой «раритет»? Положил реликвию в самодельную шкатулку. Там лежали найденные запонки, как оказалось, вовсе не похожие на отцовские: эти перламутровые, а у отца яшмовые. Загнал старьёвщику за губную гармошку. У Чмыря гитара жутко барахла, и он подарил ему эту гармошку. Тот, весельчак, балагур, последнее время ходил почерневший, сам не свой. Даже не поблагодарил за подарок. И вдруг схватил Лёху за плечи, как за спасение:

— Тебя Каллиграфом прозвали? Ну-ка, покажь своё искусство! — он вынул из внутреннего кармана пиджака конверт, достал письмо: — Сможешь написать таким почерком?

Вычурный, с вензелями: так царские господа-офицера рисовали, изошрялись, признаваясь в любви своим дамам сердца. Красота!

— Сложновато! — буркнул Лёшка. — И никакой я не каллиграф!

Чмырь осунулся, сторбился, вмиг превратился в потрёпанного жизнью горемыку. Жалко его стало Щеглакову, да и виноват перед ним за сокрытый рублик.

— Ладно, постараюсь!

— Постарайся, Щега! Гадом буду, не забуду! — Провёл по губам гармошкой: — Лето летело, мне перепало!..

И в качестве поощрения рассказал свой коронный анекдот. Оказался щипач на концерте пианиста. Глядел, глядел на виртуозное исполнение и с сожалением вздохнул:

— Такие пальчики — и такой фигнёй занимается!

Но бодрился он натужно, предчувствуя беду. «Нумизмат, отправляю с Чмырём достижение всей моей жизни. Распорядись по-честному!» Не утерпел щипач, заглянул в конверт, захотел потешить пацанов забавным рубликом. Находивший в чужих карманах сотни рублей — потерял единственный крохотный рублик! Беды не миновать — надо выкручиваться!

Каллиграф сменил «Чмыря» на «Шныря», с которым тот вышел на волю. Сличил Чмырь две ксивы и остался доволен. Подкинул конверт в лавку нумизмата.

«Пишешь, Кент, что отправил своё достижение с каким-то Шнырём. Ни Шныря, ни достижения не видел. Обнаружил лишь конверт с твоей ксивой у себя на прилавке.

Нумизмат».

«Темнила ты, гад! Не крысятничай. Гадом буду, достану!»

Рублик художника Кента стоил немалых денег. Переписка накалилась до взрыва. Нумизмат мотанул за границу. Чмыря и Шныря пустили в расход. Подобная участь миновала Каллиграфа. До него, простого советского школьника, ужасный гений Кент не добрался.

Ходила легенда, что некий посетитель ресторана расплатился купюрой с Ильичом, нарисованной на ресторанном столике. Его якобы арестовали, он согласился рисовать в Гознаке ассигнации разной стоимости. Каллиграф эту быль слышал и догадывался, кто в ней отличился.

90-е... Лихолетье. Разгул преступности. В этой беспредельщине на всю страну прогремело дело «Авизо». Банковская

система подорвана. С баланса Центрального банка кражи и кражи сотен миллиардов рублей. Пропадают ценные бумаги. Задержаны пять сотрудников ЦБ, заведено сто уголовных дел, а затем и тысячи! Полторы тысячи банков уличены в коррумпции. Невиданные задержки платежей. Мафиозные дудаевские сепаратисты стряпают фальшивые извещения-авизо о платежах на десятки миллиардов рублей. Дудаев наглеет: проявил смекалку при недочётах в работе банков. «Смекалистый»: взятки, вымогательства, угрозы, убийства! Самолёты, битком набитые награбленными миллиардами, приземляются в Чечне. Дудаевская банда вооружается: денежки есть! На войну списывают преступления, связанные с фальшивыми авизо. Многие архивы исчезли. После войны всё же вскрылись ужасающие факты грабежа России. Начались аресты...

В кабинет технического редактора книжного издательства Алексея Евгеньевича Щеглакова вошёл человек с джигитской выправкой, со взглядом горного орла.

— Асланбек Садулаев! — представился он и сел на стул у стола редактора.

— Вы по какому вопросу? — устало спросил Щеглаков. — Если книгу издать, то это не ко мне, к главному редактору!

— Вы техред, верстаете, макет делаете, заглавные буквы рисуете, — осведомлённо проговорил посетитель. — Денег на печатную книгу у меня пока нет, но на рукописную найдутся. Почерк у меня корявый, а вы бы каллиграфическим почерком написали красиво.

«Опять Каллиграф!.. Дела давно забытых дней», — усмехнулся про себя Щеглаков и спросил:

— О чём речь?

— Вот здесь моя речь! — Садулаев положил на стол диктофон, похожий на портсигар. — Здесь история моей жизни, которую я наговорил.

Последние слова он произнёс, волнуясь, с лёгким кавказским акцентом. Щеглаков открыл диктофон с кассетой:

— Она у вас одна?

Из накладных карманов пиджака Садулаев достал ещё три кассеты. Целая сага! Щеглаков поморщился: не хотелось связываться с историей этого кавказца, чеченца поди. Да туговато с деньгами. Издательство едва держалось на плаву. Люди в полуголодную пору о хлебе насущном думают, а не о пище духовной.

— Что от меня требуется? — нервно побарабанил пальцами по столу.

— Красиво написать то, что на кассетах. И чтобы заглавные буквы — узорные, в орнаменте. Оформить книгой. Я семь лет отсидел, — Садулаев криво усмехнулся: — Наверняка слышали про нашумевшее дело фальшивых авизо?

— «Нашумевшее»... Мягко сказано. Оборотни, нечисть! Тот же Дудаев!..

— Вот-вот, меня и загребли, что я на одной улице с дудаевскими родственниками жил.

— Во как?! — удивлённо воскликнул Щеглаков.

— Тогда многих замели: неправых и правых. Хочу честь и достоинство своё восстановить. Пусть знают, что Асланбек Садулаев пострадал как без вины виноватый.

— Кто узнает?

— Кому надо, тот и узнает! — мстительно процедил сквозь зубы Садулаев.

— Жизнь бекова, и винить некого! — охладил его пыл Щеглаков.

— Ты это брось, начальник! Я едва живым выбрался. Вот тебе задаток! Ты уж постарайся!

Помрачнел Щеглаков от такого обращения, стопкой сложил кассеты. Выпроводить бы «жертву юстиции»!.. Да мать захворала, лекарства дорогие... «Золотой» рублик великого Кента сейчас бы ой как пригодился!..

Ксения Михайловна, ещё будучи комендантшей, приглядела для сына в общежитии славную, пригожую девушку. Пригласила Катю, познакомила с Алёшей. Милая мордашка, скромно потупленный взор. Но иногда глазки её начинали бегать, и тогда казалось, что она косенькая на оба глаза. Мать обхаживала её, подарила ей малахитовые бусы, которые хранились в заветной шкапулке с запонками отца. Там же прятался гремучий рублик, поднявший в своё время шухер на всю вселенную. Шедевр Кента исчез. Мать простодушно предположила, что смахнула бумажку и замела веником в мусорное ведро. Алексей даже не вздохнул: что упало, то пропало. Ксения Михайловна метила себя в свекрови и просила Алёшу быть с Катей полюбезнее. Но что-то настораживало его. И скоро заноза отпала: к Кате из армии вернулся её парень. Ни девушки, ни рублика!..

Как и всякое личное жизнеописание, история жизни Садулаева, изложенная им самим, была приукрашена. Однако в ней виделся человек не самодовольный, а уверенный в себе, в своих способностях. А они у него, судя по всему, были немалые.

Многодетная чеченская семья жила подворьем. С малолетства Аслан был незаменимым работником в домашнем хозяйстве. Пас овец на горных пастбищах. Хорошист в учёбе, отличался в шахматных олимпиадах. Ходил в авиамодельный кружок, стал участником Всесоюзной выставки школьного технического творчества. Придумал необычное изобретение. Когда приходили гости, открывали тугую калитку и поругивали Аслана, что не отремонтировал. Она же с помощью хитрого устройства качала воду из колодца.

Выигрывал состязания по джигитовке, борьбе. Называл себя шерпом и водил туристов в горы по козьим тропам. Сноровистый, уже подростком проявил деловую хватку. Разводил перепёлок и продавал яйца: деликатес, полезные для здоровья, диетические. На птицеферме разгуливали индюки, цесарки, страусы. Холил павлинов для украшения экзотических садов с фонтанами местных «шейхов». Альпийские луга оказались весьма благотворны для садулаевских яков. Значительно повысились надои ячьего молока, оно поражало своей жирностью. За это достижение Асланбек Садулаев получил золотую медаль ВДНХ.

В злую годину разрухи и запустения вспомнил: там, где когда-то пас яков, находился аэродром. С него взлетал «кукурузник» «Ан-2» и вёл наблюдение за пожарной безопасностью лесов. За взятку он был списан, и Садулаев продал его одному богатенькому, который мечтал иметь аэродром и личный самолёт. Когда начались повальные обыски, докопались и до исчезнувшего самолёта: деньги за него из пожарного управления до банка не дошли. На допросе Садулаев признался: да, он собирался купить самолёт, но управление предпочло продать его более выгодно, кому, он не знает. Следствие отнеслось к делу Садулаева предвзято, несправедливо и не по закону. Для смягчения наказания адвокат выложил перед судьёй медаль ВДНХ, награды за спортивные победы, патенты ВОИР на изобретения дельтаплана с маховыми крыльями, кресла вертолёта. Однако снисхождения к своему подзащитному адвокат не добился. Тому пришили самолёт, а в придачу и родство с самим Дудаевым.

На зоне он давал сдачи уркам и паханам, защищал слабых. Спас паренька Сергея, того чуть не «отпетушили» насильники. Серый отбывал срок за групповую драку с убийством. Мать переживала за сына, просила Аслана поддерживать Сергея. Нюра, добрая русская женщина, любящая мать. Вышел Аслан на волю вместе с Сергеем. Теперь у них одна семья. Аслан собирается жениться на Нюре...

Диктофонные записи закончились. Щеглаков перелистал написанный им манускрипт. Красиво, с завитушками. Каллиграф!.. Самооправдательный «эпос» оказался не совсем чистый, в крапинах и тёмных пятнах: завиральные изобретения уровня Леонардо да Винчи, смутная история с продажей самолёта, умолчание о его спасении Ньюрой... На зоне свирепствовал туберкулёз. Нюра обменяла двухкомнатную квартиру на однушку, на вырученные деньги покупала дорогие лекарства, барсучий и медвежий жир, лосятину у зверовиков, чтобы спасти от чахотки сына и Аслана. Об этом он упомянул в своём сочинении вскользь, как о должном. И как бы сделал ей одолжение за помощь, пожив какое-то время с ней после отсидки.

Серый жил у какой-то шмары, во всём повиновался Аслану и по первому зову спешил к своему покровителю. Часть денег за проданный самолёт Садулаев спрятал на чердаке своего дома. А часть под выгодный процент выпросил Абуталип, глава дагестанской диаспоры в уральском городе. После зоны Аслан на «чердачные» деньги купил себе и Сергею по «мерсу» и отправился с парнем к Абуталипу, чтобы возратить долг. Тот владел гастрономом, вёл себя как султан, но встретил кредитора в подсобке. Туда же набились его воинственные прихвостни, дюжина алчущих крови. Садулаев убедил Абуталипа, что на зоне помел связи с крутыми авторитетами, и они не посчитаются ни с чем! Заёмщика всего покорёжило, он выгнал из подсобки своих «гордых горцев», полез в сейф и со скрипом вернул долг.

Обогатившись, Садулаев ушёл от Ньюры, снял квартиру, завёл подругу. Своей прекрасной леди решил подарить замок. Расчувствовался над чудесно оформленной книгой своего жизнеописания. Щедро расплатился с Каллиграфом и спросил, есть ли у него знакомые, у которых дача напоминает замок. Готов купить за любую цену для своей возлюбленной Вики! Стало быть, у него водились и не «самолётные» деньжата.

Главный редактор, мастеровитый, выложил из дикого камня половину дачного дома и завершил его бревенчатым теремом: окошки с резными ставнями. Искал покупателя, чтобы выгодно продать своё детище. Щеглаков бывал у гостеприимного хозяина, блаженствовал в сауне на первом этаже, у камина попивали пивко с вяленой рыбкой. Тут же выходили прохладиться на балкон, опоясывающий второй этаж. В розоватой дымке простирались манящие дали с оглушительной симфонией из оркестрантов: птиц, цикад, лягушвы.

Поехали смотреть. В первом «мерсе» Аслан со своей королевой. Сзади, во втором, Серый, по-телохранительски озирающийся по сторонам, и Каллиграф. Только отъехали, Аслан остановился около какого-то бомжа:

— Привет, Чалый! — и протянул ему сторублёвку.

— Чалый с нами парился, недавно откинулся, — пояснил Серый. — Аслан добрый, всегда поможет. Он и Вику вытащил из притона.

— Модель! — оценил Щеглаков.

— У Аслана отменный вкус! — с некоторой завистью произнёс Серый. И вдруг вскинулся: — А ты поменьше базарь!

— Базара нет! — успокоил его Щеглаков: неужто парень на длинноногую запал и возревновал или за мать-брошенку переживает, а может, за своё подчинение?..

Хозяин любезно встретил покупателей, повёл знакомить с детищем. Вика восхищалась и совсем замерла от восторга на балконе, чаруясь дивным пейзажем.

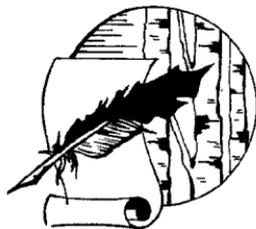
— Асланчик, и это всё моё?! — она обняла Садулаева и страстно поцеловала.

В этот миг Сергей, стоявший позади рядом с Каллиграфом и хозяином, ринулся на влюблённую парочку. Узорчатые перила из ясеня не выдержали...

Серому вменили убийство на почве ревности в состоянии аффекта.

Щеглаков перелистал ксерокопию жития Асланбека Садулаева, вздохнул: судьбы Господни неисповедимы... А почерк красивый. Каллиграф!

г. Нижний Новгород

Юрий КРАВЦОВ

ЧЕРЁМУХОВЫЙ ВЕТЕР

РОДИНА ЖИВА

Сгорело лето в раскаленной топке,
Кураж стрижей вверху сошел на нет.
И вот настал несмелый, неторопкий
Со свежестью колодезной рассвет.

И в серебристой чистой окантовке
Из инея в сплетении раки
Моя река заветная Знобовка
Зелеными глазищами глядит.

Опять я здесь, шагами измеряю
Былую жизнь, она, как трын-трава.
Я с каждым годом что-нибудь теряю,
Но слава Богу, родина жива!

МИГ

Остановись, весенний миг,
Пока цветы на ветках целы
И сад в объятиях твоих
Неузнаваем, белый-белый!

Да, знаю, миг придет другой,
И лепесток с нарядной груши,
Сорвется с грустью над рекой,
Все равновесие нарушив.

Кукушки зычный метроном
И рокот грома в отдаленье
Твердят, что я покину дом
В такое ж легкое мгновенье.

В святую вечность унесу,
Как драгоценность высшей пробы,
Моих родимых мест красу
В момент цветенья белолобой.

В ЛОДКЕ БЕЗ ВЕСЕЛ

Отпуск. Июль. И в душе ощущение,
Что ты вдоль ив, тополей и осок
В лодке без вёсел плывешь по течению
И не желаешь уткнуться в песок.

В белом тумане, как будто видения,
Избы, колодцы, стога и столбы...
В лодке без вёсел проходят сомнения
В том, что ты баловень сельской судьбы.

Веки прикроешь — всё небо качается,
Ластится к жарким ладоням вода.
В лодке без вёсел опять возвращается
Всё, что успело уплыть в никуда.

ЧЕРЕМУХОВЫЙ ВЕТЕР

На полсвета вольно разметнулась
Вдоль реки черемухи волна.
Будто с нею вновь ко мне вернулись
Юности горячей времена.

Буйный ветер спутал с облаками
Белый хмель, таящий холода,
И бежит, общается с веками
В лепестках бурлящая вода.

Сколько б ты ни жил на белом свете,
Всплеск весны тебе не надоест:
Бег реки, черемуховый ветер
И места родимые окрест.

БРОДИТ РОЖЬ

Тем поселок и хорош
В летней знойной дымке,
Что с ним рядом бродит рожь,
С ветерком в обнимку.

В двух шагах — покой, шмели,
Васильки, колосья,
Коростель скрипит вдали,
Как в мороз полозья.

И как только в небесах
Свет высокий тает,
В поле на ржаных усах
Зорька засыпает.

НА ЛЫЖАХ

Город, заснеженный весь, даже слишком.
Светится он от избытка добра!
Крыши домов, как раскрытые книжки —
Разве не чтиво луне до утра?

Лыжи найду в захламленном чулане.
Возраст? Забуду на время о нем
И полечу по равнине, по грани
Между огнистым закатом и днем.

Скрипом окрестных собак будоража,
Стану я думать, сминая версты,
Сколько еще я не видел на нашей
Чудной земле неземной красоты!

С горки к реке свои лыжи направлю
По мановенью зимы и луны.
После себя на сугробах оставлю
Две серебристых поющих струны.

БУДЕТ ВСТРЕЧА

Будет встреча. Она неизбежна,
Но пока до тебя не пройти,
Потому что порошей мятежной
Март-разбойник заносит пути.

Будет встреча. С утра обнаружил
На окошке в стакане с водой,
Как пробился сквозь долгую стужу
Листик-первенец вербы святой.

Будет встреча. Из яблок румяных
Твой любимый пирог испечен
Будет встреча, и в праздник духмяный
Будет сумрачный день превращен.

МЫ ОСТАЛИСЬ

Мы остались навеки с тобой
В той сторонке, где рожь колосится,
Где над нами в дали голубой
Кувыркались июньские птицы.

От чужих осуждающих глаз
Мы со смехом сбежали на время,
Где глядели лишь злаки на нас
И ромашек таинственных племя.

О, затишья зеленый приют
Под высоким, невиданным небом,
До сих пор над которым поют
Жаворонки, синицы над хлебом!

И пускай нас простит агроном
За примятых любовью два метра,
На которых вместился наш дом
Из колосьев, и солнца, и ветра.

ТЕПЛО ОТЦОВСКИХ РУК

Сталюга, долото и струг,
Все в старой мастерской хранится,
В них теплота отцовских рук
И взлет души его таится.

Он утренней зарей шагал
В далекие лесные чащи
И долго-долго дуб искал
Для звучной клепки подходящий.

Стоял былинный лес в красе,
На ветках раскрывались почки.
Дубы могучи, но не все
Годились для надежной бочки.

Под вечер покидал он лес,
Дымя газетной самокруткой,
Через плечо наперевес
Нёс груз, уставши не на шутку.

С любимым делом он спешил:
Вставал бывало спозаранку
И клепку терпкую сушил
На раскалившейся лежанке.

А после был безмерно рад
Стrogать, и в доме пахло лесом
И в перерывах самосад
Пускал над бондарем завесу.

Дуб неподатлив и упруг,
Но побеждало вдохновенье,
Упорство мастера и струг,
И бесконечное терпенье.

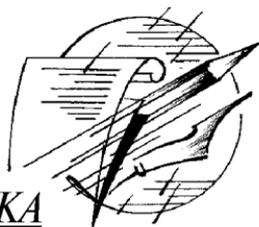
п. Суземка Брянской обл.

Владимир ЛЕПЕХИН,
кандидат философских наук

О НЕСМЕНЯЕМОЙ ЭЛИТЕ И «ЖАРЕНОМ ПЕТУХЕ»

Осознать глубину, масштаб и перспективу нарастающего в РФ цивилизационного кризиса российскому обществу пока не удастся. Отсюда — всё более глубокие фрустрации, а также идеологический разброд и административно-политические шатания внутри российской «элиты», оказавшейся не способной понять и принять новые цивилизационные вызовы, в том числе — вызов беспрецедентной по своим масштабам русофобии, трансформировавшейся в январе 2023 года в твердое решение определенных сил на Западе уничтожить Россию, вычеркнуть её из истории любыми возможными способами, включая применение ядерного оружия.

Проблема усугубляется еще и тем, что большинством граждан РФ информационное пространство сегодня в нашей стране считается неприемлемым. Любой, кто сегодня в России открыто заговорит о цивилизационном тупике, называя своими именами его истинные причины, рискует быть обвиненным в паникерстве, в пособничестве врагу, а то и в предательстве интересов Родины. Вершителями же людских судеб становятся все

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

больше даже не руководители государства, а их обслуга: чиновники, а также пропагандисты государственных СМИ, по команде перебежавшие из лагеря либерал-реформаторов и демократов в лагерь «патриотов-охранителей», которым вроде как дано право развешивать ярлыки. Отсюда — неспособность российского социума системно посмотреть правде в глаза и состояние почти полного национального паралича, при котором и верхи, и низы хотели бы изменить нынешнюю ситуацию, но, увы, и те, и другие в данный конкретный момент времени абсолютно бессильны...

И вот с этим феноменом следовало бы разобраться. Действительно ли реальные и потенциальные субъекты современной российской политики ничего не могут изменить в стране к лучшему? Давайте рассмотрим все имеющиеся возможности.

Первое, что следует понимать, когда мы говорим о возможностях и мотивах российских элит и общества в целом сформулировать адекватные ответы на внешние геополитические и геоэкономические вызовы, — это проблема субъектности...

Теоретически в каждом социуме обычно имеются три основных политических субъекта — носители трех подчас принципиально разных позиций в отношении происходящего: во-первых, это верховная власть в лице лидера или ведущей олигархической группы, во-вторых, национальная элита, в-третьих — народная масса.

Может ли глава государства в современной России стать субъектом позитивных перемен? Теоретически — может. Собственно, именно этого — мудрых, позитивных и эффективных пронациональных решений — и ждет от президента России большинство граждан страны. Но будут ли такие решения (чистка элит, смена экономической модели и проч.) и когда — этого сегодня в нашей стране не знает никто, включая, возможно, самого президента. Во всяком случае, в настоящее время сложно усмотреть наличие в стране предпосылок, свидетельствующих о способности и готовности действующего главы государства к фундаментальному пересмотру проводимого им курса и, например, о его намерениях основательно обновить нынешний правящий в РФ класс, после чего модернизировать политическую систему в качестве основного и неперемennого условия необходимых перемен.

Мы можем допустить, что в одно прекрасное утро глава России (после приснившегося ему ночью откровения или иного попушения) вдруг переродится и единовременно уво-

лит с государственной службы тысячу самых отъявленных коррупционеров, тут же заменит отставленных чиновников принципиально новыми и высокопрофессиональными кадрами, после чего подпишет пару сотен указов, в корне меняющих ситуацию в стране... Мы можем это допустить, но вряд ли нам стоит фантазировать на эту тему.

Обратимся ко второму потенциальному субъекту позитивных перемен — к народным массам. В самих массах бытует мнение, что «рано или поздно, народ поднимется, как это было в 1917 году» и снова совершит революцию, взяв власть в стране в свои руки. На самом деле ситуация столетней давности в Российской империи, будучи близкой ситуации в нынешней РФ по некоторым формальным показателям (Мировая война, военно-политический кризис, рост протестных настроений в обществе и т.п.), в корне от неё отличается. И прежде всего — отсутствием в современной России массовых и реальных субъектов политического действия.

«Пролетариат» в России как класс практически сведен на нет вместе с производительной экономикой; профсоюзы и оппозиционные движения в стране по факту запрещены; свобода митингов и демонстраций до предела ограничена, революционной партии в стране нет и быть не может, а силовые структуры подготовлены количественно и качественно к тому, чтобы подавить любой народный бунт в зародыше. А главное — народные массы в значительной степени настолько разобщены и развращены идеологией и практикой потребительства и приспособленчества, что сложно ожидать роста в стране в ближайшее время организованных массовых действий, которые не сводились бы к прогулке от Страстного бульвара до проспекта Сахарова.

Максимум, на что готовы сегодня российские народные массы в знак протеста против действий власти и проводимой ею политики — это бежать из страны или уходить в различные форматы самоизоляции: в дауншифтинг, дистанционку, хикикомори, религиозные и бизнес-секты, чайлдфри и проч.

Наконец, «элиты». Способны ли российские «элиты» и какие-то группы внутри этих «элит» взять на себя миссию осуществления позитивных перемен и, с одной стороны, самоорганизовавшись и вооружившись привлекательной повесткой, повести за собой народные массы, а с другой — повлиять на обновление в стране всей управленческой вертикали?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно четко понимать, что такое современная российская элита и каковы ее генезис и эволюция. Нужно понимать, кто пришел к вла-

сти в Советском Союзе в результате перестройки и последующей либертарианской революции августа 1991 года. Автор этих строк уже в течение многих лет подробно рассказывает о том, как еще в конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого века в Советском Союзе изменился внутри- и внешнеполитический курс.

Так, в 1956 году на XX съезде КПСС, широко известном по докладу Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях», незаметно для партии и страны прошла позиция руководства в поддержку якобы ленинского принципа «мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем», которая и ознаменовала собой, по сути, начало нового политического и, следовательно, экономического курса СССР. Далее, в 1959 году, в ходе XXI съезда КПСС Н.С. Хрущев заявил, что «в мире нет сейчас таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в СССР, сокрушить социалистический лагерь. Опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена». И раз так, то можно, согласно тезису Хрущева, не опасаясь тлетворного влияния капитализма, начинать с ним сотрудничать. Наконец, в 1962-м году на XXII съезде партии принцип «мирного сосуществования» был закреплен в новой (третьей) редакции Программы КПСС — в специальном разделе под названием «Мирное сосуществование и борьба за всеобщий мир».

То есть вопреки сталинскому тезису о том, что мирное сосуществование социалистической и капиталистической систем вряд ли возможно в силу имманентно агрессивной природы капитализма, руководство КПСС в 1962 году приняло официальное решение о начале сближения Советского Союза с Западом. Основой же этого сближения стало намерение советского руководства направить страну по пути роста уровня доходов граждан — в направлении «коммунизма» как общества потребления.

Задача, с точки зрения сторонников данного подхода, решалась просто: СССР продает западным странам сырье, а получает от них качественные товары, оборудование и всё, что нужно. Именно под эту установку идеологи Компартии скорректировали ключевую идеологему социализма «От каждого по способностям, каждому по труду», заменив её словосочетанием «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

В желании партийной верхушки удовлетворить растущий спрос населения СССР на материально обеспеченную жизнь вроде бы нет ничего плохого. Подобный запрос был вполне естественным для страны, пережившей ужасы и лишения

Великой Отечественной войны. Люди заслужили роста личного благосостояния. С другой стороны, разворот страны в сторону сырьевого характера национальной экономики таил в себе целый ряд долгосрочных ловушек.

Главная экономическая ловушка была предопределена самим характером международного разделения труда и, в частности, структурой неокOLONиальной, по своей сути, мировой экономики, когда «центр» так или иначе эксплуатирует свою «периферию». В рамках подобного разделения труда США и Великобритания представляют собой управляющий центр, сконцентрировав в своих руках глобальные финансы, интеллектуальную собственность, NBIC-технологии, военную силу и контроль за международными институтами, а Европейский Союз — главную промышленно-технологическую базу мировой экономики, ну а все остальные страны (включая СССР-Россию) — сырьевую периферию.

Таким образом, несмотря на запуск хрущевским руководством в 1956 году второй волны индустриализации Советского Союза и на амбициозные планы по развитию ядерной энергетики, авиакосмической промышленности, машиностроения и т.п., спрос Запада на российское сырье постепенно развернул приоритеты советской верхушки в сторону экспорта природных ресурсов и неизбежного в таком случае замедления научно-технического прогресса в передовых отраслях.

Здесь возникает закономерный вопрос: а разве экспорт сырья (например, углеводородов) не является источником сверхдоходов для «элиты» и, следовательно, для процветания населения стран с богатыми природными ресурсами? Есть ведь пример Норвегии с самым высоким уровнем жизни граждан в основном за счет добычи и экспорта нефти, есть страны Персидского залива, граждане которых поистине «купаются в золоте», и т.п. Почему «ресурсное проклятье» — стало таковым именно в СССР?

Причин несколько, но поскольку обсуждение данной проблемы не является предметом этой статьи, коротко отмечу главную причину. В Норвегии, Саудовской Аравии и многих других странах экспорт углеводородов производится на рыночных началах с контролируемым государством уровнем себестоимости их добычи и контролируемым же распределением доходов. В СССР, в нынешней России и в таких странах, как, к примеру, Венесуэла или Нигерия, себестоимость добычи размыта, так как прячется в расходах государства; равно как и присвоение прибыли, которую коррумпированные чиновники и их бизнес-партнеры прячут в офшорных

«общаках». Попросту говоря, в первом случае государство богатеет, во втором — беднеет, поскольку иногда продает сырье «партнерам» по ценам на уровне себестоимости его добычи, как это происходит сегодня в РФ в условиях введения санкций.

В конечном счете, «ресурсное проклятье» привело к краху советскую экономику в конце 80-х гг. прошлого века и в итоге уничтожило СССР, и сегодня, спустя почти полвека, в России складывается аналогичная ситуация, когда «сырьевая» экономическая специализация страны повторно демонстрирует свою несостоятельность и грозит вновь обрушить российскую государственность.

В сущности, российская «элита» опять наступила на известные грабли. Почему так произошло? Почему правящий класс в нашей стране оказался абсолютно необучаемым на своих собственных ошибках? И вот здесь мы подходим к главному — к характеристике нынешней российской «элиты», к тезису о том, почему она не только необучаема, но также несменяема и не трансформируема.

Напомним, что в 60-е гг. прошлого века вместе со сменой внешнеполитической стратегии и внешнеэкономического курса СССР, в стране стала меняться и структура «элиты». Взятие курса на приоритетное развитие экспортных отраслей привело к форсированному созданию торговых представительств СССР за рубежом и формированию групп специалистов в области внешней торговли, получивших право выезжать в западные страны, контактировать с зарубежными партнерами, совершать с ними коммерческие сделки, обращаться с валютой, а главное — распоряжаться гигантскими материальными ресурсами. В итоге за два десятилетия в Советском Союзе сформировался полутеневой (находящийся «на особом положении») слой, представляющий собой совокупность всё более мощных 2-3-х десятков «групп интересов», контролирующих экспорт нефти, газа, металлов, золота, алмазов, зерна, леса, удобрений и т.п. (и, соответственно, импорт продукции высокого передела, в том числе — и так называемого «дефицита») и имеющих следующие характеристики.

Во-первых, названные «группы интересов» и совместные с западным капиталом предприятия функционировали в условиях реального рынка — в отличие от всей остальной советской экономики.

Во-вторых, представители этих групп в силу специфики их деятельности были освобождены от жесткого идеологического контроля со стороны партийных органов.

В-третьих, идеологический контроль в этих группах осуществляли органы КГБ, сотрудники которого плотно опекали специалистов советских торговых представительств и компаний.

В-четвертых, представители этих «групп интересов» так или иначе были интегрированы в зарубежные бизнесы и в западный образ жизни; почти все они за два десятилетия «подсели» на западные стандарты потребления.

В-пятых, почти все сотрудники названных внешнеторговых кланов во время контактов с зарубежными партнерами так или иначе подвергались идеологическому воздействию, а иногда и вербовке со стороны западных спецслужб.

Таким образом, к началу 80-х гг. параллельно с вырождением партийного руководства и ослаблением партийного сегмента советской элиты в стране существенно усилились позиции внешнеторговых кланов, слившихся с представителями контролирующими их силовых структур (в первую очередь — органов КГБ) и криминальных группировок (занимающихся, в частности, контрабандой, валютными сделками, торговлей дефицитом «из-под полы» и т.п.) в единый симбиоз бенефициаров будущей перестройки.

Надо ли объяснять, что вся эта мощнейшая, теневая и активно поддерживаемая и направляемая зарубежными спецслужбами и ТНК антиэлита уже с конца 70-х годов вынашивала планы трансформации системы власти и общественного строя в СССР в направлении упразднения в стране идеологической надстройки в лице КПСС и последующей приватизации тех гигантских активов, которыми «торговцы» и «сырьевики» уже распоряжались, но формально не владели?

Именно внешнеторговые и сырьевые кланы при поддержке известной части своих кураторов в КГБ стали главным проводником «перестройки» и важнейшего ее акта — приватизации прибыльных государственных активов.

С этой целью названные торгово-силовые кланы последовательно поддержали в СССР сначала «перестройку», затем — радикальную «демократическую» оппозицию, после чего — «либертарианскую» революцию (в августе 1991 года), упразднив в итоге союзные структуры вместе с КПСС и создав новую систему власти из своих выдвиненцев.

Эти кланы (к ним в начале 90-х годов присоединились еще и финансисты) поддержали реформы Егора Гайдара, ваучеризацию Анатолия Чубайса, курс руководства РФ на строительство «газовой империи» и «Большой Европы» и по сей день составляют верхушку и ядро правящего в России класса.

Более того, в XXI веке Россия не только сохранила приоритет экспорта сырья в экономике страны, но сделала его абсолю-

том: в отличие от многих других государств, где экспортные отрасли работают на страну, в постсоветской России страна как таковая стала средством обеспечения эгоистических интересов частных владельцев ведущих экспортных корпораций. При этом прибыль от продажи за рубежом всё тех же нефти, газа, металлов, золота, алмазов, зерна, леса, удобрений и проч. сегодня в массе своей не возвращается в страну, а остается на офшорных счетах. Покрывая убытки (когда они случаются) за счет госсектора, привлекая бюджетные средства на развитие инфраструктуры для частных бизнесов, нынешние владельцы сырьевых компаний подвели Россию к краю пропасти: экспорт российского сырья на Запад по основным позициям почти закрыт, а собственная индустрия по самым чувствительным для экономики товарам (оборудование, электроника, станки, машины, приборы, самолеты и т.п.) почти свернута.

Впрочем, мы не обсуждаем сейчас ситуацию в российской экономике. Но утверждаем, что в современной России у власти находится «элита», которая исторически сформировалась как сословие преферентной торговли и «большого хапка» и, оставаясь такой и поныне, на самом деле не замотивирована на пронациональные перемены.

В настоящее время эксперты не видят в российской «элите» ни одной значимой группы, которая бы предложила стране адекватную программу преобразований и была бы всерьез нацелена на её реализацию. Более того, нынешняя «элита» выступила заказчиком на разработку и принятие в качестве государственной *идеологии охранительства*, направленной на консервацию нынешней власти и восстановление ситуации в РФ по состоянию до начала СВО.

Значительная часть представителей российского бизнеса стремится покинуть Россию, реструктурировать свои компании с учетом наложенных на РФ санкций, спасти или вывести свои активы за рубеж. Парализовано и чиновничество, поскольку кадровая политика в государстве в последние десятилетия сводилась к тому, чтобы чуть ли не каждая должность в системе госуправления была монетизирована, а каждый чиновник отличался прежде всего лояльностью по отношению к системе, не более.

Отсюда вывод: все три потенциальных субъекта позитивных перемен не обладают необходимыми ресурсами и мотивациями для того, чтобы преодолеть развязанные против нашей страны войны без серьезных потрясений.

Какой же выход? И в чем мы видим гарантии победы России в очередном столкновении с Западом и серьезными системными проблемами внутри страны?

Теоретически формула оптимального ответа России на вызовы времени известна, и автор этих строк неоднократно озвучивал ее в эфирах различных телеканалов. Ответ кроется (с учетом того, что главным фронтом цивилизационной гибридной войны против РФ стали экономические санкции Запада) в смене Россией своей экономической модели с выходом страны за пределы навязанной ей периферийной роли в мировом капиталистическом разделении труда. Но если попытаться выстроить алгоритм этого выхода, то он должен выглядеть так: от мобилизации элит к экономической модернизации и от неё к солидарному государству. Однако не исключено, что заставить российских руководителей перейти от созерцательной позиции к позиции активно-жесткой, направленной на мобилизацию в РФ управленческого звена, сможет только экстремальная ситуация, например, — негативные последствия для России войны с НАТО.

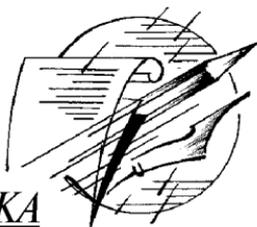
Только прямая угроза самому существованию российских «элит» и значительной части населения РФ, судя по всему, может создать ситуацию, которую довольно точно характеризует известная русская поговорка — «клюнул жареный петух». (Нынешний характер СВО и всё большее втягивание в противостояние с Россией НАТО до сих пор не стали достаточными основаниями ни для российских «элит», ни для главы государства переводить работу органов госуправления в мобилизационный режим.) Что же касается победы России во всех навязанных ей войнах, то она, увы, вряд ли заставит отечественные «элиты» стремиться к обновлению и строительству конкурентоспособного государства. Такой вот парадокс.

Итак, выход России из сложившейся ситуации не просматривается. Говоря политологическим языком, объективные предпосылки для позитивных перемен в нынешней России отсутствуют. Скорее, современные российские «элиты» нацелены на жесткую борьбу за политическое наследие Владимира Путина и установление в стране жесткого авторитарного режима... Но, как я полагаю, пока еще сохраняются лазейки (то есть наличие субъективного фактора), через которые можно попробовать как-то повлиять на исправление ситуации в стране, уже сегодня создавая условия для будущего обновления.

ЧТО ВЫСВЕТИЛ МЯТЕЖ

Несколько месяцев назад руководитель ЧВК «Вагнер» Евгений Пригожин провел в окрестностях Артемовска совещание командиров, где заявил, что в ближайшее время «Вагнер», очевидно, перейдет в новую стадию, будет «перезагружаться». Задача — превратиться из частной армии в армию, способную защитить государство «на основе идеологии справедливости». Прочел я об этом в «Пятой газете». Между тем, никакой официальной реакции не последовало. Помалкивали и вездесущие политологи. Их не смутило: с чего это вдруг олигарх заговорил о справедливости? Уж не на выборы ль в Госдуму собрался? У нас же, как только кто из миллиардеров соберется в «избранники народа», так первым делом о справедливости и начинает толковать. Или какие иные задумки у Пригожина были, чтобы завлечь народ?

И затем последовал до сего дня окруженный слухами, недомолвкам и странностями мятеж «Вагнера», который сам Пригожин нарек «маршем справедливости». Правда, этой взаимосвязи никто из перепугавшихся чиновников постарался не заметить. Перепугавшиеся олигархи стали мазать

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

пятки скипидаром (кто в Турцию, кто в Баку). Чиновники стали твердить о «единстве власти и народа», заверять президента в своей верности. Тверской губернатор Игорь Руденя отличился тем, что посоветовал Пригожину застрелиться по примеру «такого же предателя страны, участника ГКЧП Бориса Пуго». Явно неуместное сравнение. Во-первых, в гибели Пуго много неясностей. Не исключено, что он и его супруга были убиты. Во-вторых, Борис Карлович был человеком чести и долга, а не предателем. Он защищал свою законную родину Советский Союз, которому изменила пятая колонна в верхушке КПСС.

Если кто и изменники, то это Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин... Впрочем, не будем ворошить старое и продолжим разговор о странностях мятежа.

В средствах массовой информации приводятся свидетельства того, что «Вагнер» — проект ГРУ. Создавался он не в коммерческих целях, а для защиты государственных интересов. Государство и финансировало его в солидных размерах. ГРУ наверняка владело информацией о настроениях Пригожина. Тогда почему не упредило мятеж? Почему Владимир Владимирович Путин, зная (вся страна об этом знала) о затяжном конфликте Пригожина с Шойгу, не пригласил их к себе для разрешения ситуации в «мягком варианте»?

Возможно, я рассуждаю по-дилетантски, неведомы провинциалу замысловатые порой тайны «кремлевских башен», но всё же нужно и можно было не допустить развития событий по сценарию, нанесшему ущерб престижу России, личному авторитету президента, что привело к гибели военных летчиков. И возлагать вину за случившееся на одного Пригожина, как мне думается, неверно. Согласен с теми, кто считает: в государстве не должно быть частных армий. Они — мина замедленного действия, которая рано или поздно может быть использована против государства.

Отдадим должное Владимиру Путину. Он проявил выдержку и самообладание. «Батька» Лукашенко, понимая, чем грозит Беларуси смута в России, мудро и своевременно вмешался. Ситуация, что ни говори, могла выйти из-под контроля Кремля и обернуться проявлениями сепаратизма и другими неприятностями. Президент, выступая перед военнослужащими, прямо отметил: «Как всегда бывает в таких случаях — всегда и везде происходит одно и то же: после вооруженных мятежей наступает полный хаос и гражданская война». Этого, к счастью, не случилось. Народ вздохнул с облегчением, верующие увидели в этом проявление спасительной Божьей воли. Не оправдались прогнозы западных «партне-

ров», сникли доморощенные злопыхатели и подстрекатели. Запрятались в свои уютные «норки» проснувшиеся было «спящие».

Теперь не последовавший совету Игоря Рудени Евгений Пригожин то ли в Беларуси, то ли в Санкт-Петербурге или в Москве. Обвинения в организации мятежа с него сняты. Заслуживший уважения за героизм в Донбассе «Вагнер», восемь тысяч бойцов которого якобы собираются перебраться в Беларусь, что вселяет испуг в поляков и литовцев и служит для них сдерживающим фактором. Время провести «разбор полетов».

Что-то уже делается. Готовится закон о частных военных компаниях, «вагнеровцам» предложено заключить контракты с Министерством обороны. Одним словом, власть, хотя и с опозданием, разруливает ситуацию. Но будет ли брошен взгляд окол властных аналитиков в корень, в суть российских проблем? Боюсь, этого не произойдет, отчего и хочется высказать некоторые соображения.

Да, люди в России, безусловно, поддержали и поддерживают президента Путина. И не только за его положительные деяния. Поддержали еще и потому, что боятся потерять вместе с государством свою историческую родину и себя как народ. Сужу об этом по настроениям в провинции. Она живет трудно, обделена вниманием, но люди от земли, как правило, отличаются благоразумием. Разговаривая с земляками в день мятежа, не встретил ни одного высказывания в поддержку Пригожина. Все были против смуты, хотя власть и поругивали.

Это не должно убаюкивать: причины для взрыва народного недовольства никуда не исчезли. Основная из них — вопиющее социальное неравенство и отчуждение «элиты» от народа. По данным Forbes и открытых источников, среди 117 миллиардеров РФ на начало 2022 года 46 имели иностранное гражданство, 65, помимо России, проживали за границей, у 78 там жили члены семьи, а более 88 (или 3/4) имели за рубежом недвижимость. Общее богатство тех, кто частично или полностью связывал личную жизнь с заграничной, — 462 миллиарда долларов. Наживались они, разумеется, за счет России. Всё это налагается на бесправие рядовых граждан. Пребывая почти постоянно в своем маленьком городе, центре вымирающего дотационного района, не понаслышке зная положение в ряде других районов родной области, я вижу, насколько углубилось за годы российского либерализма обособление верхушки местной власти от народа. Отдельные главы, в силу длительной несменяемости, превратились в

удельных князьков и напоминают криминальных авторитетов. «Коррупция пожирает Россию! Она — как самолет. Пока не сядет, не остановится, — с грустью говорил мне умудренный опытом ветеран полиции. — Но сажать себе дорожку. Своих клан не даст в обиду, а тебе, честно исполняющему долг, не простит».

Чтобы облегчить себе жизнь, «новые феодалы» охотно ликвидировали остатки местного самоуправления и с легкостью воспроизводят себя во власти посредством «честных и прозрачных» выборов». У народа не осталось никаких действительных сдерживающих феодальщину инструментов. Его жалобы, взывания к справедливости, как правило, — крики в зияющую пустоту. Об этом свидетельствует и мой личный опыт. Ни на одну из публикаций в центральной и областной печати на тему феодальщины («Кто укротит феодальщину?», «О чем грустит моя родина», «Дурная трава» феодальщины», «Кувшиновская «малина» и ряд других власть не прореагировала никак. Мне словно бы давали понять: пиши не пиши, феодальщина, превращающая народ в бессловесное и бесправное стадо, нас устраивает. Видимо, слово «справедливость» окончательно изъято из лексикона чиновников и заменено «ценой вопроса» как «ценностью» непонятного народу и насаждаемого три десятка лет «гражданского общества».

Но пора бы нам всем миром задуматься над тем, что философия этого самого «гражданского общества» находится в противоречии с исторически сложившимися нравственными установками нашего народа. «В гражданском обществе каждый для себя — цель, — отмечал Гегель. — Всё остальное для него ничто». Однако вскоре после мятежа «Вагнера» президент Владимир Путин назвал «сильное, ответственное гражданское общество» «силой страны». Не бесспорное применительно к России, вызывающее вопросы утверждение. Тем более что неоднократно президентом произносились слова в поддержку «наших традиционных ценностей» и «умеренного консерватизма».

То, что российские граждане объединились в стремлении помочь нашим бойцам и жителям Донбасса, можно, конечно, при желании, представить как приверженность «гражданскому обществу». Но фактически — это проявление никуда не исчезнувшего русского коллективистского традиционализма, стремления к «общему делу», свойственного ранее и жителям царской России, и советским гражданам. И православие — это тоже наша традиционная ценность, а не ценность «гражданского общества». Разве мы не видим, что сделал с православием на Украине Запад и какие он привнес туда «ценности»?

Для пушей убедительности приведу высказывание современного русского мыслителя Сергея Кара-Мурзы: «В России всегда была сильна идея «общего дела», скрепляющего личности в общество... Принципиальное различие традиционного общества от западного в том, что в нем всегда есть ядро этических ценностей, признаваемых общими для всех членов общества... Само западное общество возникло через расчленение... этой общей этики... В большой мере, очистив отношения людей от внерациональных сил (заменив ценности ценой), гражданское общество... стало нечувствительным к потрясениям в сфере идеалов. Так оно стало полностью равнодушным к проблеме признания социального порядка справедливым или несправедливым — критерий справедливости исключен из процесса легитимизации общественного строя... Напротив, для традиционного общества идеал справедливости играет огромную роль в обретении или утрате легитимности».

Какой напрашивается вывод? Поскольку неистребимая тяга к справедливости является неотъемлемой частью русского национального характера, то «гражданское общество», исключаящее идеал справедливости, вполне можно рассматривать как русофобское. Что есть мерило справедливости в нашем народе? Совесть. Следовательно, отказываясь от идеала справедливости, «гражданское общество» отказывается и от понятия совести. Собственно, на Западе такого понятия не существует.

Идеал справедливости необходим, ценен и на войне. Материальное и наградное стимулирование за героизм, понятно, играет свою роль. Мой родственник, командир танкового взвода А.И. Федоров, рассказывал, как охотился на Курской дуге за немецким «Тигром»: «Одного подкараулили, подбили из моего Т-34 выстрелом в уязвимый бок, за что я был отмечен орденом Отечественной войны первой степени. За два «Тигра» давали Героя, но не получилось. Немцы тоже воевать умели, но мы были сильнее духом...» Сильнее духом мы и сейчас.

Для русского воина, участника СВО, важна духовная убежденность в том, что он сражается за справедливость, по зову совести. И такая убежденность у него есть. А это качество воспитывается не «гражданским обществом», а обществом традиционным. Однако следовало бы обратить внимание на одну странность, если не сказать, абсурдность. Провозгласив лозунг «защиты Русского мира», российская власть (по крайней мере, ее часть) остаётся, подобно украинской, приверженной антисоветизму. Но антисоветчик — тот же русофоб.

Почему же так противится традиционному обществу либеральная российская буржуазия? Один из наиболее известных философов современного либерализма Ф. фон Хайек в книге «Дорога к рабству» недвусмысленно ответил на это: возникновение в обществе общих этических идеалов означает его сдвиг к социализму. Вот оно в чем дело!

Ох, как переполошились наши либеральные буржуа, когда, выступая на Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге, руководитель Следственного комитета России Александр Иванович Бастрыкин предложил национализировать основные отрасли экономики страны. Он выразил мнение тех здоровых сил, которые понимают, что утрачивая контроль над финансами и основными фондами, государство утрачивает свою сущность, оказывается в подчинении у корпораций с их СМИ, частными армиями и зависимыми от них чиновниками, депутатами, правоохранителями. Этот процесс действительно не может не вызывать тревоги. По данным Росстата, на 2021 год частного капитала в России принадлежало уже 85 процентов основных фондов страны.

Перед лицом грозных испытаний, когда речь идет о судьбе России, пожалуй, особенно видно, что взятое отечественными либералами напрокат у Запада «гражданское общество» не в состоянии эффективно разрешить внешние и внутренние проблемы и противоречия страны. В таком обществе не может быть ни коллективистской морали, ни социальной справедливости, ни прироста населению из-за кризиса семьи.

Минимальная зарплата в России в два раза меньше, чем в Китае, в три раза меньше, чем в Польше. В то же время, состояние приверженных западным «ценностям» миллиардеров, управляющих экономикой России из находящихся под контролем англосаксов офшоров, постоянно растет. Тот же банкстер-глобалист Греф, именем которого был осенен подтвердивший приверженность либеральному курсу Санкт-Петербургский экономический форум, получает, как отмечалось в «Аргументах недели», полтора миллиона долларов в месяц (уму непостижимо!). И тверской губернатор Игорь Руденя отнюдь не советует ему застрелиться от отсутствия совести.

Не посоветует он сделать это и сбежавшим в Израиль бывшим вице-преьерам (почти все орденосцы) российского правительства Клебанову, Кудрину, Хлопонину, Уринсону, в Германию — Коху, в Италию — получившему израильский паспорт Чубайсу, в США — Дворковичу. Все они, между прочим, носители государственных тайн.

Очевидно, что без принудительной зачистки коррумпированной «элиты», без опоры на традиционные ценности, среди которых справедливость — одна из наиглавнейших, мы не застрахованы от новых распрей и смут. Дельную мысль в адрес российской власти высказал на ТВ политический аналитик Алексей Чадаев: «Они хотят победить, ничего не меняя внутри России и сохранив себя во власти. Но если, сохраняя всё, как есть, победить невозможно, то надо менять курс и проводить изменения во власти».

Вопрос, замечу, более чем актуальный, ибо политический класс, «культурная», информационная, образовательная «элита» в России не народна, она создавались не под суверенный, а под полуколониальный статус страны, свидетельство чему российско-американский меморандум от 2 сентября 1998 года. Прошлой осенью министр иностранных дел Сергей Лавров от имени правительства скороговоркой сообщил, что Россия не будет его исполнять. Но слова не больно-то подкреплены практическими шагами. Либеральная «элита» и «партнеры», похоже, продолжают оказывать на российскую власть сильнейшее давление.

Патриотическую общественность тревожит, что при сохранении существующего положения вещей Россия может пойти на уступки Западу и «украинским» нацистам, и народные жертвы окажутся напрасными. Множатся разговоры о скорых переговорах, в теленовостях не раз проходило упоминание о не принятых украинской стороной стамбульских договоренностях, о которых Лукашенко заметил: если б народ России знал, что это за договоренности, он был бы в шоке...

Круги по воде от мятежа Пригожина пройдут еще не скоро. Не поддержав смуту и не теряя веры в то, что в противостоянии с Западом победа на Украине будет за нами, народ надеется, что в России начнется, наконец, откат от либерального курса, произойдет очищение от олигархизма, феодальщины, коррупционной заразы и будут сделаны конкретные шаги на пути к социальной справедливости. Однако время народных ожиданий не беспредельно.

г. Андреаполь Тверской обл.

АНТИМИР

РАССКАЗ

1

В так называемые перестроечные девяностые годы прошлого века у многих сложилось ощущение, что они живут в тесной мрачно-тёмной комнатке, со стен которой днём и ночью на них «тыряются» с подленьким хихиканьем кривляющиеся вурдалаки, словно сошедшие с полотен графической серии Гойи «Капричос».

Ивана Морозова, несмотря на его рабочую косточку, эти видения тоже не обошли стороной. Однако после Ельцина страна год от года трудно, но менялась в лучшую сторону. Люди почувствовали почву под ногами. Ощутил перемены и Иван Морозов, к тому времени сорокалетний шлифовщик шестого разряда военного ремонтного завода, переехавшего в его родной город вслед за выводом наших войск из Германии.

При всей своей внешней обыденности и среднем с натяжкой росте Иван, тем не менее, выделялся доброжелательной улыбкой на его скуластом, мужественном лице, одетом в темно-чёрную с металлическим отливом жёсткую бороду. И особой причёской а-ля капуль, пусть и высмеянной в своё время

ПРОЗА

писателем Лесковым как присущую лакеям и поварам из домашней челяди да, как я бы добавил, купеческим приказчиком той славной поры — ныне она, несмотря ни на что, очень даже в тренде и называется «шторами», а попросту — «занавеской». Глаза же у Морозова и вовсе были сущностью разительно своеобразной: зорко всевидящие, лучисто-лазерные, точно способные высветить в душе любого человека те его глубинные качества и свойства, о которых тот сам никогда и не подозревал.

Не удивительно, что в итоге два незаурядных, но разнополлярных человека — шлифовщик Морозов и директор военного ремонтного завода генерал-майор Михаил Антонович Вельяминов — не только нашли общий язык и взаимопонимание, но в прямом смысле слова сдружились. Внешне они были полная противоположность друг другу. Против Морозова, да и практически многих иных людей, Вельяминов выглядел знаковой монументальной фигурой: ростом под два метра, плечи разворотистые, мясистые, а мощная ярко лысая голова уверенно возлежит на шее, которую иначе как пнём не назовешь.

На этом различия оканчивались, потому что их общие взгляды по самым обыденным и самым важным государственного уровня вопросам были сродственны, точно два яблока с одной ветки. Более того, их было никак нельзя допускать друг до друга ради непрерывности и эффективности производственного процесса. Как они сойдутся, пусть неожиданно, пусть оба бегущие по какому-то неотложному делу, так нет же, всё равно оба немедленно друг против друга тормознутся и давай с высоким градусом напряжения решать все подряд ведущие вопросы человеческой жизни и вселенского миропорядка. Это за ними на заводе знали многие, и когда с выполнением производственного плана наблюдалось торможение, всякими изошрёнными уловками старались не дать Морозову и Вельяминову сойтись вместе. Особенно бросалось в глаза, что именно Михаил Антонович первоочередно норовил найти возможность при всяком удобном моменте поинтересоваться у Ивана Морозова по поводу его рабочего, бери выше — пролетарского понимания того или иного существенного для жизни страны или, более того, человечества, вопроса. Всемирные он тоже никак не обходил, и брались за них решительно, неистово.

Но этим объёмы обсуждений между ними не ограничивались: всем нынешним западным духовным странностям и явным физиологическим отклонениям они косточки перемыли, самые замысловатые глобальные исторические фак-

ты со всеми их тайнами и далеко идущими последствиями вскрыли. Из свежих тем для девяностых они предпочитали пристрастно отхлестать верхи за дерзостную махинацию с поголовным отнятием у населения сберегательных вкладов или за лицемерно невыполненное обещание выплачивать рядовым россиянам проценты с добычи богатств, содержащихся в недрах страны. Памятное многим дирижирование Ельциным оркестром полиции Берлина на празднике в честь завершения вывода Западной группы советских войск из Германии — мыслили оба и в этом плане с союзным размахом.

Бывало, и высоких творческих тем касались: вполне могли опять-таки с социальным окрасом обговорить выступление в театре оперы и балета певца Григория Лепса или же крепко покритиковать затейников местного «Платоновского фестиваля». Литературу и живопись они тоже не обходили стороной, так как Морозов имел тайное, но толком нереализованное мечтание выражать свои мысли о человеках и человечестве на бумаге. Однако в какой форме, поэтической или прозаической, лучше себя заявить, он до сих пор смущённо не определился. Под стать ему были и генеральские мечты, выражавшиеся в пристрастии к живописи. Это в нём вдруг выскочило, как чёрт из табакерки, после первого же посещения им Галереи старых мастеров, более известной как Дрезденская, перед картинами «Спящая Венера» Джорджоне? «Блудный сын в таверне» и, конечно же, «Сикстинская Мадонна». С вдохновенным надрывом Михаил Антонович остановился и почувствовал в себе среди всех своих воинственных генерал-майорских свойств и особенностей смиренного, застенчивого художника. Далее тайком купил краски, кисти и все остальные причиндалы, необходимые для живописного творчества. Но приступить к нему долго не решался, испытывая себя, как и положено, на классическом карандашном рисунке.

Никак нельзя не отметить, что вся рьяная дружба между директором и шлифовщиком установилась после одной весьма странной закавыки. Как-то директор по забытой им самим причине, явно рядовой, вызвал Морозова. Иван напористым армейским шагом, настоящим молодцом, каким только и мог быть бывший старший сержант кабельной роты полка правительственной связи, вошёл в директорский масштабный кабинет. И как порог переступил, так висевшие на стене над входной дверью отечественные часы «Янтарь» на батарейках, которые, считай, уже год как своё отработали, тотчас, бодро тренькнув, ожили, и стрелки их уверенно и охот-

но занялись своими привычными измерительными обязанностями на элегантно, золотисто переливающимся циферблате с исполненными особого достоинства древнеримскими цифрами.

Генерал встал и солидно откашлялся.

— Это совпадение или ты, братец, того, реально смог как-то невероятным образом запустить эту штуковину?

— Вы про ваши часики? — смущённо засмеялся Морозов. — Так точно, товарищ генерал-майор! — Живо и одновременно робко выдал он хорошим солдатским голосом: — Это у меня такая причуда с самого детства. От мамкиного деда Харлампия перенял. У меня с электричеством какое-то загадочное сродство. Точно я при нем часовым состою.

— Тут ты явно загнул, сосед! — нахмурился Вельяминов. Откашлялся. Пальцами звучно шёлкнул: — Психиатру тебя показать разве что от греха подальше? Есть у меня один знаковый спец по всяким там маниям величия.

Насчет «соседа» Вельяминов не оговорился. Что редко случается и в самой фанфаронски демократичной стране, руководитель военного завода с двумя тысячами сотрудников и рядовой шлифовщик из их числа жили в одном доме: Михаил Антонович Вельяминов на четвёртом этаже, а шлифовщик шестого разряда Морозов на третьем. Более того, оба жили в одинаковых квартирах, которые тогда уважительно называли «чешками», и они явно отличались некоторым смелым авангардизмом планировки по сравнению с былыми классическими «хрущёвками». По крайней мере, проект этих «распашонок» предусматривал отдельный санузел, наличие эркеров и отказ от проходных комнат. Кстати, у Морозова и Вельяминова их «чешки» были с балконами, выходившими на закат звезды по имени Солнце. Это невольно способствовало им обоим по вечерам почти ежедневно определенное время душевно общаться друг с другом со своих балконов. Между прочим, многие соседи выходили их в это время послушать с уважительной внимательностью. Порой не всякий такой сосед был трезв, а, напротив, так даже очень пьян, но и подобные личности никогда не смели встрять в столь невозможно умный разговор двух друзей.

Кстати, окна кухонь у этих обоих заводчан глядели в сторону восхода нашего светила, что в итоге делало их ежедневно сопричастными определенным подробностям жизни Вселенной, что невольно настраивало Морозова и Вельяминова на беседы особой политической и научной звучности.

— Обижаете, сосед... — уверенно прозвучал в ответ голос Морозова. — Как-то указание было от самого президента

Ельцина, чтобы по всей стране тайно найти людей со всякими разными паранормальными наклонностями. И потом их негласно приспособить к полезным в государстве делам: лечить, предсказывать, на мнение чьё-либо политическое влиять. Вот и я им под руку невесть с какой стати попался. Кто-то что-то про меня сболтнул с дуру насчет моей электрической магии. В общем, всякие разные светила медицины приступили меня крутить-вертеть и загадочными лучами просвечивать. Картинки разные требовали рисовать. Однако никаких сверхчеловеческих способностей за мной, к счастью, не обнаружили. А факт моих способностей относительно часов в итоге признали за «антинаучную загадку». Но не без хохота. Даже прозвище мне напоследок дали — «Человек из Антирама»...

2

Одним словом, Иван Морозов и его супруга Люся, директор юношеской библиотеки имени Хармса, на все государственные и прочие иные общественно значимые праздники по-соседски пренебреженно приглашались к Вельяминовым. Об этом можно было бы и не говорить, но есть факты, того убедительно требующие. В четырёхкомнатной, как и у Морозова, квартире Михаила Антоновича Вельяминова за праздничные столы раз от раза рассаживались люди самых разных социальных орбит и возрастов: тот же, скажем, бывший мэр города и самый, что ни на есть, граффист-вандал, заместитель губернатора по промышленности и молодой писатель лет двадцати пяти, автор политических романов-катастроф, не нашедших пока своего издателя, далее — руководитель городского управления культуры и во множестве журналисты из самых-самых любителей докопаться до глубинных мотивов всего на свете. Одним словом, куча-мала, в которой самым «стрёмным» считался бывший однокурсни́к Морозова по физмату, бывший местный олигарх из первого, еще ельцинского «призыва», Илья Круглов, человек масштабной телесности, но при этом обладавший особой утончённой вежливостью и тишайшей застенчивостью. Став в итоге многоходовых и порой весьма загадочно разорительных жизненных перетурбаций сотрудником астрономической обсерватории центрального парка, он, наперекор всем и всему, явно обрёл так называемое «простое человеческое счастье». Не смотря на то, что прямая связь его неказистой обсерватории со Вселенной нисколько не препятствовала быть ей внешне похожей на общественный туалет. Так что некоторые отдыхающие порой в силу нестерпимых обстоятельств именно в

этом плане напрямую использовали её облезлые бледно-коричневые стены. «Мой жёлтый дом...» — так не без гордости называл Илья своё новое пристанище.

Ещё недавно в хорошую погоду при ясном небе множественная любознательная публика восторженно пялилась под заботливым и вдохновенным руководством Ильи в здешний достаточно возрастной и несколько местами ржавый телескоп на Луну, Марс, Юпитер и прочие небесные загадочности, включая те же кометы, затмения и пролёт космических станций. Иногда Круглов устраивал тематические лекции для отдыхающих в парке, о чём заранее извещал их самодельными объявлениями с достаточно неплохими рисунками планет, звёзд и галактик. Его любовь ко Вселенной была так ярка и всеохватна, что некоторые пожилые дамы из когорты слушателей на каком-то отрезке лекции начинали ронять слёзы. Ко всему голос у Круглова мало уступал голосу генерала Вельяминова в своей звучности, напористости и строгости: тайны Вселенной, как говорится, обязывали говорить о них на мощном уровне.

Правда, последнее время интерес к астрономическим откровениям в народе настолько угас, что Круглов, как ребёнок, радовался всякому случайно забредшему в его края человеку, пусть даже по той самой маленькой нужде, и возбуждённо начинал вдохновенно-романтически посвящать его в тайны Большого взрыва или будущих дерзновенных полётов человека к звёздам в поисках иных цивилизаций. Только когда в гостях у Вельяминова Круглов, как обычно после третьей рюмки коньяка, а после четвёртой так непременно, срывался на эту рвущую ему душу тему контакта миров, генерал немедленно и властно возвращал астронома, как говорится, с небес на землю залповой фразой: «А на фига козе баян? Им нас с нашей коррупцией только ещё и не хватало!»

В таких случаях почти все гости азартно аплодировали Михаилу Антоновичу. А те, у кого по части коррупции рыльце было, так сказать, в пушку, били в ладоши бодрей всех.

Такое тяготение к множественности разнокалиберных гостей у Михаила Антоновича рефлекторно обнаружилось после Германии, где он практически никогда не покидал территорию завода и жил затворником. Не смог генерал простить немцам сожжённых в сарае его мамы с батеи и братишками-сестричками за то, что пустили к себе погреться партизанского разведчика. А вот трёхмесячного Мишуньку родители изловчились в одном укромном месте под выгоревшие доски выдать и в самый последний момент на снег выкинуть.

Как бы там ни было, но отчего-то так сложилось в этой генеральской компании, что все здешние разговоры, а более всего споры и несогласия невольно замыкались на Морозове. Быть третейским судьёй тому не очень нравилось, да что поделаешь, если люди, как бы он ни хмурился, как бы на балконе ни прятался всякий раз, бежали к нему для окончательного разъяснения их разногласий. Особенно от молодёжи ему перепадало. Как возьмутся его со всех сторон атаковать, перекрикивая друг друга, так хоть беги прятаться в ванную:

— Дядя Иван, а когда наука научится воскрешать мертвых? А правда, что мы все просто биороботы?!

Морозов на всё на это строго улыбался и застенчиво вздыхал. Мол, всему своё время. Лишь однажды он не сдержался и, положив на чьи-то хилые студенческие плечи свои тяжелые рабочие руки, налитые жёсткой, ломовой силой, глухо проговорил: «Scientia vincere tenebras...»

— Ух ты! — воскликнул студент. — Нормально. Клёво! В натуре, чё это?

— Знанием побеждать тьму.. — застенчиво сказал Морозов и виновато вздохнул, признавая, увы, что побед над тьмой у человечества по-прежнему не много. Ходим вокруг да около, а сущности главной, решающей, узреть не способны.

Традиция такой застольной многоликой массовки не порушилась, даже когда Михаил Антонович перешёл в разряд военных пенсионеров, а словно осиротевшего без него оборонного предприятия вскоре на раз-два не стало. А на месте завода, не откладывая в долгий ящик, царственно, с помпезным ярким открытием поднялось американское сетевое кафе быстрого питания с плохо выговариваемым русским человеком названием Макдональдс. Говорили, что на открытие приглашали саму Примадонну и какого-то там рокера-рэпера, будто бы получившего благословление на свои песенные судороги от Деймона Олбарна и Джейми Хьюлетта, создавших некогда британскую виртуальную группу. Выглядело всё это действие открытия торжественно, если не сказать величественно. Молодые души косяками день и ночь теперь вёртко влетали в его жерло молиться тамошним гамбургерам и бургерам, а также сэндвичам и роллам. В общем, что-то более популярное в городе трудно было теперь найти. Еда в Макдональдсе стала религиозным культом.

Морозов со строгой усмешкой называл это модное общепитовское заведение «чёрной дырой».

3

Только Иван Морозов вовсе не был гением-самоучкой. Его удивительная склонность к философичности, не раз озаряв-

шая многих своими удивительно пронзительными идеями, — это в какой-то степени и бывшие оконченные им три курса физико-математического факультета знаменитого нашего государственного университета с более чем столетней историей.

Однако не ищите ничего рокового и эдакого в том, что Иван был в итоге принуждён дальнейшее обучение в вузе прекратить, потому что у него обнаружилась нарастающая предрасположенность к такому, можно сказать, интеллигентному заболеванию, как, извините, неврастения. Вообще ничего удивительного и предполагающего разные выводы с ухмылкой в этом нет, если сознательно учесть, что такое случилось с ним именно в конце девяностых, когда Россия сполна хлебнула невесть чего из смрадно пахнущей чаши так называемой либеральной перестройки. Потом ещё полгода известно в какой больнице, ещё три месяца дома непременно в лёжку в тёмной комнате, то есть наглухо зашторенной. И чтобы молча, и книг не читать. Газеты и телевизор — тоже по боку.

Здесь и проявились первые творческие опыты у Ивана Морозова: в нем на раз открылся очень по тем временам модный типаж человека — физика-лирика или, иначе говоря, лирика-физика. Это было для него поначалу непривычно, он как-то стыдился всяких своих подобных измышлизмов, а потом ничего, по привычке, вошёл во вкус и принялся их даже записывать: «Полный идиот отличается от худого только весом... Если у вас раздвоение личности, вам не обязательно платить в маршрутке за двоих... Весь мир — театр, а люди в нем — декорация... Вселенная создана для того, чтобы гордыня не убила в человеке человека... Лучше плюнь в колодец, если тянет плюнуть кому-то в душу... Собака лает, а караван идёт. Собака замолчала — караван остановился... Дураков у нас нет — их заместили придурки».

Когда подобных опусов скопилось немало, Морозов, дня три потратив на взволнованные сомнения, так-таки пошёл с ними в редакцию одной местной газеты. Именно — «одной». Остальные всем своим многочисленным кагалом не выжили в новых капиталистических обстоятельствах. Да ещё на фоне отчётливо проявившегося стойкого всенародного отворачивания от процесса чтения книг и газет.

В тесной комнатухе редакции с одной на всех лампой и мистическими водяными разводами на потолке Морозова приняли, как говорится, на «ура». Так называемые рабкоры и селькоры давно перевелись, и сотрудники редакции, столпившись вокруг него всем кагалом, как истинную диковин-

ку разглядывали самодеятельного автора «от станка», словно к ним забрёл инопланетянин И чаем Ивана-рабкора угощали, правда, каким-то пресным, наверное, из экономной серии, конфеткой снабдили, тоже залежавшейся у кого-то в столе чуть ли не с советских времён, и через это достаточно окаменевшей. В общем, разве что только не плясали перед Морозовым тутошние журналисты. В конце концов, решительно послали кого-то из молодёжи за водкой, но чтобы только не палёной, вошедшей тогда в моду у многих почитателей через ценовую доступность.

Морозов отродясь не пил. А сейчас из-за недавней настырной болезненной мороки вообще извёлся: глаза как бы у него и есть, а взгляда, как такового, нет, щёки — бледно-синие, нос — холодно-белый, а губы напухли от ранок, точно ему пластику по увеличению губ, так называемый «кессельринг», неудачно исполнили по части иссечения.

Эмоционально, даже несколько чересчур, порадовавшись народным афоризмам Ивана, сотрудники редакции на прощание торжественно напутствовали его на смелые сатирические материалы «из рабочей жизни». Пригласили главного редактора, чтобы явить ему представителя практически исчезнувшего племени рабкоров. Тот по этому случаю надел висевший годами в редакционном шкафу представительский чёрный двубортный пиджак и жёлтый вязаный галстук эпохи битлз.

Под разнокалиберные аплодисменты он вручил Морозову ярко-красную корочку внештатного корреспондента. И при этом опасливо обнял Ивана, вероятно, памятуя, что ковид и свиной грипп нас пока не покинули.

Выпили водки, закусывая мятными жёсткими пряниками. Кажется, сорокоградусная попалась на этот раз недурная. О сугубом влиянии на ее качество таинственных способностей Ивана Морозова никто и подумать не мог.

Как бы там ни было, а в сходившемся на квартире у директора оборонного завода обществе всегда первый тост уважительно предлагалось произнести именно Морозову. Авторитет заводского философа являлся совершенно непреложной духовной истиной и признанно уважаемым фактом. Это подтверждалось и серьёзным уважительным отношением к Ивану в пролетарской курилке. А рабочий человек, как известно, не только благодаря множественным революциям и восстаниям, им осуществлённым, не склонен к заискиванию. Поэтому проявлял к своему начитанному выше крыше собрату достойную почтительность.

Однажды, пару лет назад, летом, выйдя со второй смены с некоторой задержкой по уважительной причине, то есть уже

после захода Солнца, слесарь-лекальщик Иван Говоров вдруг пошатнулся и сдавленно взрыкнул: «Мать перемать!» За территорией завода, там, где торчали игольчатые верхушки со-сновых посадок, в которых в теплое время года рабочие всех цехов отмечали дни рождения, премии и где «проставлялись» смущённые и озадаченные новички, быстро, вернее — стремительно, но в полной тишине пронеслось нечто не более футбольного мяча почти тусклого оранжевого цвета.

— Что это я видел?! — на другой день после смены в бане словно припёр к стене Говоров своим требовательным вопросом Ивана Морозова.

Мыться, окончив рабочий день, здесь было не просто принято, а необходимо — иначе дома тебя не узнают, не примут за своего — труд здешний достаточно грязный. Так что через это мужики еще и молоко получали бесплатное.

Вот и стоят они оба друг против друга напряженные и самым настоящим голяком. Морозов, как всегда в задумчивости, стоит, опустив голову, так что из его обнажённости вся шея видна размерами чуть ли не бычьими, и видно, как на ней от волнения мышцы подёргиваются.

Ответ был жёсткий:

— НЛО!

— Инопланетяне, выходит?

— НЛО.

— Сам ты НЛО... — огорченно вздохнул Говоров и, отходя с таким больным лицом, словно им отныне гибельно потеряна возможность всякого понимания смысла существования человека и Вселенной, неожиданно поскользнулся на мокром, запененном, кривобоком цементном полу заводской бани.

Да не то чтобы поскользнулся, а это вышло с его стороны нечто запредельное, за гранью человеческих возможностей. В секунду Говоров вскинул ноги выше головы, в миг поняв, что это практически конец. В лучшем случае ему предстоит самая настоящая костоломка.

И вдруг он замер в воздухе, весь судорожно вытянувшись параллельно полу, словно удерживаемый неведомой, явно вневземной силой.

Это Морозов напряжённо, с каким-то неведомым, загадочным выражением на лице обостренно глядел в его сторону.

— Тыфу, нечистая сила! Мать перемать! — взрыкнул Говоров, мягко опустившись на мокрую скамью. И глухо прохрипел: — Вань, а ты, того, сам не инопланетянин? Я же видел, как ты глядел на меня. Как маг какой-то!

— Ерунду не городи, — строго отозвался Морозов.

Итак, празднуют сегодня немногочисленные, но по-прежнему весьма уважаемые гости Вельяминовых очередной достойный праздник. Быть таковым на этот раз выпало встрече нового 2022-го. Отсюда на столе только что запечённая в духовке кура с черносливом, классический салат «Оливье» с молочной колбасой, всякие ажурные конструкции сыров и копченостей, а также золотисто сияющие на глубоких тарелках мордастые физиономии крепкого, налитого его величества холодца, вдохновенно и усердно созданного в двух ведрах мамой шлифовщика Морозова Татьяной Яковлевной, а также замечательная солодовая водка с ностальгическим поименованием «Деревенька». Для предпочитающих коньяк щегольски стоял вполне приличный *Courvoisier Napoleon* с пока еще доступной для хозяина ценой в районе эдак тысяч двадцати, само собой, в рублях.

В общем, едят и пьют гости Вельяминовых с полным уважением к щедрости и душевной расположенности хозяев. Так что всё богатство новогоднего стола употребляется без многозначительного ироничного переглядывания, печальных вздохов или вовсе неприличного хихиканья — одним словом, вполне дружески, радостно и с неплохим аппетитом соответственно возрасту.

И тут вдруг непонятно по каким соображениям, но ясно же, что самым чистым, возвышенным и направленным на благо всего и всех у кого-то из гостей вдруг душевно вырывается вопрос к шлифовщику шестого разряда Ивану Морозову:

— А как вы считаете, Иван Ильич, дорогой наш друг и товарищ, возможно ли перспективное развитие России без западного духовного влияния?

Морозов чутьчку краснеет и останавливает свое священнодействие с фарфоровыми немецкими тарелками, английскими вилками и ножами.

Уважаемый гость уже порывается повторить вопрос, но Морозов вовремя его останавливает взглядом с благопристойной, сердечной улыбкой. Далее он внушительно серьёзно, то есть становится сосредоточенно строг, как опытный, знающий себе цену доктор.

— Духовное развитие сегодняшней России без западного влияния не только возможно, но однозначно необходимо! — наконец решительно выдаёт ответ на раз и как бы не только одному вопрошавшему гостю, а ни мало, ни много — всему человечеству.

— Как вы смело с плеча рубите! А вот такой вопрос, так сказать, на засыпку. Прелюбопытный. И очень сейчас как бы всем нам нужный. Что общего между Петром Великим и Ульяновым-Лениным?

Морозов, не спеша, налил себе рюмку, но пить тотчас не стал, даже ладонью её прикрыл. Мол, погоди, родная, дойдёт очередь и до тебя.

— Я не в праве давать оценки личностям, которых сам не знал... — тихо, но ёмко проговорил Иван. И глаза прищурил, словно чтобы ничего постороннего в них нельзя было бы прочитать. — С вашего позволения я лишь уверенно повторю известную народную точку зрения обоим этим историческим личностям. Так сказать, напомню. Оба эти правителя, единственные среди наших крещеных князей, царей, императоров и генсеков, каковые были прозваны в народе Антихристами.

Морозов судорожно вздохнул, скулы у него мощно шевельнулись.

В это мгновение неожиданно в зальную праздничную комнату зашёл некто лет сорока, то есть практически одного возраста с только что говорившим Морозовым. При всем при том этот некто был активно лысоват, так что на его голове весело и лучисто отражались во всём множестве разноцветные игриво-веселые лампочки раскидистой, просторной елки Вельяминовых. Лицо гостя, правда, было какое-то безликое, словно замаскированное отсутствием очевидных характерных примет. Хотя глаза, несмотря ни на что, глядели остро. Вообще как-то так странно казалось, что их у него чуть ли не целых три! Эдакое триединое всевидящее око. Из себя тщедушен, словно высушен, губы тонкие, точно на них не хватило материала, а нос так прямо хоботком покачивается из стороны в сторону. Одет дорого, однако всё на нём сидит как-то небрежно, неуклюже, словно с чужого плеча. Да еще какая-то в петлице пиджака скособочилась неуместная для новогоднего праздника жёлтая гвоздика в чёрной окантовке, явно искусственного происхождения. В сатирическом смысле намекающая на похороны уходящего года?

Как решили тотчас празднующие гости, что этого человека, естественно, пригласил сам хозяин, только гость по самым уважительным, но явно невинным причинам несколько запоздал. Иначе почему этот некто зашёл так уверенно, вертляво бодро, как к себе домой?

Вельяминов не замедлил утвердить их мнение и благодушно объявил запоздавшего гостя:

— Прошу любить и жаловать — перед вами господин Хатрет. Наш американский гость. Прибыл для получения ра-

кетных двигателей для их НАСА с известного всем вам нашего знаменитого завода.

Нового неожиданного гостя все тотчас встретили радушными улыбками, а бывший начальник управления областного КГБ даже заплодировал, но очень аккуратно, с некоей скрытной профессиональной настороженностью.

Новичок, прищурясь, упёрто, около минуты, похожей на вечность, глядел себе под ноги, что-то шамкая губами и лихорадочно улыбаясь, как вдруг скорострельно заявил:

— Я случайно слышал вопрос к господину Морозову относительно западного влияния на духовное совершенствование России. Мое личное мнение, что оно невозможно ни при каких обстоятельствах. Россия есть такая странная загадка, которую никому не раскусить. А кто раскусит, так тут же ей и подавится. Вот так...

Сказавший как бы с некоторой обидой поднадулся и губы трубочкой свил чуть ли не до посинения. И вдруг переливчато, просто-таки музыкально, всхихикнул:

— Однако вы, как я убеждён, ничего не поняли в моей тираде. Мы с вами люди с разных планет. Разрешите представиться: перед вами признанный борец за либеральные западные свободы. А потом уже ракетчик. А явился я сюда по приглашению хозяина, но, простите, с одной только потаенной целью: испортить вам, господа патриоты, новогоднее настроение.

— Ваш особый юмор нам хорошо известен... — снисходительно проговорил бывший кэгэбист, само собой с непрерывной, как бы всё и вся обволакивающей улыбкой.

— От вас прямо серой пахнет, господин Хатрет... — строго рассмеялся Морозов. — Надеюсь, вам известна фраза, что либералы существуют ради себя. Ради себя, любимых.

— Как вы начитаны господином Достоевским! — поморщился Хатрет. — Чуть ли не слово в слово цитируете классика! Bravo, Фёдор Михайлович сейчас наверняка торжествует на небесах!

Завершив тираду, Хатрет тотчас с какой-то откровенной, неприличной и ненасытной жадностью набросился рвать и метать, приканчивая лежавшего перед ним на английском фарфоре бодро румяного русского цыплёнка табака.

Далее все гости тоже стали очень сосредоточенно есть, словно усердно исполняя некую срочную работу, дабы тем самым объявить себе и всем, что им никакого дела нет до прозвучавших философских измышлений. Они сосредоточенно демонстрировали, что в настоящую минуту весь высший смысл жизни они видят в усердном употреблении кто

сочных румяных отбивных, кто знаменитого «оливье», а некоторые особенно настойчиво работали с отменными сырокоччеными колбасами и знаменитым золотистым холодцом.

— Ах, как вы возвышенно сердиты, господа, судари или товарищи?! — неожиданно вновь проговорил Хатрет. — Да кто вы такие? И всё ваше общество?! Пережиток советского прошлого! Отработанный материал. Тем не менее, позвольте поднять вам на прощание настроение и объявить, что в новом году всех вас ждёт большая военная трёпка.

Морозов напрягся, как борец перед выходом на ковёр. Только он собрался отчетливо ответить незваному гостю, само собой, порядочно, даже более чем порядочно в силу очень многих явных и не только причин, как Хатрет тотчас встал и вышел.

Вельяминов, а вслед за ним Морозов бдительно отправились встать, но нигде Хатрета не нашли.

— Кстату и не кстату... Хатрет с английского переводится как ненависть, отвращение, — строго усмехнулся Морозов.

— Выбрось всё это из головы, — строго усмехнулся Вельяминов. — Или это дурацкий розыгрыш новых хозяев нашего завода, или нам просто-напросто подсунули такого забавного в кавычках гостя на современный манер вместо Деда Мороза. Днями счёт придёт. Наверное, немалый...

При этом половина гостей Вельяминова очень активно, почти раздражённо стала утверждать, что странный новоявленный участник их новогоднего застолья исчез еще до дверей, словно в некое подпространство соскользнул. Даже, толкаясь, ходили придиричиво глядеть, нет ли там какого потайного люка, о котором, возможно, и сами хозяева ведать не ведали.

Морозов невольно чувствовал, что гость исчез не навеки вечные, а по всему способен явиться в любую минуту где угодно и натворить бог знает что. Самое любопытное состояло в том, что сидевшие за столом женщины вообще ничего и никого не видели, никаких умных или там дерзких разговоров не слышали, тем более пристрастного обсуждения новоявленного либерализма. Но женщины на то они и женщины.

— Не разыгрывайте нас, мужики дорогие! — мило засмеялась супруга Морозова Люся. — Начитались, понимаете ли, Булгакова! И решили нас, слабых баб, поугатать! Забавники! Наливайте, господа! Да по полной! И дам не забывайте с их тайными потребностями!

Когда Морозов, наконец, открыл, как всегда раздраженно поковырявшись ключом в изношенном замке, свою дер-

матиновую столетнюю дверь, сикось-накось испещрённую белесыми трещинами, так они глазами и встретились: он и гордо улыбающийся как бы всеми своими «тремя» глазами из неосвещённого коридора господин Хатрет.

Его сразу было и не узнать. Вроде он, а, с другой стороны, некто иной. Словно умел тот время от времени по надобности или вовсе без нее, а забавы ради артистично пребывать в разных лицах.

— Что вы у меня в доме забыли, господин хороший? — устало вздохнул Морозов. — Просто чертовщина какая-то на самом деле. Театр да и только!

— По приглашению я здесь, по приглашению... — более чем аккуратно улыбнулся Хатрет. — Но только не затем, чтобы установить вам приличную входную дверь, — достаточно высокомерно хихикнул гость. — Скажем, со стильной чёрной шагренью двойных металлических листов. А красть, не в обиду будет сказано, а так, по-дружески сочувствуя, у вас, Иван, вовсе нечего. Книг, правда, много. Более чем. Только кому они сегодня надобны? Так что полицию приглашать не обязательно.

— И всё-таки объяснитесь, что вы вокруг меня так ловко, изворотисто избегались?

Хатрет азартно раскинул свои тоненькие провислые руки.

— Печально, когда на твоих глазах хороший человек пропадает... Вам бы, Иван, всего один шаг надо сделать в нашу сторону — и мы вас включим в число послушников «золотого миллиарда», — сощурился Хатрет.

— Иванушка, это я пригласила господина Хатрета! Мы с ним недавно познакомились на его выступлении в нашей библиотеке! — вдруг твёрдо проговорила Люся. — Его мысли покорили всех присутствующих! Вот я и решила просить его побеседовать с нашим сыном. Насчёт перспектив его дальнейшего духовного развития.

— Не тяните кота за хвост! — твёрдо проговорил Морозов.

— Вы не лишены чувства юмора! Блестящего юмора! — вскрикнул Хатрет и позволил себе радостно перегляднуться с Люсей.

Она рассмеялась с явной гордостью от такой оказанной ей чести.

— Нам безразлична судьба молодых россиян из приличных семей. Им край как нужен для успешного развития воздух подлинной свободы! — внушительно, весьма умно и здраво проговорил Хатрет. — Вы свой человек среди широко известных в этом городе людей. Вон и в местную газету прелюбопытнейшие остроты подали. С эдаким тонким подтекстом!

Славы ищите, или с человечеством счеты сводите за все его гадкие зигзаги?

— Ничего подобного! А вы откуда знаете про газету?.. — чуть ли не по-детски обиделся и насторожился Морозов. Даже покраснел, но не очевидно, а лёгкими, почти неуловимыми мазками.

— Мне по штату полагается всеведение! Помните, был такой популярный в СССР киножурнал «Хочу всё знать!» — всхликнул Хатрет. — Если нос по ветру не держать, так быстро можно оказаться на паперти. Потом же, простите, но я не мог не увидеть в вашем доме главное. Его, так сказать, духовное наполнение! Ядро! Фундаментальные ряды увесистых трудов разрушителей царской России Маркса и Энгельса. А предтечи либерализма? Тот же Аристотель, Лао-цзы, Никколо Макиавелли вкупе с Дидро!

Гость вздохнул, аккуратно высморкался с извиняющимся выражением на лице и, как некие стрелки перевёл, — со всей очевидностью деловито и здравомысляще сосредоточился:

— Кстати, я обнаружил у вас достаточно зачитанную весьма знаковую книжечку. «О глобализации», так сказать. Авторство известного господина Джорджа Сороса.

Нельзя было не заметить, что последнюю фразу Хатрет произнёс едва ли не с придыханием. Конечно, с несколько приукрашенными взволнованными голосовыми модуляциями, но при всём при том вполне искренне.

— Какого такого Сороса? — напряжённо вскрикнул Морозов. — Того самого?

— Того самого! — не менее напряжённо отозвался Хатрет.

— Не понимаю, откуда она могла здесь взяться... — поморщился Иван. — Разве кто-то по недогаду забыл? Я дружбу с ценителями Сороса не вожу.

— Не придумывайте спасительные легенды для ФСБ, — тихо, но внятно объявил Хатрет. — У Вас на лице написано, что вы человек донельзя свободолобивый. То есть истинный русский народный либерал! Которого тошнит от любых форм духовного насилия.

— Как хотите, а только насчет какой-то там писанины Сороса я решительно протестую. Вы нарочно мне её подкинули?..

— Так это мне и надо!.. — бодро фыркнул Хатрет.

— Сама в форточку прилетела?.. — прищурился Морозов.

Люся тревожно побледнела. У полных женщин, каковой она являлась, такое особенно бросается в глаза. Одно дело, когда становится серо-матовым лицо-сморчок с детский кулачок, а другое, когда этим унылым цветом покрывается всё

немалое округлое пространство, наполненное достойными объёмами дородной явственной женственности, только что счастливо светившейся бодрой румяной свежестью.

— Это Андрона книга. Кто-то из друзей ему дал ее почитать. А он с ней теперь не расстаётся... — тихо, но строго, почти властно объявила Люся.

— Андрон здесь?... — напрягся Иван.

— Уже сбежал ваш сынишка... — весело прищурился Хатрет. — У них там флэшмоб какой-то протестный намечился. На главной площади. Имени этого, как его... Ленина.

— Я упустил сына! — поморщился Морозов.

— Не паникуй на пустом месте! У мальчика повышенное социальное любопытство! — весело проговорила Люся. — Для его возраста это вполне нормально. Всё лучше, чем днями напролёт сидеть на диване, уткнувшись в смартфон со всякой белибердой.

— Я обязан жёстко объяснить с ним! — как бы сам себе чеканно проговорил Морозов.

— Как мормон с мормоном? — с крученым-верченым умилением спросил гость.

— Что вы городите, господин хороший? — болезненно, с хрипотцой вскинулся Иван.

— Вах-вах! Какая прелестная наивность! — отчётливо объявил Хатрет, как бы на короткое время вновь обретший третье всевидящее око. — А помните, как в начале девяностых вы приглашали к себе в дом молодых людей отчётливо американского происхождения? Вежливые донельзя, одеты с иголочки: тёмные классические костюмы, свадебно белоснежные рубашки. С великолепным тортом к вам явились! Дорогушим! Вот это и были милейшие мормоны.

— Так я же от них крещение не принимал. Так, любопытства ради. Время было тогда такое шальное, точно все мы в некоей психушке жили.

Хатрет впечатляюще поморщился:

— Им все эти вашенские обрядово-кульговые ухищрения без надобности. Говоря вашим народным языком: «Не пришей кобыле хвост!» У них золотое правило: кто пустил мормона в свой дом, тот с этой минуты, нет, с этой секунды, более того — с этого мига уже сам есть настоящий целесообразный мормон с занесением в особые тайные мормонские списки...

— Не запугаете... — откашлялся Морозов. — Так что сына я вам не отдам. На съедение акулам империализма!

— Ты не посмеешь ломать судьбу ребёнку! — слёзно вскрикнула Люся. — Хочешь новость? Только кулаками не маши! Наш мальчик днями уезжает учиться в Лондон. Он

говорил тебе, что мечтает стать знаменитым политехнологом? Так вот господин Хатрет вызвался радикально ему помочь. На кону счастье нашего ребёнка, господин шлифовщик шестого разряда.

Иван Морозов отчётливо почувствовал, как в нём взбрыкнуло мальчишески-хулиганское желание взять обеими руками Хатрета за грудки и чуток приподнять, чтобы тот ножками своими судорожно засучил.

Хатрета он не обнаружил. Тот вновь весь вышел. Самым незаметным образом. Как и не был вовсе. Только вдохновенная улыбка Люси свидетельствовала, что этот человек здесь так-таки присутствовал и немало воды намутил.

— Ещё раз его у нас увижу — ноги ему переломаю... — сурово вздохнул Иван.

— Не смей угрожать человеку, который так искренне хочет нам добра! — напряглась Люся всей своей объёмной женственной пространственностью. — Ты вон без работы уже स्कельно сидишь? Может быть, мне на панель пойти?

Люся, прищурившись, отчётливо продемонстрировала Ивану свой маститый кукиш.

Он уныло отмахнулся. Он бы про панель высказался, но пожалел Люсю. Так-таки не разлюбил он её с годами...

6

На другой день Вельяминов на своей раритетной чёрной «Волге» эпохи первого в мире советского спутника повёз Ивана Морозова трудоустроить на мехзавод. Само собой, Морозов от такого протезирования первоначально, как мог, отбрыкивался: мол, сам определюсь, не стоит беспокоиться, и без того есть уже разные интересные предложения. «Охранником в магазин? А может, дворником? Да на две ставки!» — строго хмыкнул Вельяминов. Само собой, Михаил Антонович, по обыкновению, на своём настоял. Конечно же, предельно дружелюбно, однако непреложно. Ко всему, голосом человека, которому ещё никто в этой жизни не противоречил.

В общем, когда Вельяминов и директор мехзавода Василий Васильевич Ермилов в его масштабном кабинете схватились радостно тискаться — по-мужски звучно, даже с каким-то хрустом и треском, так Морозов сразу понял, что был напрасно упорен в своём желании самому действовать напрямую, как положено, через отдел кадров. Надо сказать, что в своей телесной масштабности Ермилов Вельяминову мало чем уступал в пространственных объемах, словно в их лицах и внешности был во всей очевидности проявлен некий особый директорский стандарт. Так сказать, номенклатурный ГОСТ.

Наигравшись в «тискалки», прилично запыхавшись, оба директора (один, конечно, уже бывший, но, так сказать, ещё не утративший соответственного руководящего выражения лица и глаз), наконец, сели и заговорили между собой по-людски.

Морозов спокойно и вежливо сам по себе стоял на дерзко блестящем паркетном полу густого золотисто-янтарного отлива, в котором вполне можно было видеть свое отражение, пусть и несколько размытое.

— А это — мой протеже! — с весомой генеральской улыбкой обернулся к нему Михаил Антонович. — Горжусь этим парнем, горжусь! Иван Иванович Морозов. Человек необыкновенно самостоятельного философского мышления, моментами так просто настоящий провидец. Слово он родом из некоего загадочного Антимира.

— Я шлифовщик шестого разряда... — аккуратно проговорил Иван.

— Добро! — чётко, руководяще отозвался Василий Васильевич и позвонил секретарше. — Машенька, нам два чая. Но тотчас извинительно добавил: — Три, пожалуйста. И, как всегда, с этим, как его... В общем, ты понимаешь.

Аккуратно красивая Маша практически тотчас внесла поднос, словно уже заранее стояла с ним наготове у двери. Вошла так изящно и непринужденно, как не всякая западная модель ходит по своим европейским подиумам. Естественно, без вычурности, вихляний и выпендрёжа. На подносе живописно стоял огненный заварной белый чайник с белыми чашками, а вокруг него возлежали румянейшие и пухлейшие, как самые что ни на есть бабушкины, пуховые пирожки с яблоками и картофелем. Всё это великолепное сооружение словно требовало немедленно живописца с кистью, который бы запечатлел на полотне всё подспудное совершенство подобной изысканной простоты. Перед этой композицией явно могла спасовать даже знаменитая картина с чаепитием от импрессиониста Тома Баррета, несмотря на то, что на той имелась ещё сахарница и молочница.

— Чаёк на монастырских травах! Монашки постарались. Умелицы... — простым человеческим голосом проговорил генеральный директор Василий Васильевич Ермилов.

Тем не менее к чаю никто не притронулся, хотя от наполненных чашек исходил густой расслабляющий и какой-то из себя прямо-таки серебристо-матовый аромат мяты.

Чуть в стороне притулился ещё один поднос, но вовсе другого содержания и сущности: три коньячные мельхиоровые рюмки с глазастой совой вместо обычной ножки и между ними

царственно-строгая чёрная бутылка «Арагат Эребуни» пятидесятилетней выдержки.

— Для тебя приберёт, — многозначительно объявил Вельяминову Василий Васильевич.

Три рюмки тотчас были Машей искусно наполнены. Таким геометрически изящным вдохновенным движением это было выполнено, что сразу стало понятно — ей никакие нынешние бармены в подмётки не годятся.

Маша ушла так незаметно, словно её здесь и не было. Просто-напросто исчезла.

— За что, други мои, пригубим сей эксклюзивный раритет? — величественно пророкотал Василий Васильевич. И тотчас постановил: — На Украине что-то нехорошее затевается. Давайте-ка, любезные, воздвигнем чаши сии за мир во всём мире!

Далее последовали весомые тосты за шестидесятипятилетие первого советского спутника и нынешнюю вызревающую российскую лунную программу. Конечно, пили стоя. Само собой, в этой композиции самой основательной, колоритной фигурой смотрелся генерал Михаил Антонович Вельяминов, пусть и отставной в силу особых обстоятельств государственного уровня.

Как только все трое сосредоточенно прожевали классические лимонные дольки в сахаре, Василий Васильевич возрадованно объявил экскурсию по цехам. Он лично обзвонил тамошних начальников о своём к ним выдвижении с такой торжественной строгостью, точно на завод прибыл ни мало ни много сам премьер-министр.

В первом же цехе Иван Морозов с лёту понял, что он в своей производственной жизни, оказывается, ещё ничего толком не видел. Одно время, пока учился в техническом колледже, он был уверен, что ничего совершенней, чем шлифовальные станки с ЧПУ, человечество не создало.

На ремонтном заводе Вельяминова его оценочная планка радостно поднялась, казалось бы, на недоступную прежде высоту, особенно, когда деталь старательно доводят до необходимого зеркального совершенства алмазными кругами. Тогда всякие разные цилиндрические, конические и фасонные поверхности достигают запредельного геометрического совершенства.

— Как вам, господа хорошие, наши изделия?! — чуть ли не фальцетом от волнения вскрикнул Василий Васильевич, так и не привыкший равнодушно видеть в выпускаемых ими изделиях серийную продукцию, пусть и достаточно особого назначения.

На полу цеха там и там стояли ракетные двигатели, чем-то похожие на инопланетян в скафандрах на манер сарафана, которые вот-вот вскинут руки-шланги и поплывут в танце. Ещё один только рождался на стендовых стапелях, опутанный паутиной металлических растяжек.

Никто пока не знает, как пахнет Космос, но Морозову явно показалось, что тот здесь натурально присутствует, и аромат его вполне очевиден: это запах заледевшего металла.

Директору, как известно, нигде нет покоя, а в цехе тем более. В общем, через минуту Василия Васильевича перехватил некто не представившийся, но от волнения и досады заметно вспотевший всем своим перенапряжённым лицом, точно росой покрывшийся.

— Василь Василич, беда! Срочно надо в экспериментальной детали сделать отверстие!

— Не узнаю своего главного инженера... — недовольно вздохнул Ермилов. — У вас что, дрели нет под рукой или все свёрла затупились?

Главный инженер от досады чуть ли не вокруг оси провернулся.

— Какая, так твою перетак, дрель! Отверстие нужно выполнить под тремя углами! А такого сверла в природе быть не может по существу.. Главный конструктор со своими гениями волосы на себе рвут, но воз и ныне там.

Тут Морозов как-то вдруг застенчиво вздохнул. Этому поначалу никто и значения не придал.

Морозов ещё раз вздохнул.

Василий Васильевич мельком покосился на него, и снова углубился в свои напряжённые поиски выхода из столь нештатной ситуации.

Вельяминов аккуратно отшагнул в сторону, чтобы не мешать случайно нарастающему между коллегами «мозговому штурму».

— Каких размеров Ваша деталь? — вдруг сосредоточенно, почти требовательно, но так-таки не без должной уважительности проговорил Иван.

Директор завода и главный инженер оба одновременно повернулись к нему, похлопали глазами, но, ничего не сказав по существу, продолжили далее меж собой напряжённо искать спасительный выход. И так они его активно, горячечно искали, что со стороны было похоже, будто эти два человека сцепились в неразрешимом споре.

В свою очередь рабочие цеха оставили на время свои дела и с повышенным живым интересом теперь глядели на это громкогласное толковище титанов инженерной мысли.

Иван Морозов хладнокровно, но уже с отчётливой многозначительной улыбкой повторил свой вопрос конкретно главному инженеру.

Оказывается, заготовка проблемной детали, задавшая всем жару, была у того в руках. Он этот металлический с синеватым отливом куб и сунул Морозову на распахнутых ладонях под самый нос.

Тот аккуратно взял заготовку в свои руки и строго прищурился. Так разве что добрый отец глядит на своего ребенка-шалуна. Это глядение заняло у Ивана не более нескольких секунд, всем показавшихся несоизмеримо долгими.

— Надо взять электрод-шарик на гибкой пружине. И вот им прожечь с поворотом детали на нужный градус все нужные входы и выходы, — простецки объявил Морозов. То есть без всякой фанаберии, без самолюбования, словно прилежный ученик, уверенно, но в то же время подчеркнуто уважительно ответил строгому учителю на его вовсе не простой вопрос.

Не было человека в цехе, который бы после такого разрешительного заявления Морозова, не заулыбался. Некоторые так даже друг с другом обменялись дружескими ударами ладонью в ладонь.

— Голова... — тихо, но вполне поощрительно проговорил главный инженер.

— Будет у нас шлифовщиком в третьем цехе работать, — как бы между прочим проговорил Василий Васильевич.

Главный инженер резко поглядел на директора.

— Долго думал, Василь Василич? Ну и начальство! Со всем чутьё потеряли.

И Морозову, с отеческой снисходительностью объявил:

— Пойдёшь ко мне старшим инженером?

Морозов ужался.

— Образование какое-никакое имеется?

— Три университетских курса матмеха.

— Иди в отдел кадров, оформляйся. Так, товарищ Ермилов?

— Так не так, перетакивать не будем! — заулыбался тот.

— Вот и женили тебя! — громыхнул отставной генерал Вельяминов.

Василий Васильевич опытно почувствовал взволнованное состояние Ивана и сорадостно, по-свойски его приобнял, вынеся вердикт:

— А ты, братец, наш человек! Погоди, мы тебя ещё и на Луну отправим! Вот где ты с чувством, с толком, с расстановкой себя проявишь по полной программе!

— Лучше на Марс, Василий Васильевич! — задорно крикнул некий мужчина, привычно, чуть ли не с прискоком, сбегая по металлической лестнице с верхних этажей, почти как из Космоса прибыв на родную землю.

Морозов влёт узнал Хатрета. Однако прежний образ этого человека и нынешний, несмотря на абсолютное сходство, никак не могли в Иване совместиться. Как два разнополярных электрических полюса одного провода. Одно оставалось неизменным у Хатрета — жёлтая гвоздика в чёрной окантовке.

При всём при том Хатрет такой встрече явно не обрадовался, и теперь каждым своим напряжённо-неуклюжим движением заметно перебарщивал в своём намерении исключить всякую возможность обнаружения их с Иваном знакомство. Кстати, Морозова это устраивало.

— Стюарт Дэвид Нозетт, — радушно представил Хатрета Василий Васильевич. — Представитель НАСА. Они там у себя тоже ныряют в Космос на наших движках.

— О, да! — предельно уважительно воскликнул Нозетт-Хатрет, как будто услышал непомерно осчастливившую его новость. Он радостно преобразился всем лицом, став насколько на себя прежнего, безликого, не похожим.

Но тотчас, как акробат, ловким прыжком назад через спину, вернулся к привычному своему размазанному выражению лица. Благодаря этому, он всегда выглядел так, что его было не узнать. Одним словом, лицо Хатрета напоминало чистый лист достаточно помятой залежавшейся бумаги.

Вздыхнув по одному ему известной причине, Василий Васильевич с нарастающей энергичностью повёл далее по цеху Морозова и Вельяминова.

— Господа, судя по вашим лицам, вам ещё неизвестно, что все мы отныне живём в разных измерениях? — новым, более чем самоуверенным и как-то неожиданно высокомерным голосом проговорил вслед гостям Нозетт-Хатрет.

Директор завода и его гости, несколько притомлённые прогулкой по цехам, с неудовольствием обернулись.

— Утром, сегодня, ваш президент объявил о начале военной спецоперации. Сами понимаете, на Украине...

— Я в курсе... — негромко, но более чем многозначительно проговорил Василий Васильевич, вздохнул и строго уточнил: — Я думал объявить вам в связи с этим новым фактом одно свое решение тет-а-тет, однако вы меня вынуждаете произнести его прилюдно открытым текстом.

— Догадываюсь, какую пилюлю мне сейчас преподнесет красный директор! — хихикнул Хатрет.

Ермилов развернулся уходить и бросил как бы между прочим:

— В связи с враждебной реакцией вашего президента на действия нашей страны по защите прав и свобод жителей ДНР и ЛНР прошу безотлагательно покинуть завод и страну.

Нозетт-Хатрет демонстративно изобразил на лице классическую американскую улыбку, так что не только все зубы свои идеальные с лучащейся запредельной белизной выказал, но и гланды его можно было бы увидеть при желании.

— Даже перед казнью человеку дают последнее слово! — вслед уходящим проговорил представитель НАСА, который, судя по некоторым специфическим подробностям, наверняка был ещё и штатным представителем ЦРУ. — Рекомендую всем вам официально осудить решение господина Путина. Соединённые Штаты отнесутся к этому с большим уважением. Смелее, господа! Еще не поздно! Ощутите вкус истинной либеральной демократии! Моё предложение касается и вас, господин шлифовщик шестого разряда.

Жест, которым на эти слова ответил Хатрету Морозов, был столь исключителен, неповторим и весьма сложен, что описать его литературными словами практически невозможно, да и не нужно, учитывая особую народную специфичность такой изощрённой комбинации.

Хатрет как споткнулся и на некоторое время явно утратил возможность целеустремленно двигаться.

Василий Васильевич машинально поглядел на свои именные наручные электронные часы, явно неубиваемые, с массивным чёрным корпусом. Ему их в свое время снял со своей руки и вручил сам академик-ракетчик Василий Павлович Мишин, когда собранный здесь на мехзаводе двигатель для третьей ступени сумел проработать на испытаниях более 3000 секунд вместо 250 по нормативу.

— Я туплю... — проговорил директор с простодушным удивлением. — Я хотел уточнить время, да забыл, что батарейки уже неделю, как сели. А заменить их мне всё как-то недосуг...

— Да что такое? Чем ты так поражён?.. — усмехнулся Вельяминов, кажется, догадываясь о причине, смутившей того.

— Часы идут! Как ни в чём не бывало! Налицо, братцы-кролики, явная ненаучная фантастика! — восхищённо вскрикнул Ермилов, но не без определённой хрипотцы в голосе. При этом выражение лица у него стало вовсе не директорское, а чуть ли не как у мальчишки, которому родители неожиданно подарили самый настоящий взрослый велик.

Только что затылок директор не почесал.
— Бывает! — озорно хохотнул отставной генерал-майор. — Бывает, и медведь летает...

Он заговорщически глянул на Морозова. Тот был невозмутим и вообще, кажется, сейчас мысленно уже присутствовал на некоей иной орбите.

7

— Куда тебя подбросить? — пребывая в бодром, весёлом настроении после особой истории с директорскими часами, радушно предложил Михаил Антонович Ивану.

— До райвоенкомата довести сможете?.. — посторожил Морозов.

— Запросто! — с известными масштабными интонациями объявил Михаил Антонович. — Только что ты там забыл, человек из Антимира?

Иван напряжённо, с очевидной неловкостью замялся, как бы не находя для вразумительного ответа нужные слова. Или они были, но выговорить их он не решался по уважительной причине.

Генерал откровенно посуровел, просто-таки всем своим видом решительно отвердел.

— Докладывай! Как на духу! — распорядился он с вовсе ещё не утраченными колоритными начальственными интонациями.

Известное дело, что они у Михаила Антоновича всякого заставят тотчас, вытянувшись во фрунт, то есть, говоря нынешним языком, приподнявшись на цыпочках и напрягшись чуть ли не до судороги во вскинutom подбородке, доложить всё как есть на духу.

Иван мудрёно, витиевато вздохнул.

— Не пришей кобыле хвост! — явственно рывкнул Вельяминов с такими ударными интонациями, которые были способны, скажем, на плацу вмиг уложить ниц целый взвод бывалых старослужащих бойцов. — Ты никак собрался добровольцем на Донбасс?

Морозов напряжённо приопустил голову.

— Не рыпайся, герой... Ты на ракетном заводе сейчас важней... — несколько смягчился Михаил Антонович. — А теперь едем ко мне домой. Я хочу показать тебе свои часы, которые ты запустил. Они не собираются останавливаться! Хотя батареек в них нет! Я их выбросил.

— Вот так загадка... — глухо проговорил Иван.

— Таковую на пустой желудок только разоблачить. А пречудесные директорские пирожки только разозлили мой генераль-

ский аппетит! — основательно объявил Михаил Антонович и аккуратно повернул Морозова лицом к дверям, мимо которых они чуть было не проскочили.

Над ними эффектно являла себя уличной разношерстной публике краткая вывеска, начертанная явно ловкой озорной кистью: «Я пельмень. Съешь меня!!!»

— Правильно, что на русском языке название сие явлено народу! — отчётливо постановил Вельяминов. — Иначе бы я со своими щедрыми рубликами мимо их заведения с презрением прошёл! Ну, что, человек из Антимира, ударим по двойной порции сибирских пельмешков да под весёлую водочку?

Михаил Антонович победно усмехнулся, и первым на дверь всей своей массой надвинулся. Да на полпути так резко остановился, что Морозов невольно всем лицом ткнулся именно в восьмёрочный хлястик его ещё эсэсэровской парадной генеральской двубортной шинели из отменной драп-касторовой плотной шерсти мастито-стального отлива. Которую без наилучших мастеров швейного дела никак не сотворить во всей её воинской достоинства.

Остановило отставного генерала некое странное шестцветное объявление на дверях, явно наспех написанное фломастерами вкривь и вкось. Оно извещало о том, что в интернет-кафе сейчас проходит встреча на тему «Мерзость бытия» со знаменитым московским гостем, широко известным либертарианским писателем Эдуардом Холодным.

— Танки грязи не боятся! — решительно объявил Вельяминов.

Они так-таки вошли, но как бы уже с несколько подпорченным аппетитом.

Едоков почти не было. Какие имелись в наличии, ели с повышенной торопливостью, чуть ли не утонув своими озадаченными лицами в тарелках с весёлыми, прыгучими пельменями. Зато здесь было немало модной молодёжи с исключительно протестными причёсками красного, оранжевого, жёлтого, синего, а также зелёного и фиолетового цветов, как раз под расцветку известного сообщества.

Перед ними на столе, скрестив короткие ножки, восседал московский гость с торжественно-брезгливым, потным лицом. Тем не менее в руках у него тоже была тарелка с маслянистыми сочными пельмешками. Возможно, это такое условие поставил хозяин кафе в целях рекламы его продукции. Без пельменей в руках Эдуарда Холодного здешняя встреча могла и не состояться.

Около московского гостя Вельяминов с Иваном углядели им обоим весьма знакомую физиономию вовсе не молодёжного статуса. Раз и другой она мелькнула. Кажется, это был

Хатрет, и тоже с тарелкой аппетитных русских пельменей в руках.

Генерал многозначительно вздохнул и поманил его к себе. Хатрет одновременно лукаво и подобоострастно хихикнул, да весь и вышел.

— Сбежал, сволочь... — прицельно сощурился Михаил Антонович.

Холодный, как бы и не видя необычных гостей сквозь плотные, словно танцующие клубы дыма модных электронных сигарет, с жеманно-презрительными интонациями вальяжно вещал протоистины о том, что сегодня с началом СВО быть русским неприлично и губительно, поэтому самые образованные, передовые и лучшие спешно покидают страну.

— Их уже больше миллиона... — восторженно объявил Холодный, оживив себя губастой витиеватой улыбкой. — Поэтому сегодня, милые мои, и я прощаюсь с вами. Может быть, навсегда. Приличному человеку надобна свобода. Во всём, ото всех и от всего!

Цветная молодёжь в унисон, кто бодро, кто с придыханием или стоном, как заклинание произносила в тон ему слова-пароли их принадлежности к новому смартфоновскому времени. Само собой, это были «вау», «зашквар», «агриться», «го», «жиза», тот же «кул» вкупе с «вайбом» и иже с ними, так сказать, из одной бочки.

— Или я разбомблю сейчас этот сходняк, или мы демонстративно отступим на заранее подготовленные позиции?... — поморщился генерал.

— Лучше последнее... — сдержанно ответил Морозов.

Их-таки заметили. Верноподданные слушатели Холодного начали на обоих прищурено оглядываться. Просто извертелись в конце концов. Как инопланетяне, впервые прибывшие на нашу грешную планету. Морозов отметил про себя, что этой живописной молодёжи непривычно видеть рядом с собой людей без татушек и краски на лицах, да ещё говорящих на каком-то для них непонятном ветхозаветном наречии.

Это реально нечто, когда на тебя тупо пялятся лица с огненно-красными пятнами вокруг глаз и рисованными чёрными перьями на щеках и лбу. Кто-то тарашился на генерала и Морозова непонимающе, иные с растерянностью, а некий юноша из здешних по непонятной причине вдруг взволнованно приложил руку к пустой голове, тем самым как бы отдав честь матёрой генеральской шинели с суровой алой окантовкой. Кстати, он, как видно перед своим появлением сюда, скорее всего старательно елозил лицом по палитре, насыщен-

ной маслянистыми свежими красками, чтобы превзойти всех своей яркой эпатажностью.

— Уха-а-ди-и... — томно растягивая медленно выползавшее из неё слово, капризно поморщилась под печальным озадаченным взглядом Ивана на вид самая более-менее приличная младость с напололам зелёно-оранжевой причёской.

Генерал топнул ногой, сотрясая тарелки на ближайших столах вместе с озорно подпрыгнувшими в них вертлявыми молодцами-пельменями, и вышел прочь так напористо, словно с боем вырвался из вражеского окружения.

— Сюда я больше не едок! — постановил Михаил Антонович, величественно стоя на пороге интернет-кафе подлинным памятником былой эпохе в своей серой переливчатой каракулевой папаше и маститой шинели, бдительно глядящей на белый свет всеми двенадцатью своими золочеными пуговицами.

8

Люси дома не было, и пока Иван не увидел её записку, это его вполне устраивало. Ничто так не предполагает желания одиночества и сопутствующей ему сосредоточенности, как переход с одной работы на другую. Особенно, если вы делаете это впервые. Именно так случилось у Морозова, который работал на ремонтном заводе изначально и до тех пор, пока на месте того, как с небес упав, не возрос во всей своей величественности тот самый Макдональдс, чем-то похожий на чёрную кулинарную дыру, азартно и весело засасывающую в своё масштабное нутро толпы восхищённых представителей молодёжи, цветасто разукрашенной татушками и кольцами. Однозначно, что ленинский Мавзолей в лучшие годы бодрого патриотизма строителей светлого будущего коммунизма не выдвигал таких основательных многослойных очередей в свои мрачные врата, как этот культовый американский бренд конца двадцатого столетия. Сам президент России Борис Ельцин в своё время не устоял перед магией его зазывно преображённой в некий загадочный культовый символ жёлто-оранжевой буквы «М», которая кое-кому из особо решительных противников сети быстрого питания напоминала ни много ни мало двугорбого верблюда.

Не состоявшееся их с генералом азартное поглощение якобы сибирских пухлых пельменей, весело купающихся в масляно-сметанном разливе, и, само собой, под нечто благородно сорокаградусное, Иван Морозов на скорую руку нетерпеливо заменил холодным супом трёхдневного настоя и напластал почти мёрзлое сало из холодильника, то самое, им са-

мим на рынке не с наскоку выбранное, — молодое, с бледно-розовым отблеском да непременно с вкраплениями любовчинки и отменным запахом будто бы свежего молока.

Пластая его тонкими, чуть ли не просвечивающими лепестками, Иван мельком углядел возле микроволновки листок со знакомым ему Люсиным расхристанным почерком, буквы которого, в зависимости от темпа письма, валились или налево, или направо.

Он строго наклонился к расхристанно начертанной записке.

«Извини, Ванюшечка! Хатрет заверил, что на его родине Андрон получит достойное образование современного политехнолога. Перед ним откроются счастливые долларовые горизонты. В общем, мы уезжаем все втроем. Возможно, прости, навсегда! Вначале Москва, потом Нью-Йорк. Или Лос-Анжелес. Как Хатрет решит. Он такой милашка! Не забудь подогреть куриный суп, а то вечно хлебаешь его холодным. Котлеты на балконе в миске. И не порть желудок своим дурацким салом! Завтра на работу надень новые носки! Прощай. Твоя пресчастливейшая дура-Люся».

Иван машинально порезался. Хорошо так, основательно — нож-то сам недавно старательно наточил. Однако он даже не ойкнул. Внутренняя боль пересиливала.

Насторожился: в нём не было и искры ревнивого порыва мчатся на вокзал и перехватить там своих искателей чужеземного счастья. Странно, что не было... Он даже удивился такому себе. Что-то непонятное до конца, но такое зрелое и основательное начало в нём словно бы отсчёт нового, ещё неведомого до сих пор времени. И не только ему неведомого. Иван потаённо чувствовал, что оно, это новое особое время решительных перемен во всём, вызрело и масштабно объявило о себе везде и всюду.

Словно больше нет прежнего Ивана Морозова, шлифовщика шестого разряда. Нет никого прежних, включая генерала Вельяминова и агента ЦРУ Хатрета. Включая всё нынешнее человечество.

А кто отныне есть?.. Поглядеть будем... Новый человек вот-вот явится. По крайней мере его уверенные и быстрые шаги уже слышны отовсюду.

Иван хотел включить телевизор. Тот поначалу никак не поддавался. И так уворачивался, и эдак от выполнения своих прямых обязанностей. Всё норовил Ивану вместо новостей подкинуть то азартные латиноамериканские футбольные баталии, то распрекрасных фигуристок, вихревым сверлом вьющихся на льду с игривыми ленточками, или какую-нибудь на скорую руку состряпанную псевдотрогательную

киношку, скажем, с тупо-мелодраматическим названием «Верните любовь».

И вдруг как прорвало экран. Словно перенапряженная динамика изображения выплеснулась Ивану прямо в комнату. Он машинально отпрянул. Не удивительно, так как на экране толпы молодых россиян кишели хлеще, чем горбуша в протоках на нересте, норовя прорваться через границу в Казахстан.

У многих остались дома престарелые родители, верные друзья, но это никого из них не беспокоило. На всех мелькавших на экране взволнованных, перенапряжённых лицах было написано только одно: «Я — лучший и единственный во Вселенной. Всё ради меня и во имя меня, распрекрасного!»

Иван понял, что ему во чтобы то ни стало надо увидеть Люську и сына.

Маршрутку Ивану ждать долго не пришлось: свезло, одним словом. Странным делом, но ему с первых минут в ней показалось, что и её пассажиры едут не по своим обычным делам, а тоже целеустремлённо мчатся в сторону границы. Это ощущение усиливалось тем, что водитель проскакивал одну за одной свои остановки, и упёрто нёсся словно бы в неведомую даль дальнюю.

Иван напряжённо глядел в окно, чтобы не встретиться взглядом ни с кем из попутчиков. И тут вдруг он случайно заметил в самом конце салона в притемнённом его углу двоих. Этих двоих, как он тотчас понял, нельзя было не заметить. Если бы он, Морозов, их не увидел, то его понимание сегодняшней жизни потянуло бы на непоправимо мрачную и безысходную её оценку.

На последних сиденьях маршрутки, стремительно несущейся сквозь новую, ещё не во всём понятную для многих жизнь, сидели двое: женщина лет шестидесяти и молодой человек годами около сорока.

Сидели напряжённо, взявшись за руки.

По всему, мать и сын. А кто же ещё мог бы вот так сосредоточенно молчать и в то же время явно напряженно и заботливо думать друг о друге? Она была в каком-то стареньком тёмно-синем пальто эпохи былой перестройки, он — в новенькой солдатской, ещё зимней камуфляжной серо-зелёной форме, на коленях — вещмешок, явно наполненный домашними вкусностями: скажем, разномастными пирожками одного аппетитней, классической отварной курицей, тем же салом, без которого военному человеку тоже никак нельзя, и, само собой, они самые — сочные, ядрёные свойские котлеты. Само собой, многое что ещё для утоления солдатского

аппетита имелось в этом дородном вещмешке, однако не совсем прилично вникать в содержимое чужих сумок.

Время от времени женщина застенчиво, аккуратно всхлипывала. В ответ сын ещё сильнее сжимал её руки, а моментами, почувствовав, что она уже не справляется с собой и вот-вот зарыдает на всю маршрутку, нагибался и быстро, взволнованно их целовал.

Как видно, мать провожала сына в армию.

Морозов тотчас почувствовал, что у него самого в душе, оказывается, тоже есть слёзы. Да такие настырные, быстрые, что ему сейчас с ними не справиться.

Как раз была его остановка — Морозов поспешно вышел.

У входа в вокзал, словно они заранее договорились о встрече, стоял Илья Круглов. Правда, применить к нему слово «стоял», как и к генералу Вельяминову, будет не совсем правильно. Круглов масштабно возвышался между снующими «пассажирскими потоками», и взгляд его был не то чтобы обиденный, как и полагается человеку из городской светлой толпы, а вовсе даже зрелый и мудрый, словно он в эту минуту вглядывался не в текущую обиденность нашего земного мира, а вдохновенно созерцал торжественное величие вселенской бесконечности во всех её плоскостях.

При этом он как бы всеми фибрами своей души отчётливо ощущал, что каждую секунду сквозь него вёртко, озорно пуляют триллионы солнечных нейтрино. Это явственно придавало Илье, одетому более чем обыденно в соответствии с зарплатой паркового служащего, дерзкую космическую масштабность и значимость. Он был на фоне мельтешивших разноликих уезжающих, встречающих, приезжающих и провожающих ни много ни мало как животворным памятником Вселенной.

— Приветствую тебя, мой земной брат! — шагнул Круглов навстречу Ивану.

— Рад видеть... — отозвался тот достаточно напряжённо, чуть ли не сухо, потому что перед глазами у Морозова всё ещё была мать, провожающая сына на фронт. По всему чувствовалось, что он, скорее всего, был у неё единственный.

— Странно, что ты не в духе! — гортанно воскликнул парковый астроном.

— Отчего ты так решил?

— Тебе волшебное зеркальце подать или в лужу на себя глянешь?

— Спешу я, спешу..

— В редакцию?

— С какой стати?

— Уже весь город читает твои отточенные афоризмы и восторгается ими! — торжественно объявил Круглов. — Я впервые со времён СССР увидел очередь к газетному киоску! Ты — талантище. Хочешь, подкину классную тему для твоего нового выстрела? Записывай. Каждый вечер толстый астроном ходит за водкой в гастроном.

— В другой раз... Прости. Я очень спешу.

— Другого раза может и не быть, человек из Антимира. Так, кажется, тебя генерал Вельяминов величает?.. — вздохнул Круглов. — В общем, думай мозгами. Японские учёные определили, что ядро Земли перестало вращаться. Это всё равно, что у человека остановилось бы сердце.

— Уверен, что тебе по силам это ядро вновь запустить, — хмыкнул Морозов, напряжённо вглядываясь в броуновское мельтешение человеческих фигур.

— Вот ради этого я, астроном, и иду сейчас в гастроном... — с удовольствием всхрикнул Илья.

— Хорошего праздника... — машинально проговорил Иван и рванулся к вокзальному турникету.

Он прошел сквозь него, как нейтрино через астронома.

Поезда на путях уже не было. Судя по цифрам на табло, он полчаса как отбыл в направлении Москвы.

9

— Такого исхода из России ещё не было на моей памяти! — громогласно встретил Морозова генерал, вышедший ему навстречу при полной парадной форме и солидно, в перезвон, бряцая сияющей увесистой множественностью медалей и орденов на ещё теплом от утюга кителе, только что изысканно, мастерски отутюженного Маргаритой Михайловной. — Я, не смущайся, сию броню на себя специально сегодня надел. Чтобы реально от всей беглой шантрапы отделиться. В Гражданскую драпали за рубеж сознательные враги советской власти, в Великую Отечественную перебежали к фашистам предатели Родины и трусы. Недавние диссиденты с визгом отрабатывали подачку на всяких там западных радиостанциях. Одним словом, ныне измельчали ненавистники России. Сейчас, Ванюша, в основном прут напролом в чужестранье певички, шансонье и самовлюблённые айтишники. А с каких-таких высоких идейных соображений? Ни фиги! У них сегодня просто-напросто не в тренде быть патриотами родной Отчизны.

— От себя не убежишь... — отчётливо проговорил Морозов. — Вон даже сердце у Земли остановилось от всей этой смрадной канители.

— Ну ты даёшь, человек из Антимира! Какое ещё сердце?... — взволнованно вздохнул Вельяминов, так что чуть ли не весь воздух в его кабинете пришел в движение.

— Ядро планеты. Оно перестало вращаться. Именно так сказал мне сегодня наш астроном. Мы с ним случайно на вокзале сошлись, — уточнил Иван.

— Мать-природа всю боль человеческую чувствует... — сострадательно постановил Вельяминов. Эх, Сталина бы на всю эту либеральную сволоту... Коньяк будешь?

— Буду, — отчётливо побледнел Морозов.

— А с какого рожна у тебя физиономия такая смурная?

Иван не ответил. Долго, напряжённо не отвечал.

Уже Маргарита Михайловна принесла на серебряном увесистом подносе, разукрашенном всякими художественностями в стиле восемнадцатого века, свои разномастные кулинарные изобретательности, кои возжелал супруг, а Морозов всё никак не находил нужных слов. Только губами нет-нет да судорожно шевелил. Вкривь и вкось.

— Эк, тебя, братец, загвоздило... — сочувственно вздохнул Михаил Антонович.

— Жена моя и сын... — вдруг трудно, будто он сейчас как бы заново учился говорить, объявил Иван. — Они того... С Хатретом... Уехали в Штаты... Сбежали, одним словом.

Вельяминов резко встал. Кажется, генерал сейчас чуть ли не вдвое увеличился во всей своей и без того рослой масштабности. Просто-таки всю комнату собой занял.

— С какого такого бодуна?!

— Люське взбрело в голову сына учить там на политехнолога... И вообще у неё с этим цэрэушником вроде как чувства определённые вдруг наметились...

Морозов порывисто снял рюмку со стола да пить-таки не стал. Некая внутренняя судорога как зажала его. Ничто сейчас душа Ивана, кроме боли, принимать не желала.

Не успевшая выйти из кабинета мужа Маргарита Михайловна от всего услышанного растерянно оступилась и свой поднос, правда, уже пустой, как есть уронила. Тот чуть ли не колоколом отозвался, тяжело пав плашмя на дубовый масляный паркет.

Этот серебряный тревожный звук старинного благородного металла с напрягом проник в Ивана, будто разбудив его от большого сна.

— Как же вы говорите, милый Ванечка, что ваша супруга и сын за границу уехали? Ничего себе... А ведь я только что в окно видела их на скамейке возле нашего подъезда! — оторопело объявила Маргарита Михайловна.

— Боевая тревога! — пророкотал свыше неувядающий бас Вельяминова. — Ноги в руки, Ванюша, и минута тебе на построение внизу у подъезда. Последний парад наступает!

Михаил Антонович едва успел напутственно приобнять Морозова.

Выбежав из подъезда со стремительностью, превышающей все армейские нормативы, Иван чуть не сбил с ног шедших ему навстречу Люсю и Андрона. Кстати, прозванного ещё в восьмом классе «адронным коллайдером».

Никто из них долго не мог заговорить первым.

— Ты простишь нас?.. — наконец с трудом проговорила Люся.

— Да-да... — тупо отозвался Иван.

— Ты рад? Мы не смогли уехать. Душа нас не пустила...

— Да-да...

Иван резко, судорожно обнял своих...

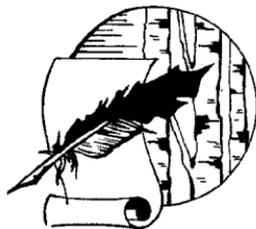
— Какой-то воздух в городе необычно свежий! — как с небес раздался над ними с генеральского балкона счастливый голос Вельяминова. — Словно после грозы!

— Он сейчас такой по всей стране... — тихо проговорил Морозов, но генерал его тем не менее услышал. — Прикиньте, сколько с началом военной спецоперации всякой дряни бежало от нас. Только бы они не вернулись... Почти весь позор России слинял!

Генерал настоящим полководцем оглядел родной город с высоты и облегченно вздохнул:

— Поднимайтесь, Ваня, ко мне. Вместе с сынком и Люсенькой. Будем чай пить и песни про гордый «Варяг» петь!

г. Воронеж

Владимир СИЛКИН

ГЛУБОКИЕ ВОДЫ

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Стрелы синяя и красная
К центру сходятся опять.
И опять задача ясная —
Снова будем наступать.

И стянул начштаба варежки,
Хоть морозно в блиндаже,
Но когда в боях поваришься,
То не чувствуешь уже.

Хоть молчит чего-то рация.
Будто замерли часы,
Вскоре вспыхнет операция
Возле лесополосы.

Из окопов встанут ратники,
И на бруствер, и в перёд,
Наши «колорады», «ватники»,
Русский волевой народ.

И тогда наступит истина,
И десант пойдёт стеной,
И вторая будет Приштина
У начштаба за спиной.

ГОСПИТАЛЬНАЯ ПАЛАТА

Мальчики седеют рано.
Хоть и бой давно затих,
И контузия, и рана
Старят каждого из них.

Не согласны? И не надо!
Это знает только мать.
В сотый раз она награду
Просит сына показать.

В госпитальную палату,
Где кровавые бинты,
Кто-то вновь принёс солдату
Белоснежные цветы.

Мама наклонилась низко,
А в глазах — любовь и дом,
А в букетике записка:
— Поправляйся! Любим! Ждём!

Он в окно глядит тревожно:
— Неужели это мне?!
Как же страшно, как же сложно
Быть любимым на войне!

ДВУХСОТЫЙ

Не реви, попутный ветер,
Я и сам реветь берусь.
Ничего страшней на свете,
Чем двухсотый этот груз.

Я его сопровождаю,
Я везу его домой,
И как сдам его, не знаю
В руки матери зимой?!

Самолёт, потом автобус,
А потом чужая дверь.
Невозможно, как ни пробуй,
В этом мире без потерь.

Гимн России, залп над гробом,
Белый голубь над тобой.
Мир особый, год особый,
Сыновья уходят в бой.

БЕЗЫМЯННАЯ

Никакого имени у речки,
А когда-то с именем жила.
Как же забываются словечки,
Если нет деревни и села!

Если рядом жителей не видно,
То кому о речке говорить.
Но она, хотя ей и обидно,
Будет до последней капли плыть.

Золотой, сердечной и туманной —
Через поле бывшее и лес.
Пусть она зовётся Безымянной,
Лишь бы добежала до небес.

ДОЖДИ

Дожди повисли над Москвой
И светлый город в целлофане.
Век доживает бабий свой
Берёза в жёлтом сарафане.

О чём-то шепчутся грачи,
Прижавшись на ветвях друг к другу.
И ветер северный кричит,
Как чумовой, на всю округу.

Какая хмурая пора!
Какие горестные дали!
И всё короче вечера,
И всё длинней у них печали.

РУССКИЙ СНЕГ

Сугробы, сугробы, сугробы.
Бескрайняя русская даль.

И гибнут любые микробы,
И тонет любая печаль.

И мех этот снежный сияет
На вечную зависть другим,
И долго в России не тает,
Чаруя покровом своим.

Мы снежные люди, покуда
Летит остужающий снег.
И пусть это русское чудо
Спасает сиянием всех.

ОГНИ

Кругом огни, огни, огни...
А. Блок

Зима, дорога и огни
От изб, укутанных снегами.
И превращаются они
В цветы у встречных под ногами.

И ощущается тепло,
Что мог вдохнуть в пейзаж Поленов.
А дальше возникает Блок
Уже с огнями во Вселенной.

И никуда не отвернуть,
Бежит без усталости дорога.
Зима, огни и русский путь,
Любовь к Отечеству от Бога.

* * *

Птичьих голосов уже не слышно,
Дождь зашёлся под окном стеной.
Женщина в плаще из дома вышла,
Кажется, чтоб встретиться со мной.

Сколько раз уже такое было,
Что, казалось, рядышком жила,
Одного меня всю жизнь любила,
И всю жизнь мне преданной была.

Всё не так, ломает ветки ветер,
Дождь зашёлся под окном стеной.
А ведь, правда, ты была на свете,
Но печально грезила не мной.

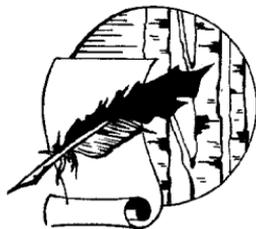
Вот мы и не встретились случайно.
Я глядел всё время из окна,
Как в плаще, в котором стыла тайна,
Проходила женщина одна.

ГЛУБОКИЕ ВОДЫ

А речка вот эта чиста и понятна,
Я знаю, где есть голавли.
Восходит заря, холодна и опрятна,
Поклоны ей бьёт до земли.

И нет на сто вёрст никакой непогоды,
И дремлет в траве тишина.
Глубокие воды, глубокие воды,
Но видно до самого дна.

г. Москва

Евгений ХАРИТОНОВ

ВЕТРЫ ВОЙНЫ

ПЕРЕД БОЕМ

Усталость в сон под вечер клонит,
Припасть на часик бы к земле.
Но скоро нас опять погонят
С врагом тягаться в ремесле.

«Готовьтесь, парни!» — крикнул нервно
Комбат, помеченный войной.
А рядом смерть, седая стерва,
От счастья давится слюной.

И в те минуты от волнения
Под кожей ёрзает душа.
Как будто шепчет обвиненья
За жизнь по лезвию ножа.

Рисует память панораму
Того, что раньше не ценил:
Наш старый дом, калитку, маму,
Которой долго не звонил.

К своей груди прижав икону,
Сидит, наверно, у окна.
Прибавив громкость телефону,
В молитву вся погружена.

И, боль её осознавая,
Вздыхая, лезу на «броню».
Прости меня за всё, родная,
Вернусь и сразу позвоню.

ПАВШИМ ЗА АРТЁМОВСК

Раной кровит зеленеющий май.
Бледен закат, словно юноша сирый.
Снова летят в переполненный рай
Души героев России.

Ангел несёт их на белом крыле,
Нам оставляя на сердце зарубки.
Чтобы мы помнили здесь, на земле
Их неземные поступки.

ЗНАМЕНИЕ

Показалась заря и стрельба прекратилась невольно.
Будто все, кто стрелял, приподнял в это время глаза.
Доносился откуда-то жалобный плач колокольный,
И всё ярче краснели от алой зари небеса.

Словно кто-то случайно, как будто того и не зная,
Или может, напротив, кто знает всё в мире сполна,
Расстелил над бойцами священное красное знамя,
Чтобы поняли братья, к чему привела их война.

И стояли они в полный рост в неглубоких траншеях,
А в округе пылали дороги, леса и кусты.
И въедались тесёмки в солдатские пыльные шеи,
На которых висели с горюющим Богом кресты.

ПО СЛЕДАМ ОТ ДЕДОВСКИХ САПОГ

Снова утро вздрогнуло от выстрела,
А в окно влетел сирены вой.
Боже мой, а если мы не выстоим,
Что же будет с нашей страной?

Неужели трубы крематориев
Вновь заполнят дымом города?
И народ с великою историей
Канет в лету раз и навсегда?

Нет, не верю! Этому безумию
Никогда на свете не бывать!

И фашизм — воскреснувшую мумию,
Нам под силу в землю закопать!

Вновь идём войною против нечисти
По следам от дедовских сапог,
Чтоб спасти от смерти Человечество,
Для того и создал русских Бог!

ВЕТРЫ ВОЙНЫ

Ветры снова войною подули,
Охлаждая солдатам сердца.
Тех, кто пал за Россию от пули,
Столько, что и не счесть до конца.

И порывы ветров не стихают,
Будто кто-то с цепи их спустил.
Лишь Господь, к сожалению, знает,
Скольких он у себя приютил.

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Снова дед ноздрями втянет
Поутру горелый запах.
То с востока выстрел грянет,
То снаряд запустит запад.

Дед меж ними в серой зоне.
Осмотрев с пригорка веси,
На ближайшем терриконе
Знамя красное повесил.

Будто этим крикнул разом
И на русском и на мове,
Недвусмысленную фразу:
«Вы одной, ребята, крови!»

И побрёл обратно в сенцы,
Приподняв рубахи ворот.
Наблюдая с болью в сердце,
Как сцепились серп и молот.

ПТАХА

О чём поёшь так грустно, птаха,
Присев под окнами на ель?
Уж не о том, что в Волновахе
Гнезда не свить тебе теперь?

О том, что некому в Попасной
Тебя с ладони угостить?
И мест в Херсоне безопасных
Отныне нет, чтоб погостить?

Такая боль в твоём вокале,
Что просто за душу берёт!
Любой, кто выжил в Соledаре,
Тебя, голубушка, поймёт.

Кто чудом спасся от осколков,
Кого вернул на землю врач,
Чей дом стал грудой обломков —
Услышат в пенье горький плач.

Жаль, нет на свете троп окольных,
Где б нам не выдалось тужить.
Теперь и звоном колокольным
Твой птичий крик не заглушить!

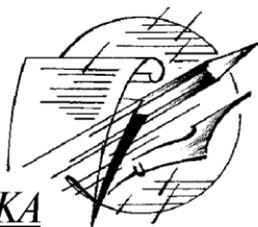
Лети, родимая, по свету,
Неси печаль свою и грусть.
И кто б ни слышал песню эту,
Пускай помолится за Русь.

г. Белгород

ВОЙНА СИМВОЛОВ И СМЫСЛОВ

Уже около полутора лет на Украине идёт Специальная военная операция (СВО), вызывающая всё большую обеспокоенность и озабоченность со стороны гражданского общества. На фоне продолжающегося усиления ожесточенного сопротивления украинских войск и увеличения потерь с обеих сторон одной из приоритетных остается задача, заключающаяся в том, чтобы донести до солдат и офицеров ВСУ главный информационный посыл военных действий, а именно — объяснение того, что Российская армия воюет не с украинским народом, а с киевским фашистским режимом.

С другой стороны, в сложившихся условиях, говоря о ведущейся против нашей страны информационно-психологической войне, невозможно хоть как-то аргументировать вопиющий факт бездеятельности нашего Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, которое потворствует тому, что на Украине по-прежнему успешно работает так называемое национальное телевидение. Оно беспрепятственно вещает на всю страну страшилки о зверствах российских войск и призывает население «к защите

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

поруганного отечества», в том числе и на присоединенных к России территориях Запорожской и Херсонской областей! Уму непостижимо!!!

В настоящее время, к сожалению, наша страна в своей информационной борьбе пока одинока. Она не участвует даже в контрпропагандистской деятельности за своё выживание, хотя самоотверженно бросила вызов потерявшему нравственные ориентиры коллективному Западу, который планирует нанести нам полное военное поражение, желая не только захватить Крым и Донбасс с последующим геноцидом русскоязычного населения, но окончательно расчлнить нашу страну и уничтожить ее государственность.

Совершенно очевидно, что в целях противодействия украинской и западной пропаганде давно пора начать работать с зарубежной аудиторией, используя возможности интернета и социальных мобильных платформ. Необходимо прорвать информационную блокаду и регулярно доводить до западных обывателей информацию о том, что в действительности происходит на Украине. Поскольку дипломатия на государственном уровне в нашей стране практически не работает, необходимо использовать формы и методы работы народной дипломатии, чтобы через них постоянно доносить ближайшим соседям и западным обществам информацию об истинных целях и задачах СВО, показывать реальные картины происходящих событий в зоне ведения боевых действий, занятых российскими войсками. Таким образом Россия сможет очень быстро стать центром притяжения для всех здоровых консервативных сил в мире, чтобы вместе с ними продвигать общечеловеческие, прежде всего христианские ценности, способные исцелить поврежденные умы и сердца миллионов людей всей планеты.

По большому счёту то, что происходит на Украине сейчас, — это не «специальная военная операция», а настоящая война, которую можно смело назвать — Второй Великой Отечественной. Правда, существует серьёзное отличие текущей войны от Великой Отечественной XX века. Оно заключается в том, что тогда в борьбе с врагом принимала непосредственное участие вся страна, а сейчас большая часть населения пребывает в состоянии отстраненного от действительности полусонного зрителя. Поэтому хотим мы или нет, но отчаянное сопротивление нацистско-фашистского украинского режима всё равно потребует от России проведения кардинальных внутренних структурных, идеологических, кадровых и институциональных преобразований. И как бы наши элиты в содружестве с пятой колонной не делали вид, что

ничего особенного в стране не происходит, большинство населения прекрасно понимает, что режим максимального комфорта и восприятия войны «сквозь негу и дрему» придется очень скоро завершать.

Учитывая, что в происходящей войне самым важным фронтом остается информационно-идеологический, нельзя не повторить в который раз, что в этом отношении мы явно не дорабатываем, а говоря честнее, просто всерьез не работаем.

СВО давно переросла в крупномасштабную войну на истощение, и уже понятно, что она не достигнет успеха если не хватит решительности и политической воли руководству страны в принятии жестких решений по уничтожению всей военной инфраструктуры противника (стационарные и нестационарные объекты, в том числе железные дороги и мосты). Отсутствие солидарности власти с обществом, недовольство населения управлением, результатами и итогами проведения операции могут подорвать доверие к власти, ослабить социальную стабильность и истощить человеческие и другие ресурсы для проведения военных действий.

Для многих из нас, считающих себя патриотами Отечества, не вызывает сомнения, что наступило время, когда государство должно безотлагательно сформировать повестку ближайшего будущего страны, объявить во всеулышание, куда мы идём и что будем строить у себя на Родине и на Украине. И в этих условиях гражданам страны, нельзя оставаться в стороне от столь серьезных процессов и тех огромных и ответственных задач, которые легли на плечи всего нашего народа.

Именно общество, во всей своей целостности, должно начать заниматься вопросами оказания помощи нашей Армии и руководству страны, имея с ними постоянную обратную связь. Власть должна получать всестороннюю поддержку Армии от граждан не только в виде сбора и закупки для фронта вещей, оборудования и специального вооружения, но и оказанием помощи в принятии ею различных ответственных решений хотя бы для того, чтобы в конечном итоге разделить ответственность за последствия проведения СВО.

Пока наше общество не привлекается к решению назревших в государстве первостепенных задач, из-за чего большинство населения страны чувствует некую отстранённость от того, что происходит на Украине, не может адекватно реагировать на происходящие там события. И это несмотря на то, что через СМИ на россиян в круглосуточном режиме действует такой мощнейший по-своему воздействию на психику посыл как война!

Да и в самих информационных, особенно телевизионных, редакциях, видимо, еще не до конца понимают, что СВО — это не просто война, это, прежде всего, — война понятий, символов и смыслов. Поэтому мы должны говорить с народом четким языком правильных определений. А их нам порой катастрофически не хватает. К примеру, до сих пор используется термин «националисты», который звучит со всех центральных телевизионных каналов, формирующих об СВО. В новостных передачах с каким-то непреодолимым упорством дикторы продолжают вещать, что в том или ином районе боевых действий российским военным противостоят «украинские националисты». Уверен, что многие граждане нашей страны воспринимают это словосочетание совсем не в том значении, которое вкладывают в него дикторы или те, кто составляет тексты их выступлений. Грамотный человек знает, что националистом в правильном, положительном смысле этого слова называют того, кто любит свое Отечество, а не того, кто ненавидит чужое. Забота о своей национальной культуре, любовь к родному языку, изучение особенностей исторического развития своей Родины не являются причиной ненавидеть всё иное.

Граждане невольно задаются вопросом: почему же в СМИ в адрес противника произносятся именно эти слова — почему их называют националистами? По искреннему ли незнанию ответственных за информационное обеспечение людей, что маловероятно, или же умышленно, кем-то, кто заставляет нас подсознательно ставить знак равенства между украинским и русским национализмом? Или это явная деятельность так называемой пятой колонны, стремящейся сформировать в сознании обывателей негативное отношение к слову «национализм»?

Украинских военных нельзя называть националистами, потому что они ими не являются. Националисты считают, что каждая страна должна управляться своими собственными гражданами, без вмешательства извне, что нация является законным источником политической власти в стране. В нашем государстве это — российский народ, представляющий интересы всех народов, населяющих страну. Русский народ в России — это государствообразующий народ, и с этим нельзя не считаться. В то же время националисты выступают за создание и поддержание единой российской национальной идентичности, основанной на совокупности социальных характеристик разных народов, населяющих нашу страну. Национализм сам по себе не предполагает превос-

ходства одной нации над другой. Он, наоборот, содействует национальному единству и солидарности.

Часто национализм путают с нацизмом, однако это сильно отличающиеся идеологии. Нацизм — это крайне радикальная форма шовинизма (т.е. отклонения от национализма как такового), проповедующего расовую исключительность и разжигающего национальную вражду и ненависть. В XX веке нацизм (сокращенное от национал-социализм) являлся немецкой тоталитарной расистской идеологией и движением, существовавшим в 1919—1945 годах. Приняв в самом начале своего развития форму крайне агрессивного политического этнического национализма, немецкий нацизм выдвигал идею биологического и культурного превосходства «арийской расы» над другими расами, которых рассматривал как «неполноценные». Любой нацизм, делая упор на расовом элементе, где нация понимается как этнос, отстоит от здорового национализма как идейно чуждое направление.

После Второй мировой войны и разгрома германского фашизма, нацизм преобразовался в свою новую сущность, отражающую все признаки, присущие нацизму, и стал называться неонацизмом. Он представлял собой движение, объединяющее действующие в различных странах мира экстремистские националистические организации, близкие по своим программным установкам к немецкому национал-социализму (НСДАП — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия), либо считающие себя его последователями. Поэтому и украинских военных следует называть не националистами, а неонацистами или укрофашистами. Украинских неонацистов никак нельзя сопоставлять с национализмом в его прямом значении.

Может возникнуть вопрос, а почему именно Украина стала преемницей идей неонацизма? Для этого у нее имелись все предпосылки. Прежде всего неправильная «сборка» страны и религиозные противоречия, которые способствовали созданию благоприятной почвы для возникновения и развития бандеровщины. Помогал Украине в этом начинании коллективный Запад. Его ключевая роль в стремлении уменьшить мощь и влияние СССР (России) до таких пределов, при которых он не представлял бы угрозу западному миру, была отмечена в Директиве Совета Национальной Безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 года. В Директиве указано, что «украинцы — наиболее развитый из народов, находящихся под управлением России в настоящее время. ... В целом они обижены российским господством; их националистические организации за рубежом активны, к ним прислушиваются.

Они (украинцы) должны получить наконец свободу от российского управления и реализоваться в качестве независимого государства».

Для подготовки теоретической базы поощрения неонацизма на Украине США приняли в 1959 году закон «О поработанных нациях», который продвигал профессор Джорджтаунского университета, многолетний президент Украинского конгрессового комитета США Лев Добрянски — американский историк, экономист, доктор философии, западный украинец, дочь которого Пола Добрянски, работала заместителем государственного секретаря США по глобальным вопросам в администрации президента Буша-младшего, а также являлась помощницей Збигнева Бжежинского и наставницей студентки своего отца Екатерины Чумаченко — будущей супруги президента Ющенко.

Так идеологическое кураторство США вышло на самый высокий государственный уровень Украины, и из цепких рук заокеанского монстра она не может освободиться до сегодняшнего времени.

Украина с самого начала своего существования являла собой классический пример того, как в нарисованных большевиками границах было создано государство, состоящее из кусков территорий, на которых проживало население с совершенно разными геополитическими, идейными, мировоззренческими, культурными и языковыми тяготениями. Такое государство могло стабильно существовать только в составе СССР.

До 1917 года Украина вообще была таким же территориальным понятием, как Сибирь, Урал или Забайкалье, не имевшим не только собственной государственности, но даже автономности. Это было собирательное название территории нескольких губерний Российской империи, расположенных у западных границ, у края империи.

Теперь попробуем разобраться в образовании Украины как отдельного субъекта, чтобы понять, почему она в конечном итоге стала преемницей фашизма и неонацизма. Четкой разделительной линии между Россией и Украиной не было никогда. Города на украинской территории были в основном либо русскими, либо частично укроеврейскими. Реальной основой «украинизма» были «отличия» специфического крестьянского диалекта и небольшая разница в обычаях и фольклоре между районами страны. Более того, народ, говорящий на украинском диалекте, как и народ, говорящий на белорусском диалекте, был расколот по признаку, который в восточной Европе всегда являлся подлинным признаком наци-

ональности, а именно — религией. Если по Украине и можно было провести какую-то реальную границу, то логичной стала бы граница между районами, традиционно тяготеющими к Православию, и районами, тяготеющими к католицизму.

Украина как таковая была собрана Российской империей, и вплоть до 1917 года никакой Украины как отдельной национальной автономии не было. Она состояла из двух больших территориальных образований: Малороссии и Новороссии. Территория Малороссии была поделена на пять губерний. В нее входили: Волынская, Киевская, Подольская, Полтавская и Черниговская губернии, административные границы которых несколько отличались от современных регионов Украины. Так, например, на территории Волынской губернии сегодня расположены Волынская, Ровненская и часть Житомирской области; Киевской губернии — Киевская, часть Житомирской и Черкасской области; Подольской губернии — Винницкая, часть Одесской и Кировоградской областей; Полтавской губернии — Полтавская и часть Днепропетровской области; Черниговской губернии — Черниговская и часть Сумской области. Жителей Малороссии в царское время называли малороссами. Но сам этот термин не означал национальности, скорее он подчёркивал географическую принадлежность человека, как например сибиряк житель Сибири, так и малоросс житель Малороссии.

Новороссия (состоящая из Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, области Войска Донского и Ставропольской губерний) занимала южную окраину Европейской России, примыкающую к Чёрному морю и к Манычу. Она включала в себя следующие губернии: Екатеринославскую (современные границы Днепропетровской, часть Запорожской области, а также часть современных ДНР и ЛНР), Херсонскую (Николаевская и Одесская области, часть Днепропетровской и Херсонской областей) и Таврическую (Херсонская область, часть Запорожской, а также республика Крым). Все эти территории вошли в состав Российской империи по результатам двух Русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 годов. Этнический состав новороссийских губерний был пёстрым, здесь проживали великороссы, малороссы, евреи, крымские татары, греки и т.д.

Харьковская, так же как и прилегающие к ней Курская и Воронежская губернии, в Царский период назывались Слобожанщиной, где проживали преимущественно великороссы (русские).

Окончательно Украина как государственное образование была сформирована в результате Гражданской войны 1918—

1922 годов. В марте 1919 года в период проведения VIII партсъезда Лениным был передан в состав Украины промышленный Донбасс (Донецко-Криворожская республика) и была провозглашена Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР). На ее территории была создана Донецкая губерния с центром в Луганске. (До 1924 года г. Донецк имел название Юзовка, а до 1961 года — Сталино. — Ред.) После установления на всей территории Украины советской власти и определения границ данное территориальное образование было оформлено как республика в составе СССР и названа УССР.

Передача Донбасса в состав Украины показывает, что Ленин относился к интересам России пренебрежительно. Он готов был пожертвовать ими ради любой тактической выгоды, считая Россию чем-то вроде разменной монеты, которой удобно расплачиваться за разжигание пожара мировой революции. Поэтому в начале 1918 года, когда только образовывалась Донецко-Криворожская республика, он, идя на встречу националистам-однопартийцам из Киева, решительно выступил против ее передачи в состав РСФСР ради сохранения хороших отношений с Советской Украиной (Украинская Народная Республика Советов), провозглашенной в Харькове в 1917 году (столица УССР с 1919 до 1934 года). Поэтому именно Ленину, в конечном итоге, Украина обязана своей обширной территорией.

В 1939—1940 гг. к советской Украине присоединили Западную Украину (Восточную Галицию, Северную Буковину, Южную Бессарабию и часть Одесской области). В 1945 году — Закарпатье. И, наконец, в 1954 году к Украине указом Никиты Хрущёва был присоединен Крымский полуостров.

Анализируя историю возникновения Украины, можно сделать еще один вывод, который не все воспримут однозначно. Вывод следующий: большой ошибкой Сталина было присоединение к Украине Галиции, мощнейшего очага украинского этнического национализма. Об этом писал еще накануне Первой мировой войны в своей знаменитой записке Императору Николаю II министр внутренних дел России Петр Николаевич Дурново: «...В отношении Галиции. Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов?.. Не следует давать (украинству. — В.А.) разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомнен-

ный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров».

Его слова и мысли были поистине пророческими, потому что в дальнейшем именно Галиция стала той силой, которая продвигала и распространяла по всей территории Украины бандеровские идеи. Не последнюю роль в этом движении сыграло униатство, с особой силой проявившее себя на Западной Украине.

Началось оно в 1596 году, когда часть епископов Западно-русской митрополии во главе с митрополитом Киевским Михаилом (Рогозой) приняли Брестскую церковную унию, подчинившись власти Римского папы с признанием католических догматов. Вероотступничество униатов прикрывалось одновременным сохранением богослужения в православной литургической традиции на церковнославянском языке.

Однако православные верующие Галиции решительно отвергли унию. На состоявшемся в том же 1596 году в Бресте Соборе православного духовенства во главе с патриаршим экзархом Никифором, в котором помимо двух епископов, противников унии, участвовали настоятели православных монастырей, послы «всего виленского клироса», представители духовенства округов, православные дворяне во главе с князем Острожским, послы православных братств отказались поддержать унию, предав отступников анафеме. Тем не менее Брестская уния привела к возникновению Русской униатской церкви (греко-католической). В 1700 году к ней присоединилась Львовская, а в 1702 году Луцкая епархии.

Униатство стало источником многих трагических для Православия событий на западнорусских землях. В течение десятилетий православные в Галиции подвергались преследованиям за свои убеждения, насильственно принуждались к отказу от своей веры. Но в своем большинстве русины Галиции оставались настроенными непримиримо по отношению к унии.

Отречение от унии было закономерным итогом плачевного положения греко-католической церкви, которая всё более латинизировалась и подчинялась польско-иезуитскому влиянию. В XIX — начале XX века галицкие русины вели борьбу за воссоединение с Россией, потому что считали себя частью единого русского народа. Это общественно-политическое движение получило название «москвофильство».

Тогда же местные австрийские власти стали оказывать активную поддержку сторонникам украинского национализ-

ма, так называемым «народовцам», которых было тогда меньшинство. Последующее преобладание в Галиции вскормленных правительством Франца-Иосифа «народовцев» привело к тому, что тысячи «москвофилов» стали жертвами созданных австрийцами в период Первой мировой войны концлагерей — Таллергоф и Терезин. Эти люди как приверженцы русской идеи были объявлены «пятой колонной» и рассматривались Австро-Венгерской властью врагами Отечества. Русинов расстреливали, морили голодом, заставляли заниматься непосильным каторжным трудом. Среди жертв оказалось около 800 священников — православных и сочувствующих Православию греко-католиков.

Постепенно униатство в Галиции стало выступать в роли «истинной» религии украинского народа. Её закрепление как духовной основы бандеровщины произошло при нахождении на должности главы Униатской церкви митрополита Галицкого, архиепископа Львовского и епископа Каменец-Подольского графа Андрея Шептицкого (1901—1944 гг.). Сразу после вступления в должность Шептицкий устроил в своей митрополии «кадровую революцию». В богословские семинарии стали принимать только тех, кто разделял антирусские убеждения.

Окончательная победа националистической идеи в Галичине связана с еще одним значимым фактором — приходом на земли Западной Украины в 1939 году советской власти и ее совершенно неправомерным отождествлением в сознании галичан с Россией и русским народом.

Советская власть взяла на вооружение галицийскую идеологию, перекодировав ее в коммунистическое клише и начав принудительную украинизацию населения Советской УССР. Руководил ею Влас Чубарь, который на протяжении ряда лет возглавлял правительство Украинской ССР, затем работал заместителем Председателя Совнаркома СССР. Он был расстрелян в 1939 году и в 1955-м почему-то реабилитирован. В опубликованных в настоящее время документах об украинизации содержатся материалы о сопротивлении ей малороссийского народа, в том числе свидетельства о том, как родители не хотели отдавать детей в школы, где преподавание велось на украинском языке, и о том, как руководство республики активно боролось с малороссийской интеллигенцией, которая стояла на общерусских позициях.

После присоединения Галиции к Советской Украине в регионе была начата советизация. Украинские власти, принимая решение по включению в состав СССР абсолютно чуждого в социальном и историческом плане региона, не учли

всей сложности и особенностей внутренней обстановки, которая сложилась на момент ввода в Галицию советских войск. Вероятно, не было достаточно правильно проанализировано прошлое этого края: ведь до присоединения к УССР жители Галиции столетиями проживали в инокультурных империях и государствах. Так, к примеру, столица края — Львов — древнейший город Галицко-Волынской Руси (1253—1387), почти 400 лет находился в составе Польского королевства и Речи Посполитой, затем в составе Австро-Венгрии (1772—1914). В годы Первой мировой войны город снова стал русским, но потом опять — польским. И только с присоединением к УССР в 1944 году связано его окончательное возвращение в Россию.

Общая обстановка в Галиции была беспокойна во всех отношениях. Во Львове атмосфера была разительно не похожа на положение дел в советской части Украины. Там всё еще процветал западный капиталистический образ жизни: оптовая и розничная торговля находилась в руках частных, которых предстояло ликвидировать в ходе советизации. Огромным влиянием пользовалась украинская униатская церковь. Местное население оказывало поддержку организации украинских националистов, возглавлявшийся людьми Бандеры, которая была очень деятельной. Она располагала значительными силами и обладала богатым опытом подпольной работы.

Таким образом, присоединенная Галиция в составе Ивано-Франковской, Львовской, Черновицкой, Тернопольской и частично Волынской областей создала в УССР гнездо бандеровщины, разраставшееся с каждым десятилетием словно раковая опухоль. В послевоенные годы, поддерживаемые украинскими диаспорами, бывшие пособники нацистов имели защиту политических элит США и Канады, которые оказывали бандеровцам всестороннюю помощь, прежде всего финансовую и административную. Результат такой поддержки не заставил себя ждать.

Уже в пятидесятых годах XX века неонацизм, набравший силу на Украине, ставил своей целью создание и утверждение на всей территории Украинской советской социалистической республики «расово чистого» государства «украинской расы». Для осуществления этого замысла в распоряжении укрофашистов было всё: кураторство и управление со стороны Запада, «гнездо» неонацизма в Галиции, учёные, деятели культуры и искусства, являвшиеся приверженцами их идеологии, и националистически настроенные чиновники, заседавшие во всех эшелонах республиканской власти, кото-

рых бандеровские идеологи воспитывали для будущего руководства страной.

После развала СССР украинский расовый национализм начал представлять собой открытую неонацистскую идеологию общественно-политического движения, ставящего своей целью создание украинского националистического государства, идейно основанного на расистской убежденности в превосходстве украинской расы над всеми остальными, проживавшими на территории Украины. Копируя фашистских идеологов, неонацизм оправдывал захват новых территорий, подчинение или полное уничтожение других, не относящихся к украинской, рас. Украинские «националисты» стали стремиться в первую очередь к развитию «национального самосознания истинно украинского народа», а именно людей, говорящих на украинском языке и исповедующих новую, еретическую, псевдоправославную веру — унитарство, веру, откровенно замешанную на язычестве и сатанизме (укросатанизм).

Именно униаты провозгласили себя единственной «крестоносной церковью Украины», которая пойдёт новым крестовым походом против «клятых кацапов».

Исповедуя так называемый интегральный национализм, бандеровцы рассматривали нацию как органическое целое, требующее безоговорочного подчинения личности интересам своей нации, которые ставятся выше интересов любой социальной группы, других наций и человечества в целом. Руководство бандеровцев считало, что при создании такой моноэтнической и моноконфессиональной нации можно использовать любые средства, не обращая внимания на потери, даже если при достижении поставленных целей придётся умертвить половину несогласных.

В постсоветское время стало очевидно, что Украина собрана из различных, несовместимых между собой земель. В таком состоянии она больше не могла существовать как единое государственное образование. Вдохнуть в нее жизнь и согласие между народами можно было, только создав на ее территории федерацию. Но этого сделано не было. Различные территориальные образования быстро стали ощущать себя совершенно чужими друг к другу.

Центральная Украина, тяготея к России, пыталась организовать собственную государственную идентичность. Восточная и Южная русскоязычная Украина налаживала с соседней Россией экономические связи. Русский Крым искал пути к возвращению на историческую Родину. Тогда же Закарпатье устанавливало родственные связи с соседними Вен-

грией и Румынией. И только Западная Украина, впитавшая в себя идеологию неонацизма, пошла другим, не мирным путём и начала действовать во всеукраинском масштабе.

Бандеровские организации Галиции, объединились и, будучи по своей сути пассионарными, поняли, что их время настало и обстановка созрела.

Поскольку в течение десятилетий украинское население столь странной республики, так же как и русское, было безмолвствующим созерцателем и пассивной жертвой, никак не участвующей в играх политических элит государства. Неонацистам было легко навязывать всей стране свои образовательные, исторические, идеологические и другие проекты, чему способствовало и то, что руководители нового государства оказались приверженцами националистической идеологии украинства. Следуя нацистской тактике действий по захвату новых земель, бандеровцы, начав с Западной и Центральной Украины, со временем замахнулись и на все остальные ее части, пытаясь где убеждением, а где и силой заставить население принять идеологию бандеровщины.

Переписывались школьные учебники, искажалась история, причём не только Украины, но и всемирная. В образовании начала проникать русофобия: сначала осторожно, потом чуть смелее, затем открыто. Преподавание на русском языке заменялось на украинскую мову, постепенно русский язык выводился из делопроизводства, военной и других жизненно важных сфер. Запрещались к показу российские фильмы, спектакли, закрывались русскоязычные телевизионные и радиоканалы. Так проводился диктат новой украинской системы ценностей, в которой украинцы признавались жертвами русского большевизма и новой формы империализма. Посредством обработки через СМИ народ превращался в биомассу зомбированных фанатиков.

Огромное количество украинцев искренно поверило, что они живут на порядок богаче и лучше россиян, и почувствовало себя готовым защищать свою «сытую» жизнь. Еще с кравчуковских времён утверждалось, что Украина станет второй Францией, как только перестанет кормить Россию. Людям постоянно твердили, что Россия всегда богатела за счёт Украины, и если её победить, то каждый украинец станет богатым. Украинская «нация» почувствовала свое расовое превосходство над русскими.

Когда неонацистское руководство страны совершило антинародный и антиконституционный переворот, была развязана война против русскоязычного Донбасса, началось гонение на каноническую Православную Церковь с ареста-

ми священников и прихожан, захватом церквей и церковного имущества. Повсеместно прививалась ненависть к «москальскому» Православию и всему русскому.

Запад воспользовался этой ситуацией, которую, собственно, сам и создавал. Украинский русофобский плацдарм ему был важен для расчленения и уничтожения России. На поддержку украинского режима были вложены миллионы долларов. Причем делалось это сначала исподволь: создавались различные фонды, поддерживались ученые, художники, кинематографисты, переиначивавшие культуру и искусство, возвеличивавшие роль украинцев в истории славянства и всего цивилизованного мира. В русле оголтелой русофобии генерировались бесчисленные образовательные и культурные проекты для школьников и студентов. Постепенно люди привыкли ориентироваться во всем на Европу и Запад. А после второго Майдана, когда на Украине произошло свержение законной власти, осмелевшие последователи нацистов стали открыто диктовать государству свою повестку.

В то время украинская власть была неустойчива, кто-то запуган, кто-то деморализован. Во всех регионах, проголозовавших против создания этнического украинского государства, была организована чистка. На все административные должности, даже в небольших городках, особенно в потенциально прорусских или хотя бы лояльных по отношению к русским регионам, были назначены присланные туда мотивированные, с активным националистическим и откровенно антирусским мировоззрением нацики. Оккупация страны неонацистами завершилась!

Русские и русскоязычные люди, особенно в тех местах Украины, где они компактно проживали, были подавлены, запуганы и затерроризированы. На русском языке запрещалось разговаривать. Украинское чувство любви к Родине, которое могло стать основой для расцвета народа Украины, выродилось в ненависть к иному и получило сильную психологическую травму. А затем для Украины началась война против «злобного агрессора» — России. Большинство украинцев поверило государственным СМИ, которые в течение последних девяти лет зомбировали украинский народ, — и теперь он воюет за свою иллюзорную «свободу», желая освободиться от своих корней и от России.

Нам надо понимать, что Украины как государства больше нет и, в принципе, никогда не было. Есть территория бывшей УССР, выделенная из части Российской Империи, временно оккупированная террористической неонацистской бандой, власть которой обеспечивают такие государства, как Изра-

иль, США и Великобритания. На этой территории организован геноцид коренного населения, прежде всего русского. И важно помнить, что текущую войну Украины с Россией США и Европа хотят вести «до последнего украинца». Им не нужны люди, им нужны территории и ресурсы. Такое же будущее они готовят и для нас, россиян, поэтому, сражаясь на Украине, мы не только спасаем от уничтожения жителей соседней славянской страны, но и защищаем всю Россию.

Для Победы мы должны сплотиться, чтобы вновь стать большим, дружным и сильным народом. Чтобы победить, война должна стать народной. Должно быть обеспечено политическое и социальное единство фронта и тыла, единство на основе общего идеологического вектора Победы. А это значит, что российской власти нужно начинать общаться с обществом, ставить ему задачу на Победу, потому что наряду с военными действиями на фронтах Украины у нас существует другой важный фронт — один из главных фронтов в тылу — информационный.

КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО...

РАССКАЗ

Под землёй было темно и сыро, из чёрного пространства высвечивался строго очерченный круг света от подвешенного к потолку туристического фонарика. В центре круга стоял деревянный ящик, на ящике — пластиковая бутылка с водой, металлическая кружка, тактические военные перчатки и маленькие дорожные шахматы. На доске белыми разыгрывался северный гамбит. Два малолетних шахматиста сидели у ящика на импровизированных скамейках из кирпичей и досок, мальчишки лет по двенадцать-тринадцать наклонились над доской, в телах было заметно напряжение, как будто от исхода матча зависела их жизнь. Третий сидел на перевернутом ведре вполоборота к играющим, он пытался читать потрепанную книгу, близоруко щурясь сквозь стёкла очков. Белобрысый худощавый пацан играл за белых. Более коренастый, с рыжей нечёсаной шевелюрой, занёс руку над чёрной пешкой в нерешительности — брать или не брать третью белую пешку, которую слишком легко жертвовал противник.

ПРОЗА

— Шо ты тормозишь, Хан?! Дают — бери, а бьют — беги! Ходи уже! Скоро обстрел закончится, а мы только третью партию начали, — нарочито спокойно произнёс Витька Илюхин, подталкивая соперника к принятию решения.

— Не учи учёного!.. — огрызнулся Борька Назаров, по прозвищу Хан (скуластое смуглое лицо с чуть раскосыми глазами). — Слышь, Изя! А чего это Илюха мне уже три пешки за так отдаёт?

— Это дебют такой. Датский гамбит называется! Смотри в оба! Шас Илюха тебя трепать начнёт, — прогунявил в крупный нос, не отрываясь от книги, Генка Лесков, затем поправил очки на носу и откинул чёрные кудряшки со лба.

— Ох, шас я кого-то точно потреплю за подсказки! — огрызнулся Витька и шмыгнул носом. Ему стало обидно за потраченное время над книжкой по шахматным дебютам, которую он выпросил на днях у Генки. Вдруг не сработает?

Где-то в темноте осыпались то ли камушки, то ли штукатурка с потолка, земля под ногами мальчишек чуть дрогнула. За пределами освещённого круга кто-то завозился, взвизгнула крыса.

— Сто пятьдесят пятый рядом лёг. — Илюха прислушался, еле-еле уловимый звук повторился. — А этот чуть дальше... Ты, Изя, лучше за рюкзаками присматривай, а то без хлеба останемся! Совсем крысы обнаглели, надо будет kota с собой как-нибудь взять. Пусть погоняет крысятину! — затараторил Витька, переключая внимание с шахмат.

Генка Лесков оторвался от книги, пошарил по полу в поисках камней, но ничего подходящего под рукой не оказалось. Тогда он вытащил из кармана пару осколков размером с лесной орех и запустил снаряды в сторону дерущихся крыс. Те ещё раз взвизгнули, и возня прекратилась.

— Ага, а потом коту твоему рыбу подавай за работу, он у вас, видите ли, крыс не жрёт! — пробубнил Борька. — Эх, была, не была! — и чёрная пешка двинула на В2. — Интересно, чего это укропы сегодня такие активные? Обычно рано утром и перед сном пуляют, а тут в обед «накрыли»... Хорошо, что мы рядом с убежищем шоркались!

— Так первое июня сегодня — день защиты детей! Они по праздникам всегда повышенные обязательства берут, — пояснил со знанием дела Генка.

Дальше в бой вступил у белых чернопольный слон, и партия покатилась, как по писаному.. Чёрные теряли инициативу, уступая белым по всем фронтам. Чёрный король, приняв очередную жертву, выскочил за шеренгу своих защитников и был заматован. Витька довольно потирал руки,

а Борька недоумевал, когда же это он успел профукать свой явный перевес.

— Победа! Два-один! Читайте умные книги, тогда и на вашей улице будет праздник! — радостно пропел Илюха. — Эх, если бы так в жизни было, как в шахматах — кто умнее, тот и победил! Хрен бы мы тогда под укроповскими обстрелами подвалам сидели. Слышь, Хан, а ты велосипеды за башней поставил? Как бы их осколками не посекло.

— Я их за битым кирпичом в траве положил, между кучей и башней. Ничего с ними не будет, если только не прямое попадание. Но от прямого никто не застрахован, — оценивая разгром на шахматной доске, ответил Борька. — Как же так? Ведь всё так хорошо начиналось: «Вызываем в Москву...» — процитировал Хан фразу из старой комедии. — Ну, вроде отстрелялись уроды. Пора на свет Божий вылезать! Ты мне, Илюха, книжицу эту дай почитать! Не по-дружески обыгрывать так, нечестно...

Мальчишки засобирались, распахивая по своим рюкзакам скромные вещи. Витька, как самый высокий среди мальчишек, влез на ящик. Он отвязал фонарик, привязанный шнурком к торчащей из потолочной плиты арматурине, и подсветил вокруг ящика: вроде бы ничего не забыли. Затем троица побрела след в след в сторону выхода из убежища. Винтовая железная лестница вывела их наверх, внутрь четырёхметровой башенки из красного кирпича, а из башни на землю спускалась самодельная верёвочная лестница. Солнце слепило нещадно. А особенно после тёмного подвала глубиной пять метров.

Это был не подвал, а старое бомбоубежище, построенное ещё в советские времена на случай авианалёта потенциального врага. Убежище имело два выхода с тяжёлыми железными дверями. Позже, чтобы дети не лазили под землю, над выходами выстроили две кирпичные башни. Но когда и кого из детей это останавливало?! Бомбоубежище находилось посреди рабочего посёлка под названием Брикетная, в Петровском районе города Донецка. Поверх него когда-то было импровизированное футбольное поле, сейчас — пустырь, поросший травой, с покосившимися железными воротами и несколькими воронками от снарядов и мин крупного калибра.

Где-то на третьей улице от убежища валил дым, в тридцати метрах от башни дымилась воронка, сама башня была посечена осколками, но взрывную волну выдержала. Мальчишки, глядя под ноги, подошли к куче старого битого кирпича и откопали присыпанные землёй от взрыва два велосипеда.

Витька с Борькой внимательно, по-хозяйски осмотрели каждый свой транспорт. Рама, руль, колёса — всё целое.

— Кажись, у Степановых попандос, — указывая на столб чёрного дыма над третьей улицей, проговорил Витька. — Айда, поможем пожар тушить! А потом что-нибудь придумаем.

Витька на ходу вскочил в седло и повернулся к друзьям. Борька перекинул ногу через раму и кивнул Генке:

— Чего застыл, Изя?! Давай на багажник, мы быстрее Илюхи домчим. Мне как раз тренер сказал ноги нагружать.

Когда мальчишки подкатили на великах к горящему двору, здесь уже суетились немногочисленные престарелые соседи, пытаясь землёй закидать очаги возгорания. С водой в посёлке, как и во всём Донцке, была напряжёнка. Старуха Степанова сидела на табуретке, вытасенной кем-то из дома за ворота, и безучастно наблюдала за происходящим: видимо, её малость контузило. Фугасный снаряд от натовской гаубицы угодил в боковую стену дома, к которому был пристроен угольный сарай, именно сарай и выпустил в небо чёрный столб дыма — горел заготовленный на зиму уголь «орех». Витька, Борька и Генка засуетились, вытаскивая скромный скарб из полуразрушенного дома. Они крутились у взрослых под ногами, на них покрикивали и ими командовали, всё было похоже на броуновское движение. Народ понимал, что если пожар перекинется от угольного сарая на дом, то всё, что нажито, сожрёт огонь. В углу двора стоял вольер для собаки, и в нём сидела немецкая овчарка и с удивлением наблюдала происходящее. Вначале овчарка металась по вольеру, как тигр по клетке, пытаясь лаем остановить разграбление дома, за охрану которого она ежесуточно получала продовуковый паёк. Но так как на неё никто не обращал внимания (хотя в былые времена ее боялась вся Брикетная), собака перестала истошно лаять и только печальным взглядом провожала, как будто фиксируя, домашний скарб, выносимый чужими людьми за ворота. Огонь действительно начал лизать стену дома, хоть лопаты с землёй и песком мелькали, как крылья бабочки. Собака вдруг завyla от безысходности, ведь почти всё ценное из дома и двора вынесли, а про неё так никто и не вспомнил, но старуха Степанова продолжала «медитировать», не видя и не слыша ничего вокруг.

Наконец людям стало понятно, что животное, как минимум, надо освободить из заточения, а как максимум — взять за поводок и вывести в безопасное место. Но никто не решился подойти к немецкой овчарке на расстояние вытянутой руки. Витька ещё с прошлого года помнил стычку с зубастым охранником, когда влезли в сад к бабке за яблоками. У

Витьки даже шрам на бедре зачесался от воспоминаний. В то лето они с Борькой влезли ночью за «белым наливом», а их встретили «официальные лица». Борька успел сигануть через двухметровый забор, а Витька чуть замешкался на дереве, и собака прихватила его за «мягкое». Генке тогда повезло, он болел ковидом и в мероприятии не участвовал.

Взрослые стали трясти хозяйку, пытаясь привести её в чувство и заставить высвободить собаку из вольера. Мальчишки молча поглядывали друг на друга, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу. А немецкая овчарка продолжала выть.

— Надо что-то делать, — произнёс Генка и с надеждой взглянул на Витьку. — Сгорит ведь, Илюха, заживо сгорит нафиг!

— А что я?! Вон у нас Хан боксёр, пусть он вырубит овчарку, а мы её вытащим за ворота.

— Ага, выруби! Видал, какая у неё пасть зубастая и без капы, да и голова больше моей... — парировал «чемпион по боксу».

— Тоже мне Костя Дзю нашёлся! Ну, была не была! Пальма, Пальмочка, девочка... — Витька медленно двинулся к вольеру с овчаркой, выставив вперёд руку и потирая большим пальцем об указательный. Ему было страшно до дрожи в коленках, но он пытался не подавать виду.

Собака, понимая, что её пытаются спасти, вообще не проявляла агрессии, даже забила с глухим стуком по деревянному настилу палкой хвоста и наклонила огромную голову, подставляя холку с ошейником. Витька открыл дверцу вольера, взял огромного зверя за ошейник и вывел за ворота к сидящей на табуретке хозяйке. Собака поставила огромные лапы на колени хозяйке, взглянула ей в глаза и лизнула большим языком лицо старухи. Та, будто очнувшись от шока, вдруг запричитала и заплакала. Слёзы хлынули по пергаментному лицу, а овчарка слизывала их своим огромным языком.

В этот момент к горящему двору подъехали с проблесковыми маячками машины пожарных и «скорой помощи». Звуковые сигналы не включали, не желая звуком определить себя на местности. Службы прифронтного Петровского района знали, что вражеская артиллерия отработает по спасателям, по уже пристрелянным координатам. Команды двух машин засуетились, оказывая помощь.

— Так, всем разойтись! Не мешаем службам работать! — крикнул старший из МЧС. — Всем по домам! А лучше по подвалам! Вдруг по нам вэсэушники начнут «работать», нам вас ещё спасти придется...

Толпа начала редеть. Мальчишки, попросившись друг с другом, разошлись, договорившись о походе на песчаный карьер.

Витька тихонько закатил велосипед во двор, хотел незаметно пробраться в дом, но на пороге его уже ждал сидящий на ступеньке дед и дымящий трубкой. В руках у него был охотничий нож, которым он строгал орешник для удилища. Витькин отец воевал где-то под Запорожьем, а мать работала хирургической сестрой в «Травме», работала сутками и редко приезжала домой — не чаще одного раза в неделю. Витькина бабушка погибла под обстрелом: в прошлом году повезла на рынок «Текстильщик» зелень с огорода продать, и её прямо на рынке накрыло «Градом», хоронили в закрытом гробу. После смерти бабушки дед сильно изменился. Но в компании с мальчишками был всегда весёлым, шутил даже в самых критических ситуациях. Когда отсиживались в подвале, рассказывал интересные истории про другую войну (он в Афгане воевал), учил «мальцов» мастерить рогатки и самострелы, разводил костры и фильтровать в походных условиях воду, подсказал как заметить растяжку или на мину не напороться. Один или два дня в неделю за дедом приезжала военная машина, а через сутки та же машина привозила его домой. Выглядел дед после поездок как-то странно — был тихий и сосредоточенный, грязный и уставший, как будто вагоны выгружал. Но прежде чем привести себя в порядок, шёл к настенному календарю и ставил отметку над текущим числом — 1, 2 или 3, редко 0. На расспросы внука отшучивался: мол, воинскую часть охраняет сутки через трое, а где? — военная тайна.

— Ты чего это, малец, на звонки не отвечаешь? В могилу раньше срока загнать меня хочешь?! — взглянув строго на Витьку, произнёс дед. Но по глазам было видно, что он рад видеть внука целым и невредимым.

— Да мы с пацанами в бомбоубежище отсиживались, видать, там связь не берёт. А потом Степановым помогали вещи спасать, прилетело к ним, а они на работе все, кроме бабы Дуси, — оправдывался Витька. Он видел, что дед для формы ругается, а не со зла.

— Ладно, по хозяйству отработаешь свои косяки, картошку надо рыхлить и жука собрать. А пока — мыть руки и обедать! А то скажут родители, что дед тебя голодом морит. Я макароны по-флотски сварил. Погоди, только зелени на огороде сорву.

Витька тенью прошмыгнул мимо деда в дом. В старом доме было прохладно и темно, тяжёлые занавески почти полнос-

тью отсекали уличный свет, да и внутреннее освещение не проникало наружу, когда внутри включали лампы или зажигали блиндажные свечи. Война диктовала правила световой маскировки, не ровён час «великие укры» с беспилотника засекут ночью свет в доме и сразу накроют. Им всё равно, по кому пулять — по военным или по гражданским. По мирным даже проще — в ответку не прилетит.

Борька же довёз Генку до дома, немного подождал, пока его мама с бабушкой наобнимают и обцелуют. Отца у Генки не было, он ещё до войны уехал на заработки в Израиль, поэтому вся женская любовь и забота доставалась ему одному. Мама у Генки была завучем в средней школе. Когда в школу попал снаряд, она с другими учителями спасла школьную библиотеку и оставила книги пока у себя, вот весь посёлок и приходил к ней за «почитать». Генкина бабушка работала педиатром в поликлинике, так что внук всегда был под присмотром педагога и врача. Странно только, что болел Генка чаще своих сверстников. Он всегда стеснялся перед друзьями, когда его мама с бабушкой «тискали». Опуская глаза в пол, Генка говорил: «Надоели эти телячьи нежности!»

Борька тихо ему завидовал, ведь он уже третий год жил без матери — её убил украинский снайпер, когда она возвращалась с третьей смены (под утро) домой. Сестре Светке тогда пять лет всего было, ничего кроме войны, она и не помнит. Борька после смерти матери пообещал себе, что станет военным и отомстит за всех убитых матерей. Начал заниматься боксом, благо до зала, где занимались с мальчишками бесплатно, было всего десять минут на велосипеде. Борьку и его младшую сестру воспитывал отец, ни бабушки, ни дедушки у них не было.

Мальчишка нажал на педали и покатил домой, готовить обед для младшей сестры и отца. Отец у Борьки работал на стройках кровельщиком, работы всегда было много (вечные обстрелы), и он сильно уставал, поэтому на Борьке висели все хозяйственные дела: стирка, готовка, уборка... Сестра, конечно, пыталась помогать, но серьёзной работы Борька ей не поручал, старался, чтобы она больше занималась уроками и девчачьими делами — куклы, игры, подружки...

Вставала Брикетная рано — не потому, что надо, а потому, что каждое утро будили «прилёты» со стороны Марьинки от «лыцарей света». Уже к 6.00 весь посёлок вылезал из подвалов и укрытий — начинался очередной военный день. Сводки за прошедшие сутки объявляли с завидным постоянством по телику, да и в интернете (если у кого-то он работал) о потерях и успехах всегда можно было найти свежую инфу. Но

самое точное и правдивое — это всё-таки сарафанное радио, уж оно-то мгновенно распространяло новости по посёлку. Близость врага позволяла ловить на наружную антенну не только местные (донецкие и российские телеканалы), но и украинские, в которых жителям Петровского района (и Брикетной в том числе) уже какой год брехали про то, что они сами себя обстреливают... Даже детсадовские знали, как всё обстоит на самом деле. Школы (если и были не разрушены) работали на удалёнке, детсады закрылись до лучших времён, чтобы не рисковать жизнями детей и воспитателей. Жизнь, конечно, не останавливалась, но перешла в «подпольный» режим — дом-подвал-работа-дом-подвал-гуманитарка... Гуманитарку привозили раз в неделю и каждый раз меняли точку раздачи (передавая сарафанным радио по посёлку) — потому что украинская артиллерия каждый раз пыталась обстрелять место выдачи продуктовых пайков и питьевой воды. И не ёкало же ничего у фашиков внутри! А ведь собирались, как правило, за гуманитаркой дети и старики с тележками, старыми детскими колясками и сумками на колёсиках (кравчучками).

Несмотря на ежедневные обстрелы, детям некому было запрещать с утра и до вечера шляться по улицам — лето никто не отменял, даже война. Ведь в течение дня, как правило, фронт был занят своей обычной военной рутинной. Хотя, конечно, бывали и исключения. Каждое утро три друга начинали с отзвона — живы ли, здоровы ли, какие планы на день? С вечера договариваться было бесполезно, вечерний или утренний обстрел мог испортить все планы, боялись сглазить. Вот и сегодня троица договорилась смотаться на карьер — покататься и наловить раков. Надоедала повседневная еда из продуктовой гуманитарки, и мальчишки, как могли, разнообразили свой рацион — рыба, раки, горлицы. Рыбу, если не съедали сразу же, пожарив на костре, солили и вялили, оборачивая в марлю, чтобы муха не добралась. Раков варили с укропом, которого было вдоволь на заброшенных огородах (укроп рос, как сорняк — сам сеялся). Горлица (дикий голубь) — трофей сезонный, когда поспевал подсолнечник на полях, птица налетала большими стаями, и её стреляли из рогаток мелкими осколками от снарядов или начинкой от кассетных бомб. Горлицу запекали в глине, закапывая в костёр, как картошку, а то и вместе с картошкой. Ещё раков или рыбу можно было продать на Петровском рынке, чтобы заработать карманных денег на батарейки для фонарика, вкусняшки или пополнялку для мобилы. А если набраться храбрости и махнуть на Трудовские, то можно было обменять

у своих военных, бывших в увале (увольнительной) с передовой, на что-нибудь интересное — блиндажные свечи, перочинные ножи, вечные спички или таблетки для очистки воды. А если повезёт, то можно выклянчить какие-нибудь трофейные мелочи с «той» стороны — от Трудовских до переднего края (Марьинки) было всего-то километров пять, а может, и того меньше.

Витька перед выходом проверил содержимое своего рюкзака — фонарик, заряженная мобила, перочинный нож, спички, рогатка, бутылка воды, буханка хлеба, ремкомплект для камеры велосипеда и насос, складной садок для рыбы или раков, набор крючков и запасная леска, грузила, они же снаряды для рогатки (уже не страшное железо всегда было в запасе). Как говорил дед: уходя на час, будь готов перезимовать! Ну, до зимы ещё дожить надо.

— А всё-таки летом лучше, чем зимой, — задумчиво произнёс Генка, подставляя белую, как сметана, спину палящему летнему солнцу.

Мальчишки накупались в холодной воде старого песчаного карьера до гусиной кожи, до синих губ, и теперь не жились на горячем песке. Торопиться им было некуда, да и незачем. Сейчас обсохнут и наловят раков, которых прикормили сбитой на дороге кошкой ещё на прошлой неделе, предварительно набросав под берег куски асбестовых труб и шифера. Всё у них было налажено и обустроено, не первое лето вот так жили и выживали.

Раков ловили руками, ощупывая под прозрачной водой трубы и шифер, и бросали на берег. Витька с Борькой в воде, а Генка собирал раков на берегу. Улов был удачный — целый садок, размером с ведро. Мальчишки были заняты и не заметили, как из-за бугра появилась парочка ребят постарше — лет по пятнадцать. Гости оценили ситуацию и двинулись к Генке, который трамбовал в садок раков.

— А ну, очкарик, покаж, чего это у тебя тут! — насмешливо бросил парнишка с пробивающимися усиками. Он решительно подошёл, схватился за ручки садка и резко дёрнул на себя. Второй недоросль, ухмыляясь, с чувством возрастного превосходства наблюдал со стороны, ожидая от рохлика в очках быструю сдачу трофеев.

Генка от неожиданности вздрогнул, но садок не отпустил:

— Не тронь, это не твоё!

— Э, вы чего хулиганите?! Это наш улов, — бросил Борька, выбираясь на берег.

Витька понял, что дело пахнет керосином, и, помогая себе руками, заторопился к берегу. «Усатый» дёрнул ещё

сильнее, но с тем же успехом. Генка сжал ручки садка с такой силой, что у него даже суставы на пальцах побелели. Тогда чужак скрипнул зубами, рванул что было силы, и одновременно замахнулся для удара второй рукой. Генка вместо того, чтобы противодействовать, резко двинулся навстречу рывку «усатого», а тот, от собственного усилия и под весом рыхлого Генки, завалился спиной на велосипед, лежащий на песке. Видно было, что ушибся он прилично, и словно рыба, вытащенная на берег, пытался вздохнуть и не мог. Второй недоросль кинулся на помощь другу, который барахтался на спине, но тут уже Борька подросел и встал в боксёрскую стойку лицом к лицу с соперником, поднял руки и, для разминки, выбросил перед собой пару отработанных «двоек». Да и Витька, не мешкая ни секунды, схватил кирпич с кострища и встал над поверженным врагом, помогая встать на ноги Генке. Пришлые поняли, что раков без боя не отдадут, а то и могут выдать по первое число. Переглянувшись между собой, парочка решила дать заднюю.

— Ничего, сопляки, мы ещё встретимся! — процедил сквозь зубы «усатый». Он сплюнул слюну с песком, отряхнулся и, крича от боли, с лёгкой досадой в голосе сказал товарищу: — Пошли, Сутулый, искупнёмся! Триста лет не впали нам эти раки, жрут всякую падаль...

И парочка побрела по песчаному берегу на другую сторону карьера.

Три друга внимательно смотрели вслед уходящей опасности. Затем Витька и Борька повернулись к Генке, тот хлопнул носом, а из-под стекол очков, измазанных в песке, текли слёзы.

— А ты, Изя, оказывается, у нас настоящий боец! Борец, я бы сказал, лихо ты его на лопатки уложил, — удивлённо проговорил Борька — как младенца.

— Я сильно испугался, Хан, — начал, чуть заикаясь, Генка — а потом вспомнил принцип дзю-до — используй силу и массу противника, чистая физика, я в книжке читал! Не хочу больше ни с кем драться, никогда!

— А это, Изя, к сожалению, не только от тебя зависит! Как говорит мой дед: хочешь мира, готовься к войне. Но ты молодец! На, футболкой утрись! А то у тебя вся харя в песке. Чур, никому дома о случившемся не рассказывать!

Друзья с облегчением рассмеялись и, не искушая судьбу, засобирались домой.

Как-то ранним утром Витьку разбудил телефонный звонок. Звонил Хан:

— Ты чего это, Илюха, спишь ещё?! Так всю жизнь и проспий. Бегом собирайся и мчи на карьер, на берег, который на больницу смотрит! Только возьми мешок, какой не жалко!

— С чего это вдруг?! — спросонку ерепенился Витька. — Полпятого утра всего...

— Новости знать надо! — взхлёб затараторил Борька. — Ночью три «гадины» шмалянули, гадины (срифмовал Хан), по больнице целились. Только две из них ПВО наша срубила, а третья попала в воду, плюхнулась почти у берега.

— И чего?

— А того, дубина ты стоеросовая, рыбы глушануло столько, что мама не горюй...

И тут до Витьки, как говорится, дошло. Он быстро, даже не умывшись и не позавтракав, схватил мешки с бечёвкой, вскочил на велик и махнул на карьер. Только и успел, что бросить удивлённому деду странную фразу:

— Я на карьер, там рыба!

Какой же богатый был улов в это утро! Вместо надувной резиновой лодки, использовали камеру от колеса «КамАЗа», с привязанным куском доски вместо днища. Друзья набили по мешку снулой оглушённой рыбы, даже чуть опоздавшему Генке (потому, что без велосипеда!) сумку хозяйственную на колёсиках набили битком.

— Славная была охота, лягушонок! — похлопывая Генку по плечу и пританцовывая, цитировал Борька. — Ох, я себе наконец-то защиту и бампер на телефон поставлю.

— А я домой отнесу, вот мама с бабушкой обрадуются! Тут же хватит и на пожарить, и на рыбный суп...

— А мы с Ханом на Петровку махнём, пока рынок не разбежался, — вытирая мокрое лицо футболкой, выдохнул Витька.

В этот день им всем повезло. Генка порадовал маму с бабушкой, Борька наклеил защитное стекло и поставил бампер на старенький смартфон, а Витька сменял у барахольщика рыбу на сапёрную лопатку. Настоящую военную сапёрную лопатку с клеймом СССР и в брезентовом чехле с кожаными ремешками.

— А не махнуть ли нам, Хан, на кладбище? На могилках уберёмся, у нас же теперь и лопата, и топор в одном флаконе. Заодно испытаем, не обманывал ли дед, что ею даже дрова можно рубить. На поминальное ведь не получилось проведать своих, сильно тогда Трудовские бомбили...

— Поехали, Илюха, чего ж не поехать! Только Изю предупредим, пусть на трассу выходит, там и подберём, если захочет с нами ехать.

Как решили, так и сделали. Генку подобрали по дороге от Петровки до Трудовских, Брикетная как раз между ними.

По дороге к кладбищу, становилось понятно, что фронт — вот он, совсем рядом, рукой подать. Если на Брикетной почти каждый второй дом был в хлам, то здесь вообще жуть. Слева пятиэтажки с обгоревшими и частично разрушенными стенами, с огромными дырами в крышах, ни одного целого стекла в окнах, только кое-где мелькнёт заштитый ДСП оконный проём — значит, всё-таки живут ещё люди. Чуть дальше, справа — разбитая в хлам территория автоколонны с разрушенными строениями и сгоревшими скелетами автобусов, «бегавших» когда-то (до войны) по маршруту Трудовские — Центр. И только террикон, одинокий и бесстрастный, в оспинах от снарядов, стоял, как ни в чём не бывало.

Старое кладбище утопало в зелени — неухоженные деревья, разросшийся кустарник и трава по пояс. Встык к нему бросались в глаза глинозёмные плешки среди высокой травы новых захоронений, занимающих в два раза большую территорию. Покосившиеся кресты разного вида и цвета, железные и редкие памятники из камня с осколочными ранениями или «убитые наповал». Время от времени украинские снаряды нарушали кладбищенское спокойствие, пытаясь стереть с лица земли даже память о мёртвых. Ребята спешили и пошли вдоль рядов свежих могил, читая по дороге короткие надписи об усопших. Возле двух свежих могил, одна из них поменьше — детская, с ещё не выцветшими венками, сидела молодая женщина, абсолютно седая, с выбивающимися из-под чёрной косынки волосами. Она повернулась в сторону мальчишек, а когда те с ней поравнялись, обратилась к ним чуть осипшим голосом, протягивая им поминальный кулёк с печеньем, конфетами и пирожками:

— Возьмите ребятюшки, помяните Риточку и Вячеслава!

Рука, протянутая в сторону мальчишек, выглядела очень странно — вся в шрамах и ни единого ногтя на пальцах. Троица остановилась постоять у могил и хоть как-то разделить горе незнакомой женщины.

— Что у вас с руками? — спросил Витька

— А, это? Это заживёт, а вот их уже не вернёшь. Одним снарядом сразу троих... я ведь тоже уже не живу. Вот уже срок дней я без них не живу.

— А как это случилось? — участливо спросил Генка, поправляя на носу очки.

— Я была на кухне, готовила обед. А они в зале... Снаряд попал в многоэтажку, в крышу над нами. Плиты перекрытия сложились с девятого по наш седьмой. Прямо на комнату, в

которой они играли. Славика сразу убило, а Риточка ещё кричала из-под плиты, и я пыталась её спасти, выкопать из-под разбитой бетонной плиты. Не смогла, не уберегла... — женщина заплакала и отвернулась, поправляя венки на могилке, как одеяло на детской кровати.

Мальчишки ещё немного постояли и двинулись дальше в поисках могил, где были похоронены Витькина бабушка и Борькина мама. Каждый из них думал о смерти, которая ходит где-то рядом и ждёт: кого бы ещё забрать у родных и близких, у тёплого лета, у этого синего неба и ласкового солнца. Ведь кто-то же должен за это ответить? Кто-то же должен?!

Не успели ребята толком прибраться на могилках, как со стороны Марьинки противно загудело, по звуку напоминая разогревающуюся паяльную лампу, потом гул усилился. Этот гул никогда не перепутаешь, если хоть раз попадал под обстрел «Града».

— Под деревья, быстро! Падайте за могилы! — скомандовал Витька.

Борьку и Генку не надо было уговаривать дважды. Уже «на автомате» они рухнули на землю, вползли под деревья, закатились за холмики могил, заткнули уши и открыли рты. Женщина же наоборот, встала во весь рост и повернулась в сторону прилёта. Несколько ракет «накрыли» территорию кладбища и прилегающий к нему посёлок. Всего секунд десять, и всё так же быстро закончилось, как и началось. Витьку чуток оглушило, он приподнялся на локтях из-за могилы и потряс головой:

— Все живы? — кричал он, но слышал себя как сквозь вату. — Хан! Изя! Все целы?

— Не ори! Мы рядом, — отозвался Борька, высовываясь из-за соседнего холмика.

— Ребя, мусорка горит! — потряхивая курчавой головой, выпалил Генка. — По ходу фугасами били.

Мусорный полигон был сразу за «железкой», отсекающей кладбищенскую от жилой территории. Густой дым и потревоженные взрывом целлофановые пакеты потянулись к небу.

— Чего вдруг?! Могли и ассорти долбануть — фугас и кассетный в одном залпе. Сколько взрывов было? — оживился Борька.

— Кто ж их считал?! Лежим ещё пять минут, а потом встём и внимательно смотрим под ноги! Хоть бы не кассеты с «лепестками» — хуже всего. Выходим след в след к дороге. Я первый, Хан замыкающий. Авось пронесёт! — скомандовал Витька. — Ты смотри, а вдову даже стоячую не задело. Ходу, братцы, покудова наши пуляют.

Заработала наша арта, над кладбищем засвистела ответка по Марьянке. Витька толкнул велосипед, внимательно всматриваясь перед собой. Молодая женщина посмотрела им вслед и перекрестила.

Утро на Брикетной начиналось нестандартно, не было привычного обстрела от «освободителей». В этот день Борька занимался уборкой в доме, и присматривал за сестрой. Генку наказали за то, что без разрешения поехал с друзьями на кладбище, и он вторую неделю дальше двора не выходил. Витька в одиночестве смотался на карьер, поудить рыбу, но улов был скудный — если не считать пары карасей размером с ладошку (кошачья радость). А ещё за ним увязался коричневый пёс, худой, как спортивный велосипед, которого он отбил у злобной бродячей стаи собак, те пытались покусать приبلуду, выгоняя со своей территории. Пёс был в потрёпанном ошейнике (видимо когда-то у него был дом), по виду явно породистый, из охотничьих собак. Много животных после начала войны остались без дома и пропитания — у кого-то погибли хозяева, а кого-то бросили, убегая от войны. Витька точно бы не бросил своего питомца, ему стало жалко пса, и он скормил ему половину буханки хлеба, без которой из дома никогда не выходил. Пёс в два счёта проглотил хлеб и с благодарностью уткнулся большим мокрым носом в ладони своему спасителю, и потом долго смотрел карими глазами в глаза Витьке.

— Ну, всё иди! Может, тебя ищут?! Ну, пошёл! — попытался отогнать собаку Витька, но по тому было видно, что идти ему некуда. Пёс в ответ только дружелюбно помахивал купированным хвостом. Витька не понимал, что же ему теперь делать. Вдруг дед не разрешит забрать пса во двор, а видеть каждый день эти умные печальные глаза на посёлке Витька уже не сможет. И тут мальчишка принял решение: этого пса он либо пристроит к знакомым, либо оставит у себя и будет за ним ухаживать, но точно уже не бросит.

— Ничего, как-нибудь проживём! Как же тебя назвать, петровский пёс? Придумал! Будешь Петровичем. Ну, Петрович, пошли домой! — приняв решение, выдохнул с облегчением Витька, потрепал собаку по холке и свистом позвал за собой. Пёс затрусил рядом с велосипедом мальчишки, будто всегда так делал, только всё время посматривал на Витьку, чтобы тот никуда от него ни делся.

Когда парочка поравнялась со стеной электроподстанции, в воздухе противно засвистело, и первый снаряд ударил в середину мирного посёлка.

— Лежать, Петрович! — скомандовал Витька и сам ничком упал на пыльный асфальт. Пёс беспрекословно подчи-

нился, только плотно прижался к новому хозяину, собаку была крупная дрожь и он тихо поскуливал. — Всё будет хорошо, Петрович! Всё будет хорошо!

Ещё несколько снарядов попало по Брикетной. Витьке казалось, что разрывается сам воздух, земля гудела под ним. После каждого прилёта, эхо от взрыва отскакивало от высокой каменной стены электроподстанции и возвращалось обратно в посёлок. Затем резко наступила тишина, даже Петрович затих, вслушиваясь в происходящее вокруг. И в этой тишине новый «взрыв» — телефонный звонок от Борьки, но почему-то в телефоне прозвучал голос его сестры Светки: «Витя, помоги! Борька...» и связь оборвалась. Витька не помнил, как он вскочил на велосипед, и с какой скоростью он мчал в сторону дома, где жил Борька. Даже длинноногий Петрович еле успевал за ним.

У Борькиного двора никого из взрослых ещё не было, Витька влетел в распахнутую калитку и спрыгнул с велика. Старый дом и раньше требовал ремонта, а теперь... в крыше зияла дыра, по стенам пошли трещины, все окна выбило, входная дверь, сорванная с петель, валялась на пороге. Витька бросился оттягивать с прохода китайскую железную дверь.

— Я помогу! — прозвучал голос, за спиной у Витьки. Генка подскочил к двери, и уже вдвоём они смогли оттащить двери от входа.

— А ты чего тут?!

— Мне Борька звонил, а я не слышал! А когда затихло всё, я побежал узнать...

Мальчишки вошли в дом. Пыль от штукатурки стояла в воздухе стеной. Из дыры в потолке солнечные лучи пытались пробить пылевую завесу. Стены и скромная мебель были посечены осколками. За перевёрнутым диваном кто-то копошился и всхлипывал.

— Борька, Светка! — позвал Витька. — Вы где?

— Мы здесь, — послышался из-за дивана перепуганный девчачий голос.

— Как вы, живы? Чего Борька молчит?

— Да, живы! Боря дышит, но, по-моему, он потерял сознание. Мы за диван спрятались, а когда гахнуло, то он меня собой накрыл, а сверху диван придавил.

Витька с Генкой бросились поднимать старый диван в дырках от осколков. Диван-книжка не поддавался — деревянный каркас, набитые тяжёлой ватой с пружинами раскрывающиеся половинки, цельнодеревянные боковые спинки — когда-то мебель делалась на века и была тяжелой.

— Давай, Изя, напрягись! Раз, два, взяли! Ещё взяли! — подбадривал себя и друга Витька. — Нет, так мы его не поднимем. Давай приподнимем одну сторону, я подержу, а ты вытягивай их из-под дивана. Света, ты можешь руки вытянуть, чтобы Изя видел?

Тут же из-под дивана показалась Светкина рука — рукав белой блузы был в крови.

— Держу! Изя, тяни быстрее! Они раненые, — крикнул Витька и рванул диван что было силы. Вена на лбу напряглась, вот-вот лопнет.

Генка упал на колени, схватил Светкину руку и, стиснув зубы, потянул. Вначале он вытащил зарёванную Светку, а так как брат её накрыл собой, то голова и плечи Борькины тоже показались из-под дивана.

— Держи, Илюха! Держи, миленький! Ещё чуть-чуть! — Генка схватил обмякшее тело Борьки за подмышки и потянул, Светка помогала ему вытащить брата. — Есть! Готово!

— Мы сделали это, Изя! — Витька вместе с диваном повалился на пол.

Генка осмотрел Светку, на той не было ни царапины, только блузка в крови — наверно, кровь брата. Он ткнул ей свой телефон (Борькин остался под диваном) и прогнал во двор, чтобы она дозвонилась в «скорую помощь». Потом стал осматривать Борьку. Низко наклонившись над лицом, стал прислушиваться к дыханию.

— Дышит! Так, кровь на спине и на ноге. — Генка попытался разорвать штанину, но не смог. — Илюха, помоги! Надо глянуть, что с ногой!

Витька перочинным ножом разрезал штанину, из левой икроножной мышцы текла кровь. Генка вытянул из брюк ремень и наложил вместо жгута, чуть повыше колена, затем жестом указал Витьке на спину в крови. Витька без слов понял, разрезал и рубашку на Борьке, сняв с себя футболку, стал аккуратно вытирать кровь. Борька тихо застонал... И тут в дом вбежали медики...

— Молодцы, ребяташки! — улыбаясь во все тридцать два, сказал доктор со «скорой помощи». — Всё правильно сделали! Жгут кто накладывал? Толково, очень толково!

Генкино лицо залило краской от таких похвал. А Витька по-взрослому посмотрел на врача и, глядя глаза в глаза, спросил:

— Что с ним, ранения тяжёлые?

— Нет, он у вас герой! Вашему другу повезло. Осколочные ранения неглубокие, раны поверхностные. Контузия лёгкая. Старый диван его с сестрой спас, погасил силу и взрыва, и

осколков. Недели через три, максимум четыре, будете вместе в футбол гонять. Родителям передайте, что мы его в «Травму» повезли.

И потрепав мальчишек по волосам, запрыгнул в «скорую». Машина плавно двинулась со двора. Вокруг дома уже собирались редкие соседи.

— Ох, мне от мамы и бабушки опять влетит! — огорчился Генка. — Пойдём, Светка, бате твоему позвоним, и от моих прикроешь. Может, при тебе не так будут ругать.

— Ты молодец, Изя! Никто тебя ругать не будет, — успокоил друга Витька. — Расскажешь своим, как тебя доктор хвалил.

— Вы оба молодцы! Я всегда знала, что у Борьки хорошие друзья, — сказала Светка и чмокнула одного и другого в пыльные щёки. Девочка повернулась к соседке. — Баб Маш, присмотрите за домом? Я к Лесковым. — Взяла Генку за руку, и они зашагали по улице.

Витька осмотрелся вокруг в поисках пса, Петрович сидел у калитки и терпеливо ждал своего хозяина.

— Ну что? Пойдём домой! Нам тоже сейчас много чего придётся деду объяснять.

Витька сидел один в тихом доме за письменным столом и скучал, до вечернего обстрела оставалось ещё часа два. Деда увезли на «дежурство». Со двора слышался весёлый лай Петровича, который с азартом гонялся за котом. Уже три недели лета прошло без дружеских походов на карьер и в заброшенные сады. Борьку выпишут из больницы только через неделю, а Генка вернётся ближе к сентябрю, его наградили бесплатной поездкой в Артек, за спасение друга. Витьке вдруг захотелось описать свои впечатления от уходящего лета. Он вспомнил, как в былые спокойные времена, была в школе практика — писать сочинение на тему: «Как я провёл лето». Витька достал тетрадь в линию и ручку, ненадолго задумался и старательно вывел на линейках под надписью ТЕТРАДЬ: «По русскому языку обучающегося 7-Б класса МБОУ Школы №... г. Донецка Виктора Илюхина».

Затем он перевернул синюю обложку и на белом разлинованном листе написал:

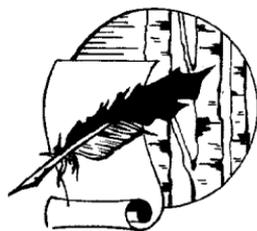
Как я провёл лето
Сочинение

Этим летом, как и прошлым, я никуда из Донецка не выезжал, но мне с друзьями было совсем не скучно. Мы катались на велосипедах, загорали и купались на песчаном карьере, ловили

рыбу и раков, много читали и играли в шахматы. У меня замечательные друзья — Борис Назаров и Геннадий Лесков. Борис — будущий офицер и чемпион по боксу, он прыгает на скакалке лучше всякой девчонки, а ещё он очень смелый, решительный и ответственный. Генка, Геннадий — очень порядочный и начитанный мальчик, он очень много знает, это из-за него мы с Борей научились играть в шахматы и стали больше читать разных книг, а не только фантастику и приключения. Мы втроём этим летом стали лучшими друзьями, как говорится — не разлей вода. Я уверен, что мои друзья никогда меня не бросят в трудную минуту и всегда придут мне на помощь. А ещё этим летом я завёл себе собаку по кличке Петрович. Это охотничий пёс породы курихаар, и я сам за ним ухаживаю. Мой дедушка говорит, что теперь мы точно не останемся без дичи. Пёс очень добрый и послушный: знает много команд и приносит апорт. Только всё никак я не могу его отучить приносить во двор ежей, а если не успеть отобрать ежа, то он может его и съесть. Он долго голодал и поэтому любит хлеб и ежей.

Я очень люблю своих родителей — маму и папу, а ещё дедушку, и хочу, чтобы они чаще бывали дома. Я очень скучаю по бабушке. За это лето я сильно подрос и думаю, что поумнел. А ещё я очень скучаю по школе и жду не дождусь, когда мы снова вернёмся в наши классы, и я встречу своих старых товарищей. Интересно было бы узнать, как они провели своё лето. Хочу, чтобы все остались живы!

г. Донецк

Наталья ЧИСТЯКОВА

ЗЯБКАЯ ПАМЯТЬ

СОЛОВЕЙ

За духмяною калиной
Старосветский соловей
Песней дивною, старинной
Сладко потчует людей.
Неприметная пичуга
К микрофону вновь встаёт,
И одна на всю округу
Ночью душною поёт.
Про далёкую чужбину,
Про житьё-бытьё на ней.
Как поёт из-за калины
Одичавший соловей!..
И Россия слышит это,
И не спит в слезах она.
У певца и у поэта
Жизнь одна, и ночь одна.

* * *

Я брожу в золотом лесу.
Здесь мгновения сыплются листьями.
На ладонях легко несусь
Небо вечное, небо чистое.

И такая в душе благодать!
Пахнут травы осенние ладаном.
Словно это мне только и надобно,
Чтобы осень смиренно принять.

И внезапно в просвете река
Просияла серебряным крошевом.
Здесь проворнее птички зуйка
Век за веком сплавляется в прошлое.

ГОРОДОК ВОЕННЫЙ

Городок военный — целая планета:
Здесь свои законы и свои секреты.

Городок военный не найдёшь на карте,
Жизнь в нём откровенней и влюблённей в марте.

Всем про всё известно, хуже или лучше,
Кто и чья невеста, кто кому наскучил.

Городок военный — всюду: «Здрасьте, здрастьте»,
Здесь сильней киношных разгорались страсти.

Без родных — ох, лихо! Но подруги близко,
Каждая портниха, каждая модистка.

Городок военный, хоть сердись, хоть пой.
Два забора справа, два забора слева —

не для нас с тобой!

* * *

И правый, и неправый,
Идущий стороной.
Немножечко лукавый,
Немножечко смешной,
Мой океан безбрежный,
Мой ветер неземной,
Мой нежный, нежный, нежный,
Как люб ты мне, шальной!

ЗЯБКНАЯ ПАМЯТЬ

Мой город меня не встречает,
Спросонок, видать, не узнал.
И троица заспанных чаек
Не в силах покинуть вокзал.

Навстречу лишь зябкая память,
Уткнулась чуть ниже плеча,
Наивно укрылась годами,
Готова вот-вот закричать.
Киваю я клёнам знакомым,
Счастливой семейке берёз.
Тебя они помнят зелёным,
Меня — в плеске рыжих волос.
Здесь каждый проулок мне значим,
Здесь прошлого тени скользят:
Бежит белобрысенький мальчик,
А вот он почти что солдат...
Что дальше случилось — не знаю.
Поземкой года над землей.
И я не к тебе приезжаю,
Но город вновь дышит тобой.

ХОЗЯИН

На краю деревни — крепкая изба,
И дымит всю зиму над избой труба.
А над крышей справной — вырезной петух,
Лучший на деревне жил здесь дед-пастух.

А в саду отрада — яблоньки в рядок,
И забор поставил, сделал погребок.
И земляца добрый урожай даёт,
Чувствуя почтенный за собой уход.

Яблоне он каждой имена нарёк:
Коля, Ваня, Миша, Саша, Василёк.
Тех, кого последнему видеть привелось,
Тех, кого в Великую схоронить пришлось.

Вызрели на славу сочные плоды,
И друзья довольны — смотрят с высоты.
Смотрят молодые вовсе не в укор:
— Отчего забвением запорошен двор?

На краю деревни — крепкая изба,
Только спозаранок не дымит труба.
Яблоки созрели, рдеют на ветвях,
Заплутал хозяин нынче в облаках...

ГРУСТНЫЕ КЛЁНЫ

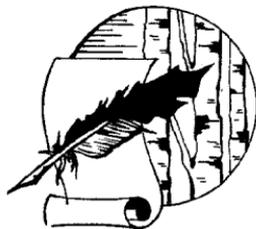
На исходе осеннего дня
Разлились колокольные звоны.
Слышу — кто-то окликнул меня:
Это тайнами делятся клёны.

Голос клёнов на птичий похож,
Только чуточку глуше, теплее.
Пропадают они ни за грош,
Даже листья и те облетели.

А мечтали добраться до звёзд,
Но, доверясь залётному ветру,
Разлетелись на тысячи вёрст,
Разнесли свои думы по свету.

На исходе осеннего дня
Растревожили грустные клёны.
Эти клёны, наверно, родня
Всем,
душою в мой город влюблённым.

г. Москва

Алёна КАЛИНИНА

ОСЕННИЙ ПЕРРОН

РАССТАВАНИЕ

Вёдра кверху доньями,
Пол помыт вчера еще.
Прислонюсь ладонями,
К печке остывающей.

Сохраню надолго я,
Теплоту родимую,
В эту осень волглую
Мне необходимую.

Скрою грусть под маскою
Мудрости искусственной —
В городе неласковом
Не искать сочувствия.

ГРУСТЬ

Оливковая кожа тополей
Мурашками осеннего дождя
Покрылась.
Как избы опечаленно глядят!
Жалей об этом лете, не жалей —
Случилось.
Случилось, уезжают в города
Последние залетные жильцы
До лета.
Покинули подросшие птенцы

Гнездо у потемневшего пруда
До света.
До света будешь думать, почему
Здесь галки не живут и вороньё —
Не слышно.
Лишь тихо доживает старичьё,
Все ведомо ему лишь одному —
Так вышло.

ЗИМНИЙ ЧАЙ

За кудыкину гору
Я закину печаль,
И пойдут разговоры,
И заварится чай.

А про тьму-таракани
Я забуду навек.
Чай горячий в стакане,
А за окнами — снег.

А за окнами вьюга
И крошечная тьма.
Были мы друг без друга.
Как без ноши сума.

В прорубь прошлое канет,
И затихнет метель.
Чай остынет в стакане —
Будет жаркой постель.

ДЕРЕВЕНСКОЕ ЛЕТО

Я люблю деревенское лето,
Даже если дожди и туман,
Все равно много света и цвета,
Ароматов, сводящих с ума.

Здесь березка меня приласкала
И ромашка прильнула к щеке.
Есть на свете Бродвей и Ла-Скала,
Их огни где-то там, вдалеке.

А у нас — комариное пенье
И кузнечиков скрипки во тьме.
Здесь спокойствие, здесь вдохновенье,
Здесь Россия — в тебе и во мне.

НОЧИ АВГУСТА

Ночи августа странно теплы,
Словно руки от нежных объятий.
Мягко светит осколок луны,
И кузнечиков стрекот приятен.

Только спелого яблока стук
Вдруг пронзает неожиданною дрожью.
Осень, словно забытый недуг,
Пробирается по бездорожью.

Но так хочется это тепло
Сохранить в бугорочках ладоней,
И зимою оттаит стекло,
И откроется неба бездонье.

ОСЕННИЙ ПЕРРОН

Последней грозой отплакало лето,
А ты всё им грезишь и сходишь с ума.
Последние листья на кончиках веток,
Как будто билеты на поезд «Зима».

А ты не готова, пусты саквояжи,
И что тебе может сгодиться в пути? —
У лета не спросишь, и осень не скажет.
Но есть ещё время до крика «Прости!»

Но есть ещё время в себе разобраться,
Легко и спокойно ступить на перрон.
Пусть встречные «скорые» в лето умчатся,
Тебя подождет твой последний вагон.

ДЕРЕВНИ НА РУСИ

Есть ещё деревни на Руси,
Где ещё дровами избы топят,

Где в округе — Господи, спаси! —
Непролазный лес, озёра, топи.

На Руси деревни есть ещё,
Где косой-литовкой косят травы,
За столами с кашей и борщом —
Ребятни горластая орава.

На Руси ещё деревни есть,
Где желают каждому здоровья,
Помнят слово праведное «честь»
И почти забыли про злословье.

Лик любой бревенчатой избы
Ставенками радует резными.
И деревни эти не избыть
Ни вовек, ни присно и ни ныне!

Здесь такая ночью тишина!
Здесь такие трели на рассвете!
И живёт великая страна,
Потому что есть деревни эти!

г. Кстов Нижегородской обл.

УМОЗРЕНИЕ В КРАСКАХ

И всё, что древность освятила,
По ветрам с дымом улетит!
И град обширный, как могила,
Иль дебрь пустынна, замолчит!..

Ф.И. Глинка

После великого Государя нашего Иоанна Васильевича Грозного, первый прорыв к Русской Жизни, к её вековым традициям, а значит и святыням, был осуществлен Императором Николаем Павловичем, что неповторимо отразилось в культуре золотого века его царствования — в поэзии, музыке, живописи, архитектуре, храмостроительстве. И если бы не трагическая гибельная реформа Александра II — Русский мир развивался бы и процветал в своем Божественном лоне. Увы, ни Александр III, ни Царь-Мученик Николай Александрович уже не в силах были остановить последствия этой реформы. И как последнее воспоминание о Русском Царстве, о граде Китеже, выходят в свет статьи профессора философии князя Евгения Николаевича Трубецкого «Три очерка о русской иконе» и «Россия в её иконе» о чуде «Троицы» Андрея Рублева. Через год, в роковом 1914 году всемирно известный ученый-энциклопедист: математик, физик, философ, искусствовед,

СИМВОЛ ВЕРЫ

историк, филолог, инженер — отец Павел Флоренский — пишет свой капитальный труд «Столп и утверждения истины», затем — «Обратная перспектива» и «Иконостас» (Философская энциклопедия, том 5, Москва, 1970 год).

«Среди мятущихся обстоятельств времени, среди раздоров, междоусобных распрей, всеобщего одичания и татарских набегов, среди этого глубокого безразличия, растлившего Русь, открылся духовному взору бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир, «свышний мир» горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дольном мире, противопоставлялись взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир, струящийся широким потоком прямо в душу созерцающего от «Троицы» Рублева, эту ничему в мире не равную лазурь — более небесную, чем само земное небо, да, эту воистину пренебесную лазурь, несказанную мечту протосковавшего о ней Лермонтова, эту невыразимую грацию взаимных склонений, эту премирную тишину безглагольности, эту бесконечную друг пред другом покорность — мы считаем творческим содержанием «Троицы». Человеческая культура, представленная палатами, мир жизни — дерево и земля — скалою, всё мало и ничтожно пред этим общением неиссякаемой бесконечной любви: всё лишь около нея и для нея, ибо она своею голубизною, музыкою своей красоты, своим пребыванием выше возраста, выше всех земных определений и разделений — есть само небо, есть сама безусловная реальность, есть то истинно лучшее, что выше всего сущего. Андрей Рублев воплотил столь же непостижимое, сколь и кристально-твердое и непоколебимо-верное видение мира» (П. Флоренский. «Троице-Сергиева Лавра и Россия». ТСЛ. Сергиев П. 1919 год, стр.19-20).

Вскоре искусствовед, писатель и переводчик Павел Павлович Муратов становится автором научной статьи о древнерусской живописи, вошедшей в «Историю русского искусства», изданной И.Э. Грабарём, — создателем в 1918 году (!) Всероссийской иконой комиссии по раскрытию и сохранению памятников древнерусской живописи. Из этой комиссии, благодаря начатым ею делам и была создана великая советская реставрационная школа. Первая — в Москве в декабре 1919-го, вторая — летом 1920-го состоялись выставки «новооткрытых» икон и в том числе точная копия «Троицы» Рублева письма известного иконописца Г.О. Чирикова. Позже в 1929—1932 годах эта выставка экспонировалась в Германии, Австрии, Англии и США.

«Троица» Рублёва вызвала не фурор, а... переворот в сознании зрителей и профессионалов, что и отразилось в статьях таких видных английских критиков, как М. Конуэй и Р.

Фрай. Сборник, вышедший в СССР в 1965 году, предваряет видение Владимира Соловьёва:

*Не там, где заковал недвижною броню
Широкую Неву береговой гранит,
Иль где высокий Кремль над пёстрою Москвою,
Свидетель старых бурь, умолкнувший, стоит, —
А там, среди берёз и сосен неизменных,
Что в сумраке земном на небеса глядят,
Где праотцы села в гробах уединенных,
Крестами венчаны, сном утомленным спят,
Там за закатом дня, осеннею порою,
Она, волшебница, явилася на свет...*

Все ученые, искусствоведы, богословы, когда-либо писавшие о «Троице» Рублёва, разошлись в датах написания. Наиболее вероятная из них — 1411 год. Но все единодушны были в том, что посвящена она была преподобному печальнику Игумену земли Русской Сергию Радонежскому, и помнили все, что Государь Иоанн Васильевич Грозный уставом Стоглавого Собора повелел отныне писать «Троицу» «по Рублеву».

В 1943 году в разгар Великой Отечественной Войны вышла монография выдающегося советского историка искусства Михаила Владимировича Алпатова о «Троице» Рублёва. Книги Алпатова изданные в СССР в 1959-м «Рублёв и Византия», в 67-м «Классическая основа искусства Рублёва», в 71-м «О значении «Троицы» Рублёва», «Андрей Рублёв и русская культура» были переведены в Италии, Польше, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Югославии, Франции. В своих многолетних размышлениях о явлении «Троицы» Рублёва Алпатов писал, что она явилась как пушкинская Татьяна в русской культуре...

Так же воспринимал «Троицу» Рублёва В.Н. Щепкин, когда писал свой трактат-размышление «Душа русского народа в его искусстве». О «пластической музыке, непередаваемой образности» «Троицы» писал ученик великого русско-советского философа Алексея Федоровича Лосева — Дунаев. Одна из статей Георгия Сергеевича Дунаева о «Троице» Рублёва называется «Интонация».

В голодном 1947 году по распоряжению Сталина отреставрирован символ России — Храм Покрова на Рву (Василия Блаженного) и в Спасо-Андрониковом монастыре открыт музей имени Андрея Рублёва. Главными хранителями этой сокровищницы древнерусского искусства назначают Давида Ильича Арсенишвили и Наталию Алексеевну Дёмину. Позже, уже после прославления Андрея Рублёва Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексеем II, в лике преподобных здесь будут обретены мощи величайшего художника мира.

Приснопамятный супруг мой — Алексей Валерьевич Артемьев, награжденный Святейшим патриархом Алексеем II всеми орденами Матери Церкви, более всего дорожил орденном преподобного Андрея Рублёва. Всю жизнь размышлял он о творчестве Рублёва, изучая все доступные источники, и поражался откровенной лжи «наших» историков.

Вглядываясь в даты, указанные в начале этого краткого экскурса, мы начинаем понимать, как жила Русская культура в самые тяжелые, голодные и переломные годы отечественной истории.

В уже упомянутом 1947 году с 12 февраля до конца марта Академия архитектуры СССР проводила в Доме архитекторов выставку древней монументальной живописи народов СССР. Память об этом событии нашей культуры сохранилась на страницах периодических изданий того времени, а также в уникальном каталоге «Древняя монументальная живопись» (Москва, 1947 год). Многие из представленных работ были датированы 1933—1946 годами. В 1937 году выдающийся художник-реставратор Сергей Сергеевич Чураков привез из Ферапонтова монастыря созданные им копии уникальных фресок, вошедших в каталог 1947 года. А в сентябре 1944-го (!) Сергей Сергеевич был командирован Академией архитектуры СССР в Ростов Великий, Ярославль, Рыбинск, Нерехту, Палех и Кострому для изучения памятников монументальной живописи и составления научных описей с них (справка от 20 декабря 1944 года «для предоставления в военкомат»).

Современник И.Э. Грабаря Чураков был крупнейшим специалистом древнерусской живописи, исследовавшим время Рублёва, его школы и его учеников. После смерти Чуракова и Грабаря в течении 50 лет отечественную реставрационную школу возглавлял Адольф (Николай) Николаевич Овчинников — ближайший друг и соратник Алексея Валерьевича Артемьева. В своих многолетних размышлениях о «Троице» Рублёва они не раз высказывали мысль о том, что «рука человеческая не должна к Ней прикасаться». Также мыслил и незабвенный С.Я. Ямщиков.

И последнее. Сохранились уникальные древние иконы «Святой Троицы», в том числе находящиеся в печально поминаемой в наши дни Третьяковской галерее:

1. «Троица» с бытием 1675 года.
2. «Троица» XVI века из Собрания А.В. Морозова.
3. «Троица» 1598 года из иконостаса Троицкого Собора Троице-Сергиевой Лавры.
4. «Троица» с бытием и сценами из Акафиста и жития Богородицы второй половины XVI века.
5. «Троица» конца XV века Псковской школы из собрания С.А. Щербакова.

6. «Троица» конца XV века из Воскресенского Собора в Коломне.

7. «Троица» 1411 года (!) из Троице-Сергиевой Лавры.

Так почему же у нас хотят отнять главную Святыню — «Троицу» Рублёва, при таком количестве других икон «Троицы» в собрании только одной Третьяковской галереи?!

Предваряя размышления отца Леонида Сафронова об этой трагедии, завершу свой рассказ высказыванием Алексея Валерьевича Артемьева: «Чем отличаются современные «патриоты» от современных «космополитов»? И те и другие утратили живую связь со своими духовными и культурными корнями, и те и другие испытывают психологический дискомфорт от этой утраты. Но космополитов вполне устраивает перспектива комфорта физического. Патриоты же «презирают» пошлый комфорт. Они тешатся созданием всевозможных обществ, движений и фондов. Они твердят о некоем «духовном возрождении», о «воскрешении» (на их же глазах, а иногда и при их участии) утрачиваемой культуры. Но эту миссию они всегда устало перекалдывают на плечи следующих поколений. Тот же, кто хоть в какой-то мере способен к подлинной духовной жизни, сам ведет напряженную внутреннюю работу, сохраняя нашу великую культуру, не дожидаясь будущих поколений».

Леонид САФРОНОВ, протоиерей

РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ РУБЛЁВСКОЙ «ТРОИЦЫ»

На днях произошло событие, которое меня как священника должно было бы обрадовать: государство передало РПЦ знаменитую рублёвскую икону «Святая Троица». Но я этому не обрадовался. Будучи не только духовным лицом, но и человеком искусства, не прокомментировать это событие я не могу.

Что значит рублёвская «Троица» для России? Это не только духовная святыня, но ещё в большей степени святыня культурная. Эта икона — значительная веха на пути развития русского этноса, российского государства, это, наконец, национальное достояние. Душа замирает от её красоты. «Троица» — это идеал русской культуры. «Троица» — для русского человека, как окно, через которое он всматривается в мир. Никто в мире, кроме рус-

ского человека, не возводит храмы в честь Святой Троицы, этого сложнейшего богословского Догмата, познаваемого сердцем. На Руси первый Троицкий храм в далёком десятом веке построила ещё княгиня Ольга. И с той поры не богословы — простые мужики понастроили по всей Руси храмы в честь сложнейшего для понимания умозрительного Догмата.

До недавнего времени находилась «Троица» как идеал русской культуры в подходящем для этого месте — в Третьяковской галерее, утверждая тем самым тот факт, что русская культура в своей основе имеет божественное начало, и в проповеди этого божественного начала кроется мировое значение русской культуры. Третьяковская галерея, освящённая «Троицей», — стала средоточием русской цивилизации. В Третьяковской галерее наглядно представлена всему миру сакральная иерархия русской культуры. И чтобы обратить внимание экскурсантов на эту иерархию, следовало бы начинать экскурсии с «Троицы» и «Троицей» же заканчивать. «Троица» — это икона-проповедник, икона-миссионер. А миссионеры проповедуют не в церквях, а в миру за церковной оградой. Поэтому знаменитая на весь мир картинная галерея — самое подходящее место для «Троицы».

Я неоднократно был свидетелем мироточения икон. Мироточат разные иконы: домашние, церковные, бумажные, деревянные... Однако такие значимые чудотворные иконы-подлинники, как «Казанская», «Владимирская», «Тихвинская» да и рублёвская «Троица» тоже, — эти иконы видимым образом не мироточат... Мироточение как явление требует богословского объяснения. Я же со своей стороны на этот счёт хочу сказать следующее: чудотворные, хоть и немироточивые иконы поражают своей неземной красотой. «Неземная красота» — это не оборот речи, это факт, чудотворный факт. Красота, эстетика — вот их невидимое мироточение. Бог — это красота, а «красота спасёт мир». Теперь же в качестве церковной утвари «Троица», несомненно, во многом потеряет своё миссионерское значение. Кроме того... сумеем ли мы молиться перед этим Образом так, как Он того заслуживает?... «Страшно впасть в руце Бога живаго...»

Нетрудно представить, что сейчас будет. Выставят перед иконой в церкви кучу подсвечников, поставят жертвенные ящики и начнут служить экспресс-молебны... Ватаги туристов будут мешать Богослужению, а Богослужение, непонятное и неинтересное многим экскурсантам, будет мешать им созерцанию Красоты... «Суета сует, всё суета...» Возможно, какая-то польза от этой затеи будет, но я не представляю, какая...

НЕВЫУЧЕННЫЙ УРОК ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ

Большинству наших соотечественников представлять Игоря Ивановича Сикорского (1889—1972) не надо. Все знают, что это выдающийся российский авиаконструктор.

Интересы Игоря Ивановича не ограничивались только авиационным конструированием и авиастроением. В эмиграции он был активным участником монархического движения. Будучи православным, Игорь Иванович очень интересовался богословием и оставил нам ряд очень основательных богословских работ. Наиболее известные из них «Отче Наш», «Размышления о Молитве Господней», «Незримая борьба» и «Эволюция души». Наиболее обширная из названных работ — «Незримая борьба». Она охватывает весьма широкий круг вопросов.

Один из них — уроки, которые современное человечество может извлечь из драматических событий почти двухтысячелетней истории, происходивших в Иудее и Палестине. Этим событиям Игорь Иванович придает эсхатологический смысл.

Особенно скрупулезно автор перечитывает и переосмысливает такие фрагменты Нового Завета, которые описы-

СИМВОЛ ВЕРЫ

вают искушение Христа дьяволом в пустыне. Сикорский на-кладывает эти фрагменты на историю еврейского народа до прихода в наш мир Христа, во время Его земного служения и уже после Его распятия, воскресения и вознесения. И на этой основе делает выводы, которые могут помочь понять тенден-ции сегодняшнего времени. По сути, это вклад авиаконст-руктора в христианскую историософию.

Надеюсь, что читателю хорошо известна сцена искушений Христа дьяволом, которая излагается достаточно подробно в Евангелии. Искушения дьявола, адресованные Христу, идут по нарастающей. После отвержения Христом предложения дья-вола тот предлагает следующее, более сильнодействующее. На-чинается с искушения хлебами. Некоторые толкователи назы-вают это искушение голодом, другие богатством. Далее предло-жение прыгнуть с кровли Иерусалимского храма — это трак-туется как искушение славой, гордыней, чудом. Наконец, ис-кушение властью: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонись мне, то всё будет Твое» (Лк., 4: 6-7) Тол-кователи справедливо говорят, что это испытание верой. Хрис-тос ответил дьяволу: «Отойди от Меня, сатана; написано: Гос-поду Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Лк., 4: 8). Здесь для любого верующего очевидная мысль: «Царство Не-бесное бесконечно дороже любого земного царства».

В пятой главе («Трагическое разногласие») Сикорский спра-ведливо отмечает, что если бы Христос пожелал быть земным царем, то ему не надо было бы даже «играть на повышение» и дожидаться третьего предложения дьявола. Согласись Он с пер-вым предложением, начни Он создавать хлеба из камней или даже «из ничего» (как это было в пустыне, когда Христос насы-тил пятью хлебами пять тысяч человек), то Его жители Иудеи уже сделали бы своим царем. И. Сикорский пишет: «...когда Христос фактически использовал свою силу для насыщения множества людей в пустыне, результатом этого было то, что ты-сячи людей немедленно провозгласили Его Мессией и попыта-лись «нечаянно взять его и сделать царем» (Иоан., 6: 14-15)».

Игорь Сикорский проводит простую мысль: те искуше-ния, которым подвергся Христос от дьявола в пустыне, постоян-но мучали и граждан Иудеи, начиная от самых низов и до элиты — первосвященников, книжников, фарисеев, богатых израильтян. И общество ветхозаветных евреев разделилось на две части. Одни готовы были принять незамедлительно все те предложения, которые поступали от дьявола, и даже были готовы бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы доби-ваться желаемого. Другие настроенно относились к таким

предложениям и даже готовы были бороться с теми искушениями, которые посещали их. Первых было несравненно больше, чем вторых. Именно поэтому первые так невзлюбили Христа: он ведь мог пойти им навстречу, удовлетворить их амбиции как по части хлебов и славы, так и по части власти.

Вопрос власти был очень болезненным в Иудее. Рим возвышался над Иудеей, он был для нее метрополией. А первосвященники в Иерусалиме имели чисто номинальную власть. Римский прокуратор (во времена Христа — Понтий Пилат), расположившись в Иерусалиме, диктовал иудеям как жить. Но самое парадоксальное: многие евреи того времени хотели не только освободиться от владычества Рима, но и сделаться владыками мира. Их вдохновляли какие-то писанные и неписанные пророчества, обещавшие «избранному народу» власть над всем миром. Как пишет Игорь Сикорский, иудеи, любили вспоминать истории таких библейских героев, как Иосиф Прекрасный и Мардохей: «Мальчик-раб, Иосиф, фактически стал правителем Египта, в котором он превратил местное население в государственными рабов и одарил еврейских иммигрантов многочисленными привилегиями, обеспечив таким образом их процветание. Популярностью пользовалась также и история о Мардохее, который сумел стать вторым после царя человеком в Персии, где он устроил спокойную и привилегированную жизнь для своего народа и организовал уничтожение 75 000 враждебных евреям персов».

Еврейский народ ждал своего Мессию, предсказанного Ветхим Заветом и иными пророчествами. Но, как выяснилось, в понимании того, чего можно и должно ждать от Мессии, еврейский народ также разделился. Как пишет Игорь Сикорский, «среди евреев и в Ветхом Завете было две противоположных точки зрения насчет Мессии — одна из них действительно касалась пришествия Христа и Его учения о правде, доброй воле и вечной жизни; другая, полностью ей противоположная, касалась земного тирана, который будет завоевывать, терроризировать, эксплуатировать другие нации ради славы Израиля и получения окончательного превосходства над этими нациями». Вторых, конечно, было больше.

Христос как сердцеведец прекрасно чувствовал этот расклад интересов еврейского народа накануне встречи с дьяволом в пустыне. Спрашивается: почему бы чисто тактически Иисусу Христу не пойти на компромисс и не согласиться принять хотя бы одно из трех искушений? Этого было бы достаточно для того, чтобы за Ним пошел весь ветхозаветный Израиль, немедленно надев на Него царскую корону? А еще лучше, если бы Иисус Христос принял все три предложения. Тогда быстрее пали бы

все враги «избранного народа», короче стал бы путь к мировому господству евреев под руководством Мессии. Вот как рассуждает И. Сикорский: «В ту эпоху Римская империя, будучи невероятно богатой, ослаблялась и разрушалась изнутри. Учитывая эти факторы, становится понятным, что власть над царствами мира, упомянутая в Истории Искушения, была не просто образным выражением; это была рекомендация на то, чтобы воспользоваться определенной политической возможностью, которая могла быть осуществлена, если бы Христос пошел на компромисс между Своими вечными идеями и чаяниями большинства еврейских людей, которые ожидали и надеялись на Мессию, Сына Давида, — другими словами, царя и завоевателя». Увы, выражаясь современным языком, Иисус Христос не пошел навстречу «народным чаяниям». Через некоторое время это стало вызывать раздражение в народе, а кончилось ненавистью и криками: «Распни, распни Его!»

Разочарование в Учителе поразило и некоторых его почитателей, которые от него со временем отстали. Да и апостол Иуда, по мнению И. Сикорского, предал Учителя не из-за денег, а потому, что разочаровался в Нем: «Также я считаю, что Иуда предал Христа не просто за тридцать сребреников, но и из-за своих патриотических убеждений, потому что он видел, что Христос осуждает и отрицает столь пламенно приветствуемое народом восстание, поддерживая духовную составляющую идеи о Мессии вместо политической, внося разногласия и снижая боевой дух людей перед надвигающимся мятежом».

Прошло примерно 35 лет после того, как на Голгофе был казнен ложный, как казалось иудейским вождям, Мессия. Началось восстание против Рима, которое затем переросло в Иудейскую войну, хорошо описанную древнееврейским историком и военачальником Иосифом Флавием I века по Р.Х. в «Иудейской войне» и «Иудейских древностях». Из миллиона двухсот пятидесяти тысяч человек, живших в Иерусалиме в начале осады, только девяносто семь тысяч осталось в живых после того, как римляне захватили город. И что примечательно: «Большая часть убийств и невероятных истязаний была совершена именно еврейскими бунтовщиками, и только меньшая часть — римлянами», — пишет И. Сикорский. И это не фантазия, автор ссылается на Иосифа Флавия. Например, приводится следующая цитата древнееврейского историка: «Все человеческие права zeloty (революционеры, наиболее активные борцы за независимость Иудеи. — В.К.) попирали ногами, божественное они осмеивали, а над словами пророков издевались, как над пустой болтовней... Разбойничья жадность их сделалась ненасыт-

ной: дома богатых обыскивались; убийства мужчин и оскорбления женщин служили им утехой».

Как показывает И. Сикорский, Иудейская война была не столько войной еврейского народа с войсками римского полководца Тита, сколько это была гражданская война. На первый взгляд противоречия внутри еврейского народа носили политический характер, но в конечном счете, как подчеркивает И. Сикорский, они были духовно-религиозные.

Сикорский отдельными штрихами рисует картину ужасающих страданий и потерь, которые понес еврейский народ в той войне. Это покруче, чем Холокост времен Второй мировой войны прошлого века. Большая часть примеров и фактов взята из «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Хотели править миром, а потеряли даже остатки собственного Израильского государства, причем почти на два тысячелетия. И. Сикорский справедливо отмечает, что та война имела глобальные последствия: «Очевидно, что это трагичное восстание причинило ужасающий вред не только еврейской нации, но и человечеству вообще. Поэтому очень важно понять характер и причины восстания. Оно не было неизбежным. Многие другие нации, находясь под римской властью, сохраняли мир в пределах своих территорий. Некоторые из них, включая Францию и Германию, в конечном счете легко вернули себе независимость во время падения Римской империи и продолжили развиваться в пределах своих земель, пока не обрели политический вес на мировой арене. Несомненно, аналогичные процессы происходили бы и с еврейским народом, если бы это ужасное бедствие не уничтожило весь цвет нации вместе с процветающей тысячелетней столицей — центром национальной религии и культуры. Если бы не эта революция, евреи, оставаясь и объединяясь в пределах своей собственной территории, постепенно создали бы мощное независимое государство, территория которого вполне могла бы простираться от Египта до Черного моря и от Средиземноморья до Индийского океана. Страна, расположенная на перекрестках путей из Европы в Индию, из Китая в Австралию, была бы процветающей и мощной, со столицей в Иерусалиме, ставшем бы одним из главных городов мира. Если бы там главенствующую религиозную позицию заняло христианство, то это государство, бесспорно, стало бы центром христианства, осуществляя огромное религиозное и политическое влияние на весь христианский мир. Катастрофа, разрушившая эту возможность, может по праву считаться одним из величайших бедствий не только для еврейской нации, но и для всего мира».

Иудейская война — урок, который показывает, что отказ людей признать Иисуса Христа своим духовным руководителем порождает катастрофические последствия уже в земной жизни. Вспомним страшные слова Христа о том, что отказ большей части еврейского народа (особенно его вождей) следовать за Ним как за владыкой Небесного царства приведет к гибели остатков их земного царства (Иерусалима и Иудеи): «И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: «О, если бы и ты хоть в этот твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк., 19: 41–44). Это, как пишет И. Сикорский, «должно быть воспринято буквально как определение первопричины этой катастрофы».

А далее И. Сикорский переходит уже к временам XX века и показывает, что урок Иудейской войны оказался не выученным. Причем не только иудеями, но и христианами, ибо отказ от следования Христу произошел и в так называемых «христианских» странах. И этот отказ привел к величайшим катастрофам указанного века — двум мировым войнам и многочисленным гражданским войнам и революциям: «Мы живем в один из наиболее мрачных периодов истории человечества. Несмотря на ускоренное развитие индустриальной цивилизации и научно-технический прогресс, значение духовных ценностей у всех так называемых «цивилизованных» наций падает с большой скоростью. Вследствие этого современная цивилизация установила ужасающий рекорд. За короткий период времени между 1914 и 1945 годами — две мировые войны и Красная революция унесли, по всей вероятности, более ста миллионов человеческих жизней. Сегодня материального богатства в руках человечества сосредоточено больше, чем во все предыдущие времена, и всё же количество женщин и детей, намеренно умерщвляемых голодом и мором, которые можно было бы предотвратить, в наши дни намного больше, чем было в любые тридцать или сто лет истории человечества».

Еще не успела осесть пыль Второй мировой войны, а И. Сикорский, вопреки всеобщему победному «мажору», тиражировавшемуся тогдашними СМИ и политиками, говорил о новых угрозах. Он видел, что мировая война не вразумила элиту, не вернула ее на путь христианства. А это открывает дорогу следующей мировой войне или глобальной революции.

СЛЕЖКА

РАССКАЗ

1

Депутат Законодательного собрания Сергей Михайлович Иванников ехал на своих «Жигулях» в издательский дом «Знак Времени», на сайте которого вчера появилась информация о неких «оперативно-розыскных действиях», предпринимаемых в отношении него силовиками областного управления внутренних дел. Вчера же он позвонил в «Знак Времени», спросил, есть ли у них документы, подтверждающие эти сведения, и ему ответили, что есть, и они могут показать их ему и дать копию.

Припарковав машину возле высоченного издательского дома в виде полуцилиндра сплошь в синем стекле, Иванников вошел в него, поднялся на лифте на четвертый этаж и открыл дверь кабинета, номер которого ему вчера назвали.

— Здравствуйте, Сергей Михайлович! — с улыбкой вскочила из-за стола худощавая светловолосая девушка-блогер, одетая в синий фирменный пиджачок, синюю юбочку и белую блузку с тонкой синей бабочкой. — Вот, пожалуйста, — про-

ПРОЗА

тянула она документы Иванникову. — Это оригинал, его нам прислали по почте... А вот копия, специально для вас.

— Прислали, как я понял, из недр управления внутренних дел?

— Да. Это от лиц, не пожелавших представиться.

— У-гу. Доводилось сталкиваться с подобным, — говорил Иванников, просматривая бумаги. Он испытывал неприятное ощущение, похожее на то, которое всегда возникало, когда он знакомился с текстом какого-нибудь нового антинародного закона. — Присылали мне оттуда кое-что анонимно. А это значит — в самих этих структурах есть люди, обеспокоенные не очень-то здоровой ситуацией в их рядах. И они, как видите, стремятся предать это гласности. Только документы, я смотрю, какие-то странные. Больше похожи на фотонегатив.

— Это, видимо, специальная защита, — сказала девушка. — С этих бумаг, наверное, невозможно снять отпечатки пальцев.

Иванников поблагодарил ее, попрощался и вышел из кабинета. На улице он сел в машину и стал читать документы, время от времени хмурясь и качая головой. Прочитав, задумался, глядя сквозь ветровое стекло на освещенную майским утренним солнцем улицу с проносящимися маршрутками и легковушками, с проползающими со скрипом сверхстарыми троллейбусами, с яблоньками в белых цветах на газоне у тротуара... Сергей Михайлович не успел еще осмыслить эту неожиданную новость, больно ударившую его. Вчера, в первой половине дня, ему сказал о ней один из помощников. Это было сразу после заседания комитета по социальной политике. Но затем последовало заседание комитета по экономической политике и инвестициям, где он занимал пост председателя. А дальше пошли разъезды и встречи, до позднего вечера, и не было ни минуты для того, чтобы подумать. Да и с документами надо было ознакомиться.

И вот теперь он знал их и думал: кому и зачем понадобилось вести за ним слежку? Впрочем, зачем — это понятно. Ищут компромат на него. Очень быстро понял Иванников, и кто это затеял.

2

Около трех месяцев назад к нему на прием пришла женщина в поношенном, но чистеньком зимнем пальто и в шали, наполовину закрывавшей лицо. Она села на стул, начала было говорить, но вдруг заплакала.

Иванников встал из-за стола, в два шага пересек крохотное помещение своей депутатской приемной, расположен-

ной в здании администрации Ленинского округа, налил воды в стакан из графина, стоявшего на тумбочке у двери, и подал ей.

— Спасибо, — дрожащим голосом прошептала она, одной рукой принимая стакан, а другой сдвигая назад с головы шаль.

Сергей Михайлович сел на свое место и смотрел, как женщина пьет тонкими подрагивающими губами. Слезы падали с ее ресниц в стакан, и было слышно, как постукивают о стекло зубы. Когда она вошла, он подумал, что ей за пятьдесят, но сейчас видел: не больше тридцати пяти.

— Как вас зовут?

— Антонина Дмитриевна... Степанова... — Она поставила на стол стакан и, всхлипывая, достала платочек из сумки, которую держала на коленях. Сумка была не закрыта, из нее выглядывала углом зеленая кипа школьных тетрадей.

— Что случилось, Антонина Дмитриевна?

— Понимаете, мой сын... Саша... — сбивчиво заговорила Степанова, утираясь платочком. — Он попал под машину... Лежал в реанимации... Вчера его перевели в палату... Но травмы тяжелые, необходимо лечение, лекарства, а мне... трудно на учительскую зарплату и алименты... У меня уже долги... Но ведь это по вине водителя! Значит, должны быть какие-то меры, я не знаю... следствие там, суд, иск, выплаты... Но ничего этого нет! Как будто ничего не случилось! И как вот мне теперь...

— У вас паспорт с собой? — мягко перебил Иванников.

— Да, здесь, — сунула она руку в сумку, сдвигая тетради, и достала паспорт. — Я принесла письменное обращение к вам.

— Хорошо, давайте.

Пока он оформлял материальную помощь из своего депутатского фонда, она рассказывала:

— Мой сын шел в спортзал с Аней, ей тоже пятнадцать, она из детдома. И тот водитель обоих сбил. Аню задел вскользь, она упала рукой на бордюр, перелом кисти, а Саша... Ну, я уже сказала... Но с ними даже никто не говорил, не допрашивал! Как же это...

— Распишитесь вот здесь, — показал место в бланке Иванников, протягивая ручку. — И здесь.

Он достал из сейфа деньги и отдал Антонине Дмитриевне. Она было опять заплакала, но тут же подобралась и, прикладывая руку к сердцу, сказала:

— Большое вам спасибо! Спасибо! Вы знаете, я всегда голосовала только за вас. И когда вы шли в горсовет, и в Законодательное...

— В каком детдоме живет Аня? Когда это произошло? Где именно?

В детдоме его хорошо знали: он всегда приезжал на праздники с подарками детям. Ему быстро нашли Аню, смуглую, черноволосую, крепкую.

— Мне это все так испортило! — говорила она, показывая руку в гипсе. — Я готовилась к соревнованиям по кик-боксингу, а тут... Вы сказали, вам надо знать в точности? Ну так вот как получилось. Мы шли через дорогу — там, где переход...

— По «зебре» шли?

— Да, да! Как всегда ходим! Сашка немного отстал, и когда мы почти уже перешли, вдруг эта иномарка, на скорости...

— Но он не уехал, правильно?

— Он, может, и сбежал бы, но когда остановился... видел же, что сбил... а Сашка лежал на дороге, и ему надо было объехать его, и он уже начал объезжать, я видела, успела подняться... А сзади выехала машина и перекрыла ему дорогу. Из нее вышел парень, он-то и вызвал гаишников. И «скорую» тоже. Я его номер запомнила.

— Говори, я запишу..

— И еще, Сергей Михайлович! Этот мужик, который сбил. Он пьяный был, я заметила.

Иванников быстро выяснил, что Сашу и Аню сбил начальник отделения управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД капитан Воинов. Сергей Михайлович был с ним знаком: встречались у них в управлении и в горсовете.

Он сделал официальный запрос в УМВД. И получил ответ, из коего следовало, что уголовное дело на Воинова не заведено и заводиться не будет по той причине, что в дорожно-транспортном происшествии виноваты сами дети, переходившие дорогу в неположенном месте. Что касается алкогольного опьянения Воинова, то это — факт неустановленный: экспертиза не проводилась, поскольку она не обязательна.

— Да как же не обязательна! — говорил Иванников, снова и снова пробегая глазами ответ. — Всегда, при любом ДТП должны проводить! Это всем известно!

Ему хотелось повторить запрос, но он понимал: бесполезно. И стал в тупик. Но ненадолго. На следующий день поехал на место происшествия. Был февраль, день ветреный, всюду носило летевший с неба мелкий снег. Иванников стоял у того перехода, оглядываясь вокруг. И пошел к ближ-

нему высокому зданию, как оказалось, вмещавшему десятка полтора разных организаций. Охрана, однако, была одна на всех. К ее начальнику, грузному человеку с густой шевелюрой седых волос, одетому в «камуфле», он и обратился, показывая свое удостоверение:

— У вас видеонаблюдение улицы ведется?

— Ну а как же!

— Меня интересует пешеходный переход. Видеозапись за... — Он назвал дату.

— Нет проблем! Пойдемте к нашему компьютерщику.

Но компьютерщик, стриженный наголо худой паренек, сказал:

— Эти записи у нас забрали.

Начальник охраны тут же подтвердил:

— Да, да. Я вспомнил. Приходили из милиции... Не люблю слово «полиция»!.. И как нам было не отдать?

— Разумеется, — мрачно кивнул Иванников.

И пошел на выход. Он побывал еще в трех зданиях. Видеонаблюдение велось только в одном из них, но и там нужные ему записи были изъяты.

«Теперь остается только тот свидетель, который загородил дорогу Воинову, — думал Сергей Михайлович, шагая по переходу. — Но согласится ли он дать показания?»

Он направился к парковке, где оставил машину, но взгляд его упал на тускло видневшееся в снежных завихрениях знакомое большое здание старинной постройки, трехэтажное, красно-кирпичное, стоявшее довольно далеко от перехода. «Из него-то, — подумал Иванников, — вряд ли могло вестись наблюдение... Но хоть зайти к ним, поздороваться. Узнать, как поживают». Это был Дом текстильного творчества, работавший еще с советских времен. Множество женщин трудилось в нем. Они ткали на деревянных ткацких станках, пряли пряжу, плели кружева на коклюшках, вышивали, вязали, искусно делали макраме, панно, и прочее, прочее. А в подвале стояли два постоянно работающих фабричных станка, прядильный и ткацкий. Когда Сергей Михайлович был депутатом городского Совета, женщины обратились к нему с просьбой помочь отстоять это здание, на которое положил глаз один местный олигарх, вознамерившийся разместить в нем ночной клуб с пивбаром, сауной, бассейном, казино, бильярдной и даже кегельбаном. Здание принадлежало муниципалитету, и олигарх добивался, чтобы его выставили на продажу, и уже почти добился, но Иванников создал рабочую группу из депутатов горсовета и сам же ее возглавил. Быстро всё обследовали, проанализировали и вынесли официальный вердикт: прекращать

деятельность закрытого акционерного общества «Дом текстильного творчества» нецелесообразно ввиду уникальности и ценности производимой им продукции, дающей солидный доход в городской бюджет, а также по той причине, что у этой организации обширная сеть кружков по всему городу, в том числе и во многих школах, что позволяет занимать детей полезным делом, отвлекая их от грязной улицы с наркоманией и алкоголизмом, давая и превосходный воспитательный эффект; к тому же дети уже в этом возрасте фактически приобретают профессию. Вопрос был вынесен на заседание горсовета, и большинство депутатов проголосовало за то, чтобы здание было передано в собственность коллективу ЗАО «Дом текстильного творчества».

Подойдя к входу и подняв взгляд, Иванников увидел глядевший на него из-под козырька — сквозь поток летящих снежинок — черный глаз видеокамеры, но это ничуть не обрадовало его, потому что записывала она только тех, кто входил в здание или выходил из него. Сергей Михайлович вошел, и сидевшая в стеклянном «скворечнике» подле турникета бригадир охранниц Дергунова, увидев его, сразу положила на стол вязание, встала, и при всей ее неулыбчивости, хорошо известной Иванникову, приветливо улыбнулась. На ней был брючный костюм из плотной материи защитного цвета и цилиндрическая кепка из такой же материи (всё сшито, можно не сомневаться, своими руками: каждая из женщин, работавших здесь, обшивала себя сама).

— Здравствуйте, здравствуйте, Мария Артемьевна, — говорил Иванников, проходя через турникет и крепко, по-мужски пожимая руку Дергуновой, не только не постаревшей за минувшие годы, но, казалось, даже помолодевшей, так что и прежних сорока пяти не дашь. Она вместе с директором этой организации Аллой Ивановной Самойловой и другими текстильщицами организовывала в те трудные дни пикеты у горсовета, сидела на заседаниях, вместе с ней Иванников ходил на прием к мэру... — А сами-то почему здесь сидите?

— Замещаю. У меня двое в отпусках. Сейчас я Алле Ивановне звякну, — взяла Дергунова трубку телефона.

— Подождите, Мария Артемьевна. У меня в первую очередь дело к вам. Сколько у вас камер видеонаблюдения?

— Ну, вообще-то... — Вопрос странным образом насторожил Дергунову. Она смотрела на Иванникова, явно затрудняясь с ответом. Наконец, сказала: — Вообще-то... две...

— Одна, я видел, у входа. А вторая?

— А вторая с другой стороны. Она показывает двор и гараж. Пойдемте сюда, — пригласила она Иванникова в ком-

нату за «скворечником». В комнате стоял стол, а на нем — телевизор, как видно, выполнявший функции монитора. Изображение на его экране было разделено на две половины. — Слева вид со входа, а справа двор, — пояснила Дергунова. — Что вас интересует?

— Меня интересует пешеходный переход через дом от вас. Но этого здесь нет... к сожалению... Что ж, ладно, — вздохнул Иванников. — Теперь можно и звонить...

— Подождите... — Дергунова заговорила тише. — Вам это очень надо?

— Больше, чем очень.

— Тогда так, Сергей Михайлович. У нас об этом знают только двое: я и Самойлова. С нас даже грозились взять подписку о неразглашении, но почему-то не взяли. Пойдемте-ка...

Они вышли на улицу. Дергунова, придерживая кепку, чтоб не сдуло ветром, отворачиваясь от летящего в лицо снега, провела Иванникова до угла здания и показала вверх:

— Вон там, под самой крышей, на углу.. Если приглядеться, можно увидеть... Там она стоит, видеочамера...

Иванников попытался ее разглядеть, но мешал клубящийся снег.

— Там она, там, точно. Пойдемте скорей в дом!

В комнате, где стоял телевизор-монитор, Дергунова рассказала:

— Года полтора назад, еще при том губернаторе, к нам пришли двое в штатском, показали корочки управления внутренних дел и сказали, что им надо установить наблюдение за одним участком. Работать, мол, будем ночью, и чтоб кроме вас двоих, то есть меня и Самойловой, никого чтоб не было. Ночью пригнали технику, подъемник, один поднимался на нем до крыши, другой лазил по чердаку.. И вот теперь смотрите...

Дергунова взяла со стола пульт, нажала на нем какую-то кнопку, и на мониторе вместо прежнего изображения возникла улица с ползущими в снежной пыли машинами.

— О! Так это то, что надо! — обрадованно воскликнул Иванников. — И как все хорошо видно, с крыши-то! Главное — переход как на ладони. Они что, за переходом наблюдали?

— Нет, переход просто попадает в поле обзора. А они следили за Домом быта, что через дорогу, это я поняла по их разговорам. Чаще всего упоминали скупку золота. Вон она, крайняя дверь. Наверное, им надо было пронаблюдать кого-то из тех, кто туда ходит.

— Ну, а потом что?

— А потом... Да ничего потом. Они уж год как не появляются. Их, может, всех позаменили, когда новый губернатор заступил. Там, может, про это уже никто и не знает.

— А запись-то вести продолжаете?

— Ну, конечно. Мало ли, вдруг нагрянут. И на носители я сбрасывала, и храню...

Иванников, не веря в свою удачу, быстро сказал:

— Так вы мне...

Сзади послышался женский голос:

— Ой, кто к нам пожа-аловал!

Он обернулся и увидел директора Дома текстильного творчества Аллу Ивановну Самойлову. Она стояла в дверях и улыбалась во всю ширь своего симпатичного лица, обрамленного выщипавшимися, крашеными оранжевой хной волосами. Она сразу сделала шаг к Иванникову и, обняв его, чмокнула в щеку.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой вы наш Сергей Михайлович! Мы всегда, всегда вам рады! Артёмьевна, — посмотрела она на Дергунову, — меня вызвали, через полчаса уеду. Нам привезут льняное сырьё, ты его, пожалуйста, прими. Вот тебе копия заявки, сверишь с ихней накладной. — Она положила на стол у телевизора бланк и снова повернулась к Иванникову. — А вы всё такой же статный и обаятельный, Сергей Михайлович! Ну-ну, не смущайтесь, я правду говорю. Пойдемте, пойдемте, я вас проведу, посмотрите все наши усовершенствования! И чаю успеем попить...

— Алла Ивановна, тут такое дело... — сказала Дергунова.

И шепотом на ухо стала объяснять Самойловой. Та выслушала и сказала Иванникову:

— Не беспокойтесь, Сергей Михайлович, всё будет сделано! Мария Артёмьевна выполнит в наилучшем виде...

Иванников быстро объяснил Дергуновой, что именно ему надо, и пошел за Самойловой. Слушая ее, он внимательно всё осматривал, когда переходили из помещения в помещение, и думал: «Ох, как славно, что мы отдали им этот дом!» Поражало, насколько всё здесь стало лучше. Стены увешены красивыми изделиями из материи и пряжи. Оборудование обновлено, и его заметно прибыло. Больше стало и женщин, особенно молодых. Одеты все нарядно, красочно, в русском народном стиле. Самойлова сильно выделялась среди них строгостью своего черного «директорского» костюма.

— Мы не отпустим вас без подарка, — говорила она, когда они с Иванниковым пили чай в ее кабинете. — Причем, я знаю, что для вас самое лучшее. Мы видели сюжет о вас в интернет-телевидении. Как вы, например, гуляли с внучкой.

Она у вас такая хорошенькая! И мы... Заходи, заходи, Даша! — сказала она на стук в дверь. Вошла девушка с красивым детским платьицем в руках. — Это для вашей девочки! Должно быть в пору...

— Нет, нет, Алла Ивановна! Извините, без обид, но я не могу его принять!

— Даша, оставь платье. Спасибо.

Девушка повесила платьице на спинку стула и вышла.

— Но почему? — удивленно спросила Самойлова.

— Нельзя, — твердо сказал Иванников. — Научен горьким опытом коллег. Могут приписать взятку. — Он допил чай и поставил чашку на стол. — Спасибо. А платьице замечательное... Да... Я куплю его у вас, если вы дадите мне чек.

— Да пожалуйста! — улыбнулась Самойлова. — Я всё прекрасно понимаю. Пойдемте! — Она встала, взяла платьице и вышла из кабинета. Иванников пошел за ней. — Заодно и магазин посмотрите. Это единственное, что я еще не показала вам. Мы открыли его в прошлом году. Раньше у нас были одни только торговые точки — восемнадцать в городе, семь в области...

— Ого! Помнится, когда вы этот дом получили, в городе у вас было всего четыре точки, а в области ни одной. Семи-мильными шагами идете!

— Если б вы только знали, Сергей Михайлович, чего нам это стоило! Впрочем, особо жаловаться не на что, развиваться-то продолжаем... Вот он, наш магазин.

Они вошли в одно из самых просторных помещений, из которого, вероятно, и собирался сделать кегельбан тот олигарх. Всё разноцветно пестрило здесь от развешенного повсюду и лежавшего на прилавках товара. Покупателей было много. Иванников отдал деньги кассирше, взял у нее чек, взял упакованное продавщицей в полиэтиленовый пакет платьице и пошел за Самойловой. Она уже торопилась, но проводила его до проходной, там на прощанье обняла его и чуть не бегом отправилась во двор, где ждал ее шофер, прохаживаясь возле машины; это было видно в правой части монитора, когда Иванников вошел в комнату охраны. Дергунова тут же нажала на кнопку пульта и сказала:

— Вот запись того эпизода. Смотрите.

Всё было видно отлично: день ясный, пешеходный переход целиком на экране. Вот переходят дорогу прямо по «зебре» девушка и паренек, на них налетает машина, паренек от удара летит вперед, девушку отбрасывает в сторону, машина тут же останавливается...

— Стоп, Мария Артемьевна! Верните, пожалуйста, назад... Та-ак... А они, значит, не проводили экспертизу... — говорил Иванников, глядя, как водитель, выйдя из машины, сбившей детей, пошатнулся и схватился за дверцу. — А можно приблизить? Посмотреть номера вот этой машины и той, что перекрыла ей путь... И лица водителей...

— Пожалуйста... Вот вам номера... Вот лица... Всё тут, как видите, четко.

— Техника на грани фантастики! — сказал Иванников. — И даже за гранью... Ну, спасибо! — Его охватила радость, похожая на ту, что испытывал он, когда удавалось провести в парламенте решение в пользу народа. — Сделайте мне, пожалуйста, копию.

— Уже сделала, в двух экземплярах...

Пряча диски в бумажных пакетиках в карман, Иванников подумал: надо пока их придержать. Нельзя допустить, чтобы этот козырь не сработал. Надо кинуть его в самый подходящий момент, ни раньше, ни позже. Главное же сейчас — возбудить уголовное дело.

5

В те же дни Иванникова анонимно известили из УМВД (то самое, о чем он говорил девушке-блогеру в издательском доме «Знак Времени»), что первому заместителю их начальника, полковнику Гришкину, на днях была продана конфискованная у предпринимателя машина за двадцать тысяч рублей, хотя настоящая цена ей не менее трехсот тысяч. «Это скрытая коррупция, — сразу подумал Иванников, перечитывая в своем телефоне сообщение мобильной связи от отправителя, обозначенного словами «Номер неизвестен». — Так и напишу в запросе».

Но сначала он убедился, позвонив в финансовые структуры силовиков, что факт такой действительно был, а уж потом сделал запрос. Вскоре ему ответили, что машина Гришкину была продана по такой цене из-за ее большой изношенности. «А это не так просто проверить», — думал Иванников, прекрасно понимая, что проверить ему и не удастся, даже если он попытается. Но было понятно, что предприниматель, у которого силовики отобрали эту машину, вряд ли мог ездить на развалюхе. Вот Иванников да, ездит. Его старенький «жигулёнок» часто выходит из строя, то и дело приходится ставить его на ремонт в ближайшую от дома мастерскую, а ездить на городском транспорте или ходить пешком.

Пешком он и шел тем февральским морозным солнечным днем, когда кто-то окликнул его:

— Товарищ Иванников!

Он оглянулся и увидел остановившийся у тротуара «Мерседес». Из него выглядывал одетый в штатское начальник отделения УЭБ и ПК УМВД капитан Воинов.

— Куда направляешься? — кричал он, улыбаясь. — Садись, подброшу!

Иванникова нисколько не задел этот нагловатый фамильярный тон, хотя раньше они почти не общались, а если общались, то только на «вы». Не задел потому, что встреча очень даже обрадовала его. Для Иванникова это был просто счастливый случай! И он пошел к машине.

— Время обеденное, — громко и весело говорил Воинов. — Можно куда-нибудь заехать посидеть...

Подойдя, Иванников бросил взгляд на заднее сиденье и увидел раскиданные по нему несколько бутылок водки. Солнце хорошо пробивалось сквозь тонированные стекла машины, и Сергей Михайлович сразу разглядел, что это была водка «Президентская».

— Да нет, выпьем не этой! — перехватив его взгляд, засмеялся Воинов. — Чего-нибудь гораздо, гораздо лучше! Скажем, хорошего коньячку! А? И в хорошем месте. Например...

— У меня к вам вот какой вопрос, товарищ капитан! — резко перебил его Иванников. — Вы думаете нести ответственность за здоровье детей, которых сбили на улице Ермака?

Воинов мгновенно перестал улыбаться, его небольшие, близко посаженные глаза заблестели острым злым блеском. Он нервно подвигал рукой по своей короткой темной челке, приглаживая ее, и отчеканил, посмотрев на Иванникова снизу вверх:

— Мне отвечать не за что! Пусть научатся соблюдать правила!

И захлопнул было дверцу, но тут же вновь распахнул ее и спросил, шурясь:

— Не хочешь, значит, по-хорошему, с пользой для себя...

Иванников опять перебил:

— Совесть не тревожит?

Воинов, что-то прошептав, махнул рукой, захлопнул дверцу и рванул с места. Отлично шел этот новенький «мерс». Глядя ему вслед, Иванников вспоминал, на какой машине Воинов сбил детей. Кажется, это была «Тойота». А может, другая иномарка, но только не «Мерседес».

Вечером дома он еще раз посмотрел в компьютере запись с диска Дергуновой. Точно, «Тойота».

На другой день Сергей Михайлович без труда разузнал, что за последние два с небольшим месяца Воинов купил две ма-

шины — этот «Мерседес» и еще одну иномарку — общей стоимостью больше двух миллионов рублей. Про «Тойоту» наводить справки не стал, не обязательно. Справиться же о тех двух иномарках вынудило не что иное, как водка «Президентская», которую увидел он на заднем сиденье в машине Воинова.

Примерно за месяц до того дня Иванникова включили в комиссию по контролю за потоками алкогольной продукцией, и он несколько дней ездил по складам и вино-водочным торговым точкам, наблюдал и на таможне с другими членами комиссии, как эксперты берут спиртное на пробы. Фальшивой водки было много, ее в сопровождении комиссии увозили на «ответственные склады» УМВД. И в последний день рейда, когда приехали на эти склады с партией фальсификата, одна из членов комиссии, Анна Петровна Сорокина, председатель КТОСа «Ленинский», вдруг закричала:

— А эта куда делась?!

И указала на обширное пустое пространство склада.

— Здесь было девяносто семь тысяч бутылок фальсифицированной водки «Президентская»! — голосила Сорокина. — Я точно помню! Сама составляла акт об изъятии! Где она, эта отравка?!

Она кричала в лица охранников и заведующего складом, а те слабо отбивались:

— Да откуда нам знать...

— Украли, может... Ночью...

Позвонили в УМВД, быстро приехал какой-то чин, стал успокаивать:

— Мы разберемся, разберемся. Возможно, ее уничтожили. В соответствии с законом.

— Уничтожить могут только в присутствии комиссии! — кричала Сорокина. — Мы должны были это видеть!

В общем, так и не удалось выяснить, кто увез водку. Но об ее исчезновении писали и в газетах, и в Интернете.

6

На следующий день после встречи с Воиновым Сергей Михайлович, получив в мастерской отремонтированную машину, поехал на ответственные склады.

Ему повезло. В тот день дежурил бывший заместитель директора механического завода, а ныне пенсионер Федор Степанович Коробов, давний хороший знакомый Иванникова.

— Я сам точно не знаю, — говорил Коробов, сидя рядом с Иванниковым в машине. — Не при мне это было. Но со слов других могу сказать. Если конечно, ты меня, Михалыч, не подставишь.

— О чем ты говоришь, Федор!

— Водку забрал... Причем не первый раз, точно! Тем, от кого я это знаю, можно верить! А они даже знают и то, к каким бутлегерам она утекла... Ее забрал этот кэп... Воинов... Он у них там в управлении... Хе-хе!.. Начальник по коррупции!

«Вот жук! — думал Иванников, выезжая с территории складов. — И ведь не боится, что увидят! Даже в багажник не спрятал! Сам, конечно, такую не пьет. Видно, расплачивается ею — за услуги. Не-ет, надо всё это доводить до ума!»

Он поехал в фирму, где работал молодой программист Владимир Тимофеев, который видел, как Воинов сбил Сашу и Аню.

— Конечно, я готов всё подтвердить! — сказал Тимофеев, высокий и длинноволосый, одетый в джинсовый костюм с рваными прорезями на коленях. Он был очень серьезен, говорил возмущенно. — Я сразу так и подумал, что он из ментов. До того нагло себя вел... Эх, жалко этих ребятишек! Особенно парня, досталось ему..

— Аня говорит, Воинов был нетрезвый.

— Да не просто нетрезвый! Крепко датый! Я скажу это хоть на следствии, хоть на суде... Где угодно!

В тот же день Иванников сделал еще один запрос в УМВД, в котором потребовал ответить, почему при наличии бесспорных доказательств вины в ДТП до сих пор не возбуждено уголовное дело на капитана Воинова. Спросил он так же, откуда у этого же капитана появилась возможность купить в короткий срок две дорогостоящие машины, на что далеко-далеко не тянет его зарплата. И потребовал провести расследование и выяснить, кто и куда вывез с ответственных складов крупную партию фальсифицированной водки «Президентская».

7

Ни на один из этих вопросов он не получил вразумительного ответа. В пришедшем ему письме из УМВД (на этот раз не вскоре, а почти через месяц!) всё было невнятно. Обычная отписка.

Он сделал еще один запрос. Но не получил на него ответа и по сей день.

И сейчас, сидя в машине и глядя на бумаги, похожие на фотонегатив, думал: «Вот он, ответ на все мои запросы!»

Ему было и горько, и смешно. Что можно накопать на него с помощью этой слежки? Да возьмиись они исследовать все пятьдесят два года его жизни, не нашли бы ничего, кроме

единственного: желания реализовывать свои силы, иначе говоря — приносить людям пользу. Когда в восьмидесятом году окончил десятилетку, не стал вопреки стандартным веяниям того времени поступать в институт, и не потому, что такая возможность была у него и на следующий год (в школу отдали в шесть лет, семь исполнилось через полтора месяца), а просто решил пройти через все ступени жизни, в том числе и через армию, а профессию получить не с бухты-барашки, а хорошенько выбрав ее. Чтоб по душе была. Тогда ведь и пользу можно приносить максимальную. Правда, повлиял на него один спектакль театра юного зрителя, который он посмотрел вместе с одноклассниками, когда учился в девятом классе. В нем герой, выпускник школы, как ни давили на него родители, в институт поступать не стал, пошел работать. На Иванникова родители не давили, сразу поняли его, и он пошел сначала подсобником на стройку, потому что отец был строителем, затем санитаром в больницу, поскольку мать была медиком; но ни там ни там призвания не почувствовал, и поработал еще делопроизводителем в суде, грузчиком в городской телефонной сети, экспедитором на кондитерской фабрике, и только после этого пришел на механический завод и устроился учеником слесаря в инструментальный цех. И здесь быстро освоился, привык, да так, что когда отслужил в армии и вернулся, запах цеха показался ему родным, да и всё, что в нем было, располагало, тянуло, и он, продолжая работать в этой сложной профессии (не каждому дано стать настоящим инструментальщиком, иные по пятнадцать лет работают, а толку нет), поступил на механико-технологический факультет вечернего отделения политехнического института. Тогда же на завод пришла по распределению, после этого же института, его будущая жена Лидия, технологом в сборочный цех, и он вскоре стал семейным человеком. Когда перешел на четвертый курс вуза, поставили мастером. Диплом получил уже старшим мастером, а через два года заступил на должность заместителя начальника цеха, но недолго поработал на ней в полную силу: подошли «девяностые лихие», и завод, как и все предприятия страны, залихорадило; перестали выдавать зарплату. Тогда-то и вступил он на путь борьбы, стал председателем забастовочного комитета на заводе, а потом и одним из первых активистов оппозиции в городе. Его выдвинули на выборы в городской Совет, и он прошел с хорошим результатом. Борьбу продолжал в оппозиционной фракции горсовета: бились против распродажи муниципального имущества, против передачи обслуживающих город предприятий в частные руки, против повышения тари-

фов — вплоть до срыва голосований, когда всей фракцией вставали и уходили из зала заседаний под крики председателя: «Вернитесь! Пожалуйста, вернитесь!» И второй созыв в горсовете работал так же, и первый созыв в Законодательном собрании, и сейчас, второй созыв, — в меньшинстве, против власти. Изнурительная, заведомо проигрышная работа. Но не вымотала она, не заставила сдаться. Наоборот, закалила. И не была напрасной: какие-никакие, а сдвиги к лучшему идут. Он знал одно: надо продолжать, и победа придет. Пусть не скоро, но придет. Но до чего угнетала бесчестность и вероломство противника!

Он смотрел на бумаги и не мог отделаться от чувства брезгливости. В том, что слежка — реакция на запросы, сомнений не было: по документам началась она сразу после того, как они получили его последний запрос. Значит, следили за ним уже два месяца, а эта справка под грифом «Секретно», подготовленная старшим оперуполномоченным третьего отдела управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД, старшим лейтенантом Ф.Т. Боровичком для начальника того же отдела Т.У. Остружина, — отчет о проделанных за это время «оперативно-розыскных мероприятиях». Иванников вдруг поймал себя на том, что смотрит из машины вокруг: не следят ли за ним сейчас? И засмеялся. Точней, невесело посмеялся над собой. И все-таки направленный на него взгляд человека в темных очках из стоявшего неподалеку джипа показался ему подозрительным. Он опять засмеялся. Слежку они, конечно, еще вчера должны были снять — сразу после появления информации о ней в Интернете. Хотя... Как знать... Написано же в справке, что «сбор материалов продолжается».

Он вспомнил нашумевший пару месяцев назад случай с увольнением начальника службы безопасности одного банка — тот рассказал журналистам, как в этом банке велась тотальная слежка за его сотрудниками и клиентами; видеокамеры и прослушку нашли даже в помещениях, где переодеваются женщины. «Может, и у моего подъезда установили? Как у того Дома быта...», — подумал Иванников. Вспомнил он и другие случаи, например, как недавно у них в городе один разведенный чудака подарил своему сыну светильник с прослушивающим устройством, за что и поплатился: бывшая жена из переговоров с ним по телефону быстро поняла, что он слышит все ее разговоры, перерыла все в квартире, нашла это устройство, подала в суд, и теперь ему грозит срок до четырех лет за «незаконное приобретение спецсредств для получения негласной информации». А вот

силовикам не грозит ничего. Но законны ли их действия? Надо разбираться...

Вспомнил Иванников и знаменитого на весь мир, бежавшего из своей страны американца, которому удалось выявить слежку в мировом масштабе — за десятками миллионов людей. «Никто не застрахован, и никак от этого не уберечься», — с досадой думал Сергей Михайлович, и ему начинало казаться, что все эти два месяца он ощущал слежку за собой, не придавая этому значения. Действительно, припоминались странности, коих прежде не наблюдалось: то какая-нибудь машина подолгу маячила перед глазами в зеркале заднего обзора, то незнакомый человек торчал поблизости, вроде кого-то ожидая, а потом двигался следом за ним... Он подумал, что всё это ему сейчас кажется, что эти мысли — следствие невольного возникшего в глубине души испуга, вызванного содержанием вот этой справки. Но в таком случае как они могли выкопать самый нелепый и смешной из всех указанных здесь эпизодов? А именно: такого-то числа такого-то дня он вышел из своей машины у Левобережного рынка, где встретился с женщиной лет сорока в бежевом драповом пальто и в течение нескольких минут беседовал с ней. И что особенно было ему смешно: за этой женщиной так же установили наблюдение, для выяснения личности. Сергей Михайлович сразу вспомнил, как в тот день припарковался у рынка и пошел за уткой, фруктами и подарком на день рождения жены, но у остановки городского транспорта к нему подошла только что вышедшая из автобуса женщина в том самом бежевом пальто и спросила, как пройти к сто пятьдесят первой школе, в которой, по ее сведениям, лучшая в этом районе комната Боевой и Трудовой Славы. Отыскать эту школу не так-то просто, и Иванников довольно долго и подробно объяснял, как к ней пройти, а потом — чисто из профессионального интереса — спросил, чем привлекла ее эта школьная комната, действительно превосходная, он хорошо это знал, поскольку принимал участие в ее создании. И женщина ответила, что она преподаватель профтехучилища, ей поручили открыть такую же комнату в их учебном заведении, и она приехала перенять опыт. «Хорошо, что она отказалась, когда я предложил подвезти ее, — подумал Сергей Михайлович. — А то приписали бы мне... Да-а. Теперь вот тем более... попробуй принять что-нибудь в подарок, то же платье для внучки... Придется быть внимательным втройне!»

Но самым неприятным для него в этой справке были сведения о его близких и его окружении. Там было указано, что жена работает инженером-конструктором в частной фирме

по металлообработке (как она плакала, когда закрыли их механический завод!), что неженатый сын — студент четвертого курса транспортного института, а замужняя дочь работает учителем физики в школе, ее муж — тренер по футболу детской спортивной школы, а пятилетняя дочка ходит в садик и занимается в хореографической студии. И что хуже всего, внизу стояла фраза «Подробности о членах семьи уточняются». Это означало: копают на всю мощь, ничем не пренебрегая, лишь бы найти, за что зацепиться. Даже умудрились включить в его окружение несколько человек, с которыми он и знаком-то не был, возможно, просто для того, чтобы насытить справку информацией. Но среди этих незнакомых был предприниматель, владелец строительной фирмы, о котором Сергей Михайлович много слышал: недавно он «прославился» своими связями с двумя крупными чиновниками, находившимися под следствием за махинации с земельными участками. И это уже было опасно: подтасовывая факты, используя лжесвидетельства, можно и ему приписать участие в этих делах...

«И отмыться уже будет очень нелегко, — подумал Иванов, бросая бумаги на сиденье. — Нет, надо с этим покончить немедленно! На послезавтрашнем заседании Заксобрания выступлю с заявлением!» Он завел двигатель и тронул машину с места. Проезжая мимо джипа, из которого поглядывал по сторонам водитель в темных очках, Сергей Михайлович опять посмеялся над собой. Но когда выехал на дорогу, посерьезнел, потому что джип поехал за ним. Он не верил, что это слежка, но когда специально свернул на узкую улицу, по которой можно было выехать на проспект, джип последовал за ним как привязанный.

Иванников снова засмеялся. Ему вдруг стало по-настоящему весело. И как-то вмиг высветилось в сознании всё, что надо сделать в ближайшее время. Да, послезавтра он, предварительно подготовив официальное заявление, выступит перед депутатами областного парламента, всё подробно расскажет. А сегодня направит письма в УМВД и прокурору области с требованием объяснить, на каком основании за ним ведется слежка. И на следующей неделе, в понедельник, проведет пресс-конференцию, куда пригласит всю городскую прессу. Заявку на нее подготовит сегодня же.

Когда Сергей Михайлович выехал на проспект и остановился в потоке других машин на красный свет у перекрестка, он достал свой телефон, обернулся и сфотографировал сквозь заднее стекло стоявший сзади джип — так, чтобы виден был номер. И опять засмеялся. И даже помахал рукой

водителю в темных очках. И подумал: «В письма силовикам надо включить вопрос, за кем еще из депутатов Законодательного собрания и городского Совета ведется наблюдение. Они, конечно, не ответят. А если и ответят, то что-нибудь вроде: провокация, не было никакой слежки. Или: это журналисты придумали. Пускай. Главное, чтобы поддержали депутаты других фракций!»

8

Его выступление на пленарном заседании Законодательного собрания вызвало бурную реакцию. Все депутаты были возмущены. И все поддержали Иванникова. Каждый высказался в микрофон, а двое заявили, что за ними тоже ведется слежка: они ощущают ее постоянно и постоянно находят подтверждения тому, что за ними следят. Единогласно было принято решение направить в соответствующие инстанции и главе области письменное обращение с требованием прекратить это издевательство. Иванников сказал и о причине слежки за ним, о том дорожно-транспортном происшествии, в котором пострадали дети, показал конверт, в который был вложен диск, и сказал, обращаясь к начальнику УМВД, сидевшему в зале:

— Василий Федорович, я намерен прийти к вам на прием, чтобы передать этот диск с видеозаписью и это мое письмо, — достал он второй конверт из своей папки. — В нем подробно изложено всё, о чем я сейчас рассказал. Надеюсь, уголовное дело на виновного все-таки будет заведено. Если же этого не произойдет в течение трех дней, я вынужден буду отдать видеозапись в «Знак Времени» — с тем, чтобы ее разместили в Интернете.

— На прием, конечно, приходите, Сергей Михайлович, — ответил генерал. — А материалы давайте прямо сейчас.

Иванников сошел с трибуны и пошел по проходу, провожаемый взглядами депутатов.

— Можете не сомневаться, — говорил начальник УМВД. — Мы разберемся и примем меры.

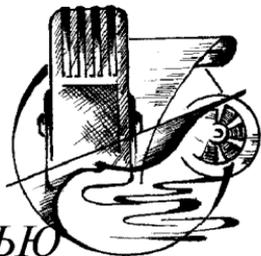
Отдавая ему диск и письмо, Иванников почувствовал, что победа за ним.

г. Омск

КОГДА НЕТ ИДЕОЛОГИИ

— Федор Алексеевич, в одном из своих интервью вы рассказывали, что занимаетесь темой идеологии с 2014 года, когда поняли, что Россия на Украине информационную войну проиграла. Что вы предложили? В чем суть идеологии ДНР?

— Для того чтобы ответить на вопрос, что такое идеология ДНР, надо ответить на вопрос, что такое идеология вообще. Как это ни парадоксально прозвучит, но даже среди патриотов на 10 человек будет 10 мнений о том, что такое идеология. Представление о самом понятии не устоялось. Если считать идеологию тем, чем считаю я, то это базовая идея общества. Идея о том, что мы такие разные собрались и договариваемся, как же нам вместе жить. А что такое «жить вместе»? Это значит понять, какая форма устройства должна быть в нашем государстве, какая форма правления и каков нравственный идеал. В нравственный идеал входят идеи нравственной ориентации плюс образ будущего, которое мы строим, то есть что мы делаем, ради чего живем, каковы наши цели. Вот что такое идеология в двух словах.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Теперь о том, что такое идеология ДНР. Прежде всего это о том, кто мы, откуда и в каком государстве должны быть, исходя из этого. И третье, какую нравственность мы должны исповедовать. Разобравшись в данном вопросе, мы в Донецке, в отличие от Москвы, едины в этом мнении. Мы все русские! Я, допустим, русский греческого происхождения. 92 процента у нас русские великороссы и малороссы, но все мы русские того или иного происхождения. Мы культурно русские, политически русские, если хотите. Это первая и главная идеологема ДНР. Вторая — в каком государстве мы должны жить. Конечно же, в едином Российском государстве. Это два базовых момента. Соответственно, исходя из этого, мы трактуем нашу общероссийскую историю и проектируем будущее. Какое? Это объединение всех русских (этнически, культурно и политически) в единое государство, которое было разделено искусственно. Разделённый народ должен рано или поздно объединиться.

— *С тех пор до 2022 года, когда началась спецоперация, прошло 8 лет. Идеология ДНР прижилась? Получается, она распространялась только в границах ДНР и не захватывала остальной Донбасс, который оставался украинским? Иначе как объяснить, что многие воюющие на стороне Киева именно из восточных областей Украины? Почему они так сопротивляются?*

— Начнем с того, что наша идеология в ДНР успешно реализована. Идеологией у нас занималась большая команда, включая пару московских единомышленников. У нас принята доктрина «Русский Донбасс». Наша идеология — единственная на всём постсоветском пространстве, где русские значатся в качестве субъекта исторических процессов. Но в самой Москве это право на субъектность русского народа еще предстоит отвоевать после серии тех предательств, которые были в 1990-е годы. А мы уже отвоевали, и у нас русский народ — субъект истории. Идеология у нас принята, она поддержана народом, мы наконец объединились с Россией. Результат, ради чего мы все это затевали в 2014 году, частично достигнут.

Теперь отвечаю на вторую половину вашего вопроса. Почему часть наших земляков не поддерживает нас на оккупированных Украиной территориях, почему у них другое мнение? Дело в том, что человек, к сожалению, существо внушаемое. Признавайте это или нет, но факт есть факт: если ему внушать, повторять многократно, например, какие-то идеологемы, то человек, если у него нет внутреннего стрежня, рано или поздно становится тем, кем его хотят сделать. А стер-

жень как способность реально оценивать себя и окружающий мир, воспринимать и сортировать информацию есть далеко не у всех. Это удел избранных. Это как в человеческом организме: не может рука думать за голову, и нога не может, а народ — это тело. У него есть и руки, и ноги, и голова. Так вот, только голова может принимать такие решения. Голова — это в данном случае интеллектуальная элита. Но если людей обрабатывать грамотными идеологемами, то еще Адольф Гитлер с Йозефом Геббельсом показали, что за год можно переформатировать сознание любого человека. За один год! Геббельс сказал: «Дайте мне средства массовой информации, и я из любого народа сделаю стадо свиней». И сделали-таки! На Украине у наших врагов было гораздо больше времени, и они основательно переформатировали сознание русских. Сначала малороссы были русскими, потом стали украинцами русского происхождения, а сейчас — анти-русскими украинцами. И всё это произошло на наших глазах, враг умело обработал сознание. Соответственно, с обработанным сознанием украинцы превратились в каких-то манкуртов, которые совершенно не ведают, кто они, откуда и зачем им надо воевать, ради кого и чего они воюют. Они себе этих ответов не дают. Они просто следуют вдолбленным в их сознание идеологемам, которые враг умело в их головах поселил.

— *Почему, на ваш взгляд, Кремль все-таки начал спецоперацию, если до этого лишь наблюдал за тем, что происходит в Донбассе? Или Донбасс, как и Крым, надо было присоединять еще в 2014 году?*

— Что касается лично меня, то я считаю, что, конечно, все надо было делать в 2014-м, когда для этого были максимально благоприятные условия. Россия же на протяжении всех 30 лет с 1991 года действует, только отвечая на внешние угрозы, и то иногда, когда уж очень припекает. На самом деле была «русская весна», был русский подъем в Крыму, у нас, и в этот момент украинскую армию НАТО во главе с США еще не успели должным образом подготовить. Спротивляться было бы некому. Бери, заходи, и тебя встречали бы хлебом-солью в 2014 году в Харькове, Одессе, тем более после произошедших там известных событий! Весь юго-восток, вся Новороссия, все уже давно были бы частью Российской Федерации без выстрелов, как в Крыму. Но в Москве же несколько башен Кремля, и некоторые, которые еще с 1991 года взяли курс на встраивание в Запад, чем-то очень сильно напугали нашего президента, и он дал полный назад. Это было настолько искусственно, что словосочетание «расстройство для души»

не то слово. Это когда наши вооруженные парни из Донецка подходят к Мариуполю, враг, испугавшись, оставляет город, а из Москвы следует команда отступить. Видите ли, Ринат Ахметов договорился с Владиславом Сурковым, и мы отдали им Мариуполь. Украинские войска смотрят: ну что же, нам отдали, сверху договоренность есть, поэтому вернулись в Мариуполь. Как в 2022 году нам достался Мариуполь, все знают. Там камня на камне не осталось, а сколько жизней за него было отдано, включая мирное население, страшно себе представить. То есть это ошибка того самого 2014 года и той башни Кремля, которая остановила, по сути дела, «русскую весну». Сейчас Суркова убрали с ведущих должностей, но дело его, к сожалению, живет.

Теперь объясню, почему спецоперация началась именно сейчас. Владимир Владимирович сказал, что до него дошли сведения о том, что украинская армия намеревалась самым решительным и жестким образом атаковать Донбасс и Донецк, разнести там всё, и президент просто пошел на упреждение. Была ли это провокация или ВСУ действительно планировали такой сценарий, я до сих пор не знаю. Не исключая ни того ни другого, потому что то, как вошли на Украину с севера и так далее, показывает, что ЦРУ таки переиграло нашу разведку, вчистую переиграло. Они вынудили войти российские войска неподготовленными, чтобы было их поражение на каких-то начальных этапах ведения СВО. Я думаю, что информация о том, что Донецк подвергнется атаке небывалой силы, а возможности ополчения по ее отражению были явно недостаточны и катастрофа казалась в этом случае неминуемой, способствовала принятию решения о начале специальной военной операции. Победить без России мы бы не смогли. Слишком нас мало, слишком плохо мы были вооружены, слишком мало было ресурсов.

— *Говорят, что якобы опросы показывали тогда, что большинство на этих территориях не поддержит крымский сценарий и сценарий ввода российских войск. Вы с этим согласны?*

— Я абсолютно уверен в том, что тогда жители Донбасса в своём большинстве были настроены на единение с Россией. Доказать документально я это сейчас не смогу, но знаю наверняка, потому что общался тогда лично с самыми разными людьми, а Донбасс достаточно невелик, у нас много знакомых и там, и сям. Ездил на дачу в Харьковскую область через половину юго-востока и со всеми по дороге общался. Большинство было за крымский сценарий. Имелась небольшая группа людей, которые считали, что «Украина — цэ Европа», но они были в меньшинстве, как в Донецке. На всем юго-

востоке они были в меньшинстве. Одесские события то же самое показали. Вспомните, что было в Харькове, когда Виктора Януковича смещали. Нерешительность Москвы не позволила ему вернуться на «трон» с тем, чтобы объединиться с Россией. Нерешительность, мягкотелость, недалёковидность, я не знаю, как это назвать, но считаю, что геополитические ошибки были сделаны. Но главное даже не в этом, а в том, сделаны ли выводы из этих ошибок и просчетов.

— *Ваши ожидания от СВО: когда она закончится, на чем мы остановимся? Нет ли у вас опасений, что мы можем оставить уже освобождённые территории? И по каким границам, на ваш взгляд, проходит сейчас на Украине Русский мир?*

— Это исключительно политологический вопрос. Спецоперация, которая идёт, более политическая, чем военная. При всём том, что в военной операции гибнут люди. У меня, например, среднее военное образование, звание старшего лейтенанта, и, когда я изучаю тактико-технические характеристики любого оружия, оцениваю, как и где его наиболее эффективно можно было бы применить с чисто военными целями, то есть по прямому назначению. Например, РСЗО «Град» или «Солнцепек». Если дивизион этих установок производит залп, например, по Авдеевке, которая находится под Донецком и откуда обстреливают столицу ДНР, то после нескольких залпов от Авдеевки остается только лунный пейзаж. А там у нас «великое стояние на Авдеевке», окопная война, в которой таких массированных залпов никто не делает. По каким причинам? По политическим.

Если помните, как только в украинской армии стало совсем худо с боеприпасами и моральным духом на этой почве, сразу же возникли Стамбульские переговоры. Возникло такое странное олигархическое существо, как Роман Абрамович. Приехал, что-то решил. В итоге переговоров мы ничего не получили, кроме того, что дали временную фору украинской армии. Те подтянули закончившиеся снаряды и по сей день продолжают обстреливать нас ежедневно и почти безнаказанно. А наказание — это когда «Град» и «Солнцепек» ведут батарейную борьбу и от врага остается только одно название. Но этого не делается! Не делается из политических соображений. А для того, чтобы мне оценить политические соображения, мне нужно быть немножко в курсе. Я не склонен осуждать ни Владимира Путина, ни руководство, потому что не владею всеми тонкостями и нюансами международных угроз. К ним стекается вся информация, а я могу судить только о том, что вижу. Я вижу такие конкретные действия, что это больше про политику, чем, собственно, про во-

енные действия. Так не планируются операции. Все уже говорят об этом — и зарубежные, и наши специалисты. Окопная война ведётся по технологиям Первой мировой, но уж никак не третьей мировой. Хотя беспилотники, наблюдение из космоса, и тут, конечно, есть свои сложности, но в основном все стратегические моменты политические. Исходя из того, что я сказал, политический поворот непредсказуем ни для кого, для меня в том числе. Как он был непредсказуем ни с Минском-1, ни с Минском-2, ни со стамбульскими переговорами и так далее. Я не знаю, какие башни Кремля победят. Если победит позиция Путина, которую он продекларировал, то, конечно же, русский народ должен быть воссоединён. Мы должны освободить Украину от неонацизма, несмотря на то, хотят там этого или нет. У людей свернуто сознание, и нам еще предстоит поставить его на место. Поэтому если Путин будет последователен в своих декларациях, то, конечно же, как минимум, весь юго-восток должен быть наш, а в идеале вся Украина. Это совершенно очевидно.

— *Теперь давайте поговорим о нашем едином общероссийском пространстве. Сейчас всё активнее разгораются споры, нужна ли нам идеология. «Деидеологизацию идеологии» как тезис впервые провозгласил в своей статье, опубликованной в журнале «Коммунист» в 1988 году, главный идеолог перестройки Александр Яковлев. В ней говорилось, что надо избавиться от идеологии вообще и стать прагматиками. Эту наживку тогда проглотили. От идеологии постепенно отказались. Что нам это дало? Мы стали прагматиками и выиграли от отсутствия идеологии или место коммунистической заняла какая-то другая?*

— Идеология присуща любому государственному образованию любого исторического периода. Ее можно принимать, можно отрицать, наличие или отсутствие идеологии от этого не зависят. Российская идеология в реальности прописана в Конституции 1993 года, относительно которой Владимир Путин совершенно четко высказался, кем и как она писалась. Ее писали наши враги для продажного российского элитного слоя, который ее благополучно принял. В Конституции 1993 года прописаны все либеральные идеологические постулаты. Если вчитаться грамотно и внимательно в этот текст, то станет понятно, что страна пошла по либеральному пути, который должен был привести к полной интеграции с Западом. Но с приходом к власти Владимира Путина всё пошло не по сценарию. Социум всегда сложное явление и очень часто развивается, движется не по отведённому ему сценарию. Как пришёл Иосиф Сталин? Вроде бы из системы пришёл человек, а пошло совершенно всё не по сцена-

рию. Так и Путин из ельцинской же системы, но он повёл страну иначе, из-за этого обострились отношения с Западом вообще и с Путиным в частности. Он решил путь, где нам отведена роль колонии, пресечь, и делает это всеми доступными способами. Грамотно или нет — мы будем судить по результатам. Если у него получится, значит, будет великий человек, если нет, то потеряем нынешнюю Россию, как это бывало уже не один раз.

Но без идеологии не бывает никаких государств. И наша идеология должна быть построена на совершенно других принципах. Кое-какие изменения некоторое время тому назад были приняты, но они уж очень лёгонькие и аккуратненькие, непринципиальные. Там опять не появился русский народ, там опять сохранены все существующие ценностные ориентиры.

Конечно, нужно менять идеологический курс, Конституцию, но это очень сложная задача. Правящий класс у нас, как известно, сформировался еще в 1990-е. Если вы посмотрите на лица, то увидите, что среди них мало кто пришёл в последние годы из ниоткуда. Нет, все сформировались примерно в ельцинский период, и эта элита не самообучаема. Она нетрансформируема. Поэтому нужен специальный орган, который позволил бы провести те изменения, о которых мы с вами говорим. Я, например, назвал его идеологическим генштабом, Александр Андреевич Проханов называет его «Орденом меченосцев», Виталий Владимирович Аверьянов — «Советом комиссаров», но без этого никак нельзя изменить общественный курс. Нужен идеологический Смерш, цензура СМИ и так далее. Если этого не делать, то враг и далее будет безнаказанно оболванивать нашу молодежь, уничтожать наше будущее, да и нас самих превращать в рабов. Это всё нужно менять, и рецепт тоже известен — нужен несистемный орган для изменения курса.

— *Исходя из того, что вы сказали, я так понял, что, несмотря на формальное отсутствие идеологии, она у нас все-таки подспудно есть. Или мы действительно, как провозглашается, ничего подобного не имеем, а только бизнес-интересы и встраиваемся куда-либо настолько, насколько нам сейчас выгодно, а дальше посмотрим?*

— Я считаю, что вы очень верно подметили: элита, пришедшая в 1990-е годы, ко всему относится как к бизнес-проекту, причём с «оптимизацией» неприбыльных отраслей. До чего довели оптимизацию здравоохранения, мы уже знаем. До чего довели оптимизацию образования, сколько школ убрали в сёлах, что в немалой степени способствовало угроб-

лению деревни и населённых пунктов в сельской местности. Про оптимизацию армии я вообще промолчу. СВО показала результаты этой оптимизации. Вы правильно сформулировали суть — такая элита занята только вещами. Первое, так как у неё это бизнес-проект, то она занята обеспечением своих личных интересов — это самое главное. И второе — самосохранение: как при этом остаться у власти. Поэтому, чтобы произошли изменения идеологического характера, нужно, чтобы в России всё-таки появился идеологический мозговой центр с соответствующим стратегированием, идеологическим Смершем, где наши откровенные идеологические враги не могли бы быть допущены до принятия государственных решений. Как это сделать в рамках существующей системы, если она не предполагает такого мозгового центра, большой вопрос. Система спроектирована американцами для того, чтобы из нас сделать стадо рабов — и точка.

В этой ситуации есть только два решения. Первое — революция снизу, когда сносится абсолютно и целиком вся система, как это было в октябре 1917 года. Но мы же понимаем, какая кровяница в таком случае будет литься. Второй вариант — революция сверху, когда формируются органы с определенными функциями и решаются эти задачи. Мы помним, как действовал Иван IV Грозный. Учредил опричнину и решил таким образом огромную задачу — приструнил олигархов того времени и подчинил всех оставшихся аристократов интересам государства. И у него это получилось! Потом то же самое сделал Петр Великий. И примерно то же самое в своё время сделал Сталин. Он фактически перестроил весь советский олигархический порядок, который сложился в нэповской России того периода. Страна пошла другим курсом. Таким образом, исторические примеры нам показывают, что необязательно сносить всю систему. Можно поступать так, как это делали наши великие национальные лидеры. Это называется революция сверху, а я её называю просто новой грамотной кадровой политикой. Но для этого нужен соответствующий кадровый центр, который бы этим занимался. Потому мы и говорим о необходимости идеологического генштаба.

— *Теперь давайте обратимся к сути идеологии. Наши элитари, противники идеологии, говорят, что, дескать, на Западе нет идеологии, никто никому ничего не навязывает. Главное — свобода воли, самореализации и самовыражения. Делай что хочешь, самовыражайся как угодно, лишь бы это никому не создавало проблем. Но при этом те же американцы, например, не скрывают своей идеологии превосходства и собствен-*

ной исключительности, на основе которой строят свою стратегию всемирного суда, полицейского и миссионера, несущего миру некие универсальные и обязательные для всех ценности, смыслы и правила поведения. Получается раздвоение сознания: с одной стороны, у них нет идеологии, с другой — она у них есть, причём очень чёткая. Мы ничего подобного не провозглашаем, но американцев критикуем. Но есть же известный принцип: отрицаешь что-то, предложи свое. А мы не предлагаем. Почему? Кто же за нами пойдёт против глобального, неокониалистского Запада (как называет его Сергей Лавров), если неизвестно, куда мы ведем?

— Это вопрос большой, сложный, для отдельного разговора. Тем не менее, попробую ответить. Что нам нужно? Для начала необходимо, чтобы появилась голова, которая бы мыслила идеологическими категориями и понятиями, которые вы сейчас назвали. Эту голову я назвал идеологическим генштабом. Она должна вырабатывать идеологию и иммунитет от вражеских идеологий.

Вы всё правильно сказали об их идеологии, все эти признаки на Западе налицо. Но если вы посмотрите ретроспективу европейской истории, то увидите, что на протяжении 2 тысяч лет идёт битва двух идеологий — сатанинской и христианской, и всё это время под разными флагами идёт сражение именно этих двух концептов и мировоззрений. Сейчас, если вы вчитаетесь в концептуальные, идеологические смыслы современного либерализма, то найдёте там все признаки антихристианства. Христианство говорит, что нет ни эллина, ни иудея, а тут — исключительная нация. На Украине откровенный нацизм — «Україна понад усе» (в нацистской Германии бытовал лозунг Deutschland uber alles — «Германия превыше всего»). Кстати, на Западе опять это сейчас культивируется, о чём говорит отмена всего русского и деление людей по принципу рождения на правильных и неправильных — любой русский во всём виноват. По Новому Завету — нет ни раба, ни свободного. А они собираются нас колонией сделать.

Мы должны сохранять свои ценности, культуру — всё, что досталось нам от предков, и это всё противоречит идеологии либерализма. Таким образом, даже когда Путин не декларирует идеологию, он на самом деле очень часто озвучивает христианскую идеологию и христианскую миссию. Там и справедливость вылезает, и необходимость сохранения традиций, культуры и так далее. Это всё идеологемы, которые рано или поздно соберутся в единую идеологию. Чтобы она собралась, повторюсь, нужен идеологический генштаб. Без него никак.

Если его не будет, у нас не будет иммунитета от вражеских идеологов. У них все средства массовой информации обрабатывают наше сознание. Вы скажете, что у нас нет гей-парадов? Я вас уверяю, что есть! Когда выступает, к примеру, Филипп Киркоров, всем понятно, что это представитель нетрадиционной ориентации. Посмотрите, как он одет, как ведёт себя. Единственное, что он, в отличие от тех, что на Западе, пока вообще одет. Но влияние на молодежь всех этих развращающих передач очень велико. Всё идет своим чередом. Нам нужно проснуться от идеологической спячки, создать необходимый орган, который будет способствовать нашему противостоянию этим ментальным угрозам. Без него и без идеологии мы как проиграли Украину, так проиграем и всю Россию.

Обратите внимание, как хитро работал враг. Создали маленькую проблемку — запретили русский язык считать государственным на Украине. Ну подумаешь! Когда Леонид Кучма, будучи президентом, приезжал к нам в Донецк, наш корреспондент по моему наущению задал ему вопрос: «Мы всю жизнь говорили на русском. А сейчас нельзя?» На что он ответил: «Прекратите спекулировать. Кто вам мешает? Школы, вузы, СМИ — все на русском. Кто у вас и что отнимает?» Так вот, на тот период действительно не отнимали. А потом начался мягкий прессинг сокращения учебных программ, сокращение русского языка, русскоязычных передач, и гайки везде затягивались, пока не обернулись событиями 2014 года. Но ведь этого можно было не допустить, если бы в Кремле было не идеологическое слабоумие, а включены мозги на идеологическую тему по полной программе. Мы бы давно, еще с тех времен, украинцев сделали своими. Конечно, сделали бы! Но СВО идет уже больше года, а грамотных идеологов, которые бы позволяли реформатировать украинцев обратно в наше поле, как не было, так и нет. Мы же ничего не делаем, вообще ничего! Такое ощущение, что нас устраивает ситуация: чем больше погибнет русских и украинцев, тем лучше. Но для кого лучше? Для врагов — точно да. То есть идеология — это очень опасное оружие, его надо готовить и применять.

— Да, у нас нет идеологов, и украинцы с той стороны говорят: «Вы победили, и что дальше? Что вы нам несёте? Вместо наших олигархов придут ваши, вместо Ахметова и Пинчука — Абрамович и Дерипаска. Что изменится в жизни простого украинца?» Они надеются, что с приходом Европы, может быть, действительно что-то изменится и в плане коррупции, и в плане цивилизованности, и в плане повышения жизненного уровня и

так далее. В общем, надеются, что европейцы и западники дадут им что-то хорошее, а то, что мы можем дать, они знают и не хотят. Что мы им принесем вместо национализма, против которого боремся? Что поставим на его место, если у нас идеологии нет?

— Вы сейчас очень ярко обозначили то, что я называю идеологическим слабоумием. Я бы хотел, чтобы украинское поле было обработано нашей идеологией, но её нет, вы правильно указали. А её нет, и, значит, наши аргументы очень слабы. В Донцке ситуация более-менее прояснена, потому что там есть идеология, а в России в целом нет. Это наша основная боль. Мы же поэтому и в Изборском клубе, и в «Русском собрании» только на эту тему и говорим. В Изборском клубе, например, под руководством Александра Андреевича Проханова до филигранного блеска разработаны все необходимые идеологемы во всех соответствующих социальных сферах. Это и идеология Победы, это и «Русская доктрина», и «Русская мечта» — всё это есть. Но вопрос: кто же нас слышит?! Мы делаем, что можем, в надежде, что Господь даст нам какие-то возможности хотя бы быть услышанными наверху. Пока нас не слышат. Это наша главная проблема и головная боль. А какая должна быть идеология, что она должна содержать, как обеспечить идеологическое сопровождение специальной военной операции, мы знаем.

Идеологического сопровождения СВО нет! Не совсем удачны фразы о денацификации и демилитаризации, они непонятны для сознания украинцев. Поэтому сейчас уже звучат другие цели и установки, но опять это всё не объединено в единый идеологический концепт, и те угрозы, о которых вы упомянули, пока неясно, как нейтрализовать. Надо срочно заниматься идеологией, что мы и делаем в Изборском клубе.

— У нас нет идеологии, идеологического сопровождения СВО, но сейчас активно генерируется и пишется масса всевозможных концепций суверенизации и стратегий развития. Как это возможно без идеологии? Или на самых верхах она всё же есть, а те, кто пишет стратегии, именно ею руководствуются? Если это так, то почему её не передают гласности? А если нет, тогда как пишутся концепции и стратегии без единого идеологического фундамента, они же будут противоречить друг другу?

— В отсутствие единой прописанной идеологии всё, что вы назвали, можно определить как потоки сознания. Они перемешиваются, в итоге получаются «лебедь, рак и щука», а результат их совместных усилий — ноль.

Я проводил эксперимент среди своих единомышленников, предлагал определить, кто такие русские. И опять: на 10 человек — 10 мнений. Соответственно, люди снизу не структурируются, это происходит сверху. Сначала национальный лидер должен понять и поставить идеологическую голову на свое место, и только потом всё пойдет.

Почему у нас в Донецке идеологический прорыв по сравнению с Москвой? Одна из причин заключается в том, что мы в своё время начали со словаря понятий. Мы сделали «Словарь патриота Отечества», маленький, карманный, где основные понятия были определены. И тогда мы, единомышленники, начали двигаться в этом направлении. Потому у нас есть целая команда единомышленников, которые имеют хотя бы общую терминологию — соответственно, какая идеология должна быть, тут всё расписано. Но этим же должен заниматься центр в Кремле, и там должен быть идеологический генштаб. Без него будет всё, как вы обрисовали. Потоки сознания могут литься до бесконечности, а это как раз то, что нужно нашему врагу. Мы начнём мешаться под ногами друг у друга, а результат у нас будет тот, что сейчас, — нулевой в идеологическом смысле.

— *Мы на всех уровнях говорим о некоей концепции, идее Русского мира, которую продвигаем, но которую, как и идеологию, никто не видел. Ее нигде нельзя увидеть и почитать. Но против этой идеи и концепции на Украине и Западе развернута активная борьба. Против чего же они сражаются?*

— А правительство России поддерживает идею Русского мира или нет? Кто-то в нем поддерживает, кто-то нет. А в Думе? Тоже кто-то поддерживает, кто-то нет. Соответственно, эта идея не является государственной концепцией. Само понимание «Русский мир» — это культурологический феномен, русская культура, традиция, её преемственность и так далее. А мы же говорим об идеологии. Она как раз тот феномен, который даёт вектор для развития культуры. Но мы не знаем, не понимаем, кто из руководства страны его признаёт в качестве структурированной идеи и ориентира к какому-то действию. А иначе это тоже поток сознания и не более того.

— *Еще один важный вопрос, который практически не обсуждается в медийном пространстве. Кто и почему убил Александра Захарченко, который был, наверное, последним главным символом так называемой «русской весны», явления, годами формировавшего медийную повестку и даже в какой-то степени чем-то похожее на идеологию в России?*

— Если вы посмотрите очень внимательно, то устранили всех героев — патриотов, которые с 2014 года взялись и про-

двигали концепт объединения русского народа. Фактически всех если не отстреляли, то отодвинули. Конечно же, это сделано руками Украины, но я не исключаю, что некоторым башням Кремля такое было тоже очень удобно. Сам Захарченко и наши герои являлись очень неудобными персонами для кого-то. Это были действительно русские люди, готовые умирать за свою идею. Договориться с ними было очень трудно. Я не исключаю, что некоторые из башен Кремля, скажем так, не мешали их устранению. И вот те, кто не мешал, потом уехали за границу. Пять бывших вице-премьеров и один премьер уехали. А сколько других чиновников высокого ранга уехало, о которых широко неизвестно, и всё это не придаётся огласке! То есть эта пятая колонна в Кремле могла, скажем так, содействовать данному процессу. Исключаю, что это могли сделать российские спецслужбы. Конечно, это сделали украинцы, но при некотором попустительстве людей, которые потом оказались врагами.

— *У нас есть огромное творческое наследие русской общественно-политической мысли как до 1917 года, так и тех, кто многое осознал и переосмыслил в эмиграции. Как вы относитесь к такому наследию? Почему до сих пор всё это не нашло применения в реальной политике России? Или это всё для современной России уже отживший материал?*

— Там наши базовые архетипы сознания расписаны до филигранного блеска. О чём вы говорите! Там целая плеяда наших духовных, нравственных, каких угодно учителей. Они вынуждены были уехать. Но почему такое произошло? Советский период я разделяю, условно говоря, на три проекта. Первый — большевистский, до прихода Сталина к власти. Второй — сталинский. Третий — постсталинский, либеральный, начиная от Никиты Хрущева и заканчивая по всей логике встраивания в западный проект Михаилом Горбачевым.

Итак, первый проект большевистский был русофобским от начала до конца. Всё русское подлежало истреблению. При этом, если вы посмотрите статистику, то самым пострадавшим слоем населения в этот период была именно русская интеллигенция. Не капиталисты. Они заплатили за вагон и уехали. А русский интеллектуальный слой подлежал беспощадному истреблению. А как наше духовенство истреблялось! Как Православная Церковь рушилась! Всё русское должно было быть уничтожено. Просто всё! И такого народа не должно было быть. В результате возникли эти искусственные образования — сначала РСФСР, потом Советский Союз по национально-территориальным признакам, которые, по первоначальным планам, должны были развалить страну на

кучу маленьких нежизнеспособных государств, что, собственно, и произошло.

Второй — сталинский, в котором он попытался противостоять первому проекту. Фактически почти все большевики первой волны были уничтожены. Дальше Сталин вернул русскую традицию, даже школьную форму и раздельное обучение, царские погоны, патриаршество на Руси и многое другое. Если бы он пожил еще лет 20—30, то, скорее всего, пришёл бы к какой-то разумной идее православного социализма и всё бы у нас было хорошо, поскольку он оставил такой мощный задел в науке, технологиях, культуре, военном деле, самое главное — нравственный, и нам оставалось это всё только двигать дальше и развивать.

Но потом пришли эти нувориши с генеральной идеей встраивания в Запад. То есть был очень узкий исторический период, когда это наследие, оставленное в эмиграции, могло бы заинтересовать страну. А так получается, что никому оно по-настоящему было не нужно. В первый этап — точно не нужно, в последний — тем более не нужно. Остаётся только сталинский период, но он не успел довести свою идею до законченного обновлённого проекта. Отсюда получается, что вся наша история не имела в руководстве страны заинтересованных этой старороссийской мысли. И до сих пор мы не знаем свою **истинную** историю. В реальности нынешнее государство, власть не выработало свою точку зрения по отношению к 1917 году — ни к Февралю, ни к Октябрю. Путин сказал, что это трагедия, то есть что-то нехорошее, но как это исправлять, никто уже не говорит. Соответственно, нужен идеологический концепт, который даст трактовку истории, и новая трактовка истории поднимет из небытия тех людей, которых мы знаем и помним. Мы с ними в одной ноосфере вращаемся. Но сколько нас? Нас же всего ничего, а сознание соотечественников по-прежнему отравляется идеологемами Запада, для того чтобы нас уничтожить через атомизацию, чтобы мы потеряли любую идентичность, в том числе культурную, национальную, государственную — какую угодно.

— *Смотрите, какая интересная вещь. Все, кто приезжает в США, а это, как известно, страна эмигрантов, кого там только нет — от мексиканцев и африканцев до китайцев... Но, как только этот эмигрант получает грин-карту, он тут же говорит: I am an American. У нас этого нет. Наш человек, если спросить, говорит: я чеченец, я дагестанец, я татарин, я армянин и так далее. Никто из них не говорит: «Я русский, потому что живу в России». Почему так происходит?*

— Я уже говорил о словаре — с этого надо начинать. Мы с вами сейчас приходим к вопросу: кто такие русские? Почему чеченец себя может или не может назвать русским? Сейчас я вам поясню в двух словах. Русские — полисемичный (то есть многосмысловой) феномен. Это понятие, которое включает в себя несколько смыслов. Первый — этнический русский, когда мать и отец — русские. Вот он — этнический русский. Например, я — нет. В общем, это «русаки». Второй — культурно русский, когда я знаю и люблю русский язык, культуру и так далее, интегрирован во всё это, считаю эту культуру настолько своей и настолько близкой, что готов за неё сражаться. Это значит быть «культурно русским». И третий — это быть политически русским. Это когда я могу по-русски плохо говорить, плохо знать русскую культуру, но прекрасно понимаю, что свой маленький, например, Дагестан, никогда не сумею сохранить, нас обязательно раздавят либо одни, либо другие, и только в союзе с другими имперскими народами, с которыми мы соединимся, мы сможем защититься и отстоять себя. Прежде всего меня защитит великий русский народ, как это бывало в истории не один раз.

И вот тогда получается, что, например, чеченец, который сейчас сражается за русскую землю, хоть плохо по-русски говорит, мало что знает из нашей литературы, но он политически русский! Потому что он понимает, что иначе будет плохо. Из Чечни один раз уже попробовали сделать «анти-Россию». Не получилось, благодаря тому, что такие выдающиеся деятели, как отец и сын Кадыровы пришли там к власти. Они и чеченскому народу помогли, и российской державе. И посмотрите, что произошло с Украиной, где не появился свой Кадыров. Самоуничтожение.

Беседовал Вадим Бондарь

КАК КОВАЛСЯ ЯДЕРНЫЙ ЩИТ

16 июля 1945 года в 05 часов 30 минут человечество начало отсчет нового, ядерного века. Совершенно секретная операция «Тринити» в Лос-Аламосе завершилась успешным испытанием созданной в США атомной бомбы.

Работы по созданию атомной бомбы велись вдали от войны в Европе, Азии и Африке в обстановке строжайшей секретности. 13 апреля 1945 года, за 25 дней до капитуляции фашистской Германии, скоропостижно скончался президент США Теодор Рузвельт (обстоятельства загадочной смерти которого засекречены на 100 лет). Не исключено, что случилось это весьма вовремя для тех кругов США, которые видели послевоенные отношения стран-победителей иначе, чем Т. Рузвельт. Как и премьер-министр Великобритании У. Черчилль, который опасался возможности «сговора двух диктаторов», по указанию которого уже готовился план «Немыслимое» — нападения на СССР вскоре после капитуляции Германии.

В подробности создания атомной бомбы не был посвящен даже вице-президент США Гарри Трумэн, для которого стало приятной неожиданностью информирование его, уже

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

как 33-го президента США, министром обороны Стимсоном: «Соединенные Штаты единолично контролируют сейчас ресурсы и мощности, необходимые для производства ядерного оружия, и никакая другая страна не сможет добиться этого в течение ряда ближайших лет». Убеденный, что «мир необходимо строить на силе», Г. Трумэн во время Потсдамской конференции с нетерпением ждал известия о результатах испытания американской атомной бомбы, планировал использовать это для оказания шокирующего воздействия на И.В. Сталина. Но ожидаемого эффекта на главу советской делегации сообщение Трумэна не произвело, ибо к марту 1942 года разведчики НКВД и ГРУ ГШ НКО уже получили определенный объем информации по исследованиям в Англии, а также в США в области освоения нового источника энергии. По указанию Л.П. Берии, научно-техническая служба внешней разведки НКВД подготовила спецсообщение в Государственный комитет обороны (ГКО) на базе добытых лондонской и нью-йоркской резидентурами сведений. Оно было подписано наркомом и доложено им лично И.В. Сталину.

Именно этим совершенно секретным документом Л.П. Берия довел до Верховного главнокомандующего следующую информацию:

«Исходя из важности и актуальности проблем практического применения ядерной энергии для военных целей в СССР, было бы целесообразно:

1) проработать вопрос о создании научно-исследовательского органа при Государственном комитете обороны СССР из авторитетных лиц для координирования, изучения и направления работ всех ученых, научно-исследовательских организаций, занимающихся вопросами ядерной энергии;

2) обеспечить секретное ознакомление с материалами НКВД по урану видных специалистов с целью дачи оценки и соответствующего их использования».

Естественно, что в условиях начавшейся после победы над Германией холодной войны и угрозы атомной бомбардировки СССР необходимость ликвидации в кратчайшее время монополии США на ядерное оружие приобрела особую военно-политическую значимость. Через несколько дней после применения ядерных бомб в Японии при ГКО СССР был образован Специальный комитет, на который было возложено государственное руководство всеми работами по использованию внутриатомной энергии урана для создания отечественной атомной бомбы. В его состав вошли как знающие суть проблемы ученые (И.В. Курчатов, П.Л. Капица), так и руководители промышленности, имевшие опыт решения

масштабных производственных задач (Б.Л. Ванников, М.Г. Первухин, А.П. Завенягин). Однако главным администратором по атомному проекту И.В. Сталин считал необходимым назначить Л.П. Берия. И таковым признанный впоследствии величайшим менеджером XX века оставался до убийства 26 июня 1953 года, с честью выполнив возложенные на него И.В. Сталиным обязанности главного руководителя всех структур, задействованных в реализации ядерной программы по созданию советской атомной бомбы. По мнению многих ветеранов атомной отрасли, если бы атомный проект оставался под руководством В.М. Молотова, трудно было бы рассчитывать на быстрый успех в проведении столь грандиозных по масштабу работ. По мнению академика Ю.Б. Харитона: «С переходом атомного проекта в руки Берии ситуация кардинально изменилась».

Работы по советскому ядерному проекту осуществлялись в условиях необходимости полного исключения утечки о них за рубеж. Ибо утечка информации о работе над созданием советской атомной бомбы грозила опасностью принятия англосаксами самых жестких мер по их недопущению.

США, монополюльно владеющие атомным оружием и средствами его доставки на территорию СССР, могли бы в случае получения информации о работах по советской атомной программе, применить его для нападения на нашу страну. Поэтому нельзя считать излишними меры НКВД, НКГБ, ГУ «Смерш» НКО по контрразведывательному обеспечению секретности научных исследований и строительства особо важных объектов атомной промышленности. И контрразведчики добились, что спецслужбы США и Великобритании узнали о советском атомном оружии только после его испытания на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 года. Информация об этом явилась шоком для президента Гарри Трумэна. Но он не решился отдать приказ на нанесение ядерных ударов по СССР, хотя таких планов и тогда, и за годы холодной войны разработано было немало («Тоталити», «Чарриотир», «Пинчер», «Бройлер», «Троян», «Дропшот» и др.), а также и потому, что ЦРУ и военная разведка МО США не имели сведений о реальном ядерном арсенале нашей страны.

Известный писатель Владимир Карпов написал, что И. Курчатов как-то в своем кругу произнес фразу: «Разведка обеспечила 50% успеха в создании атомной бомбы» и добавлял в разговорах: «Мне не по себе, когда я не вижу сияния золотых звезд на груди разведчиков».

Трудно судить, насколько справедлива оценка в процентах роли и значения добываемой резидентурами НКВД-НКГБ

и ГРУ ГШ РККА разведывательной информации по научно-исследовательской деятельности по урану и реализации ее результатов на практике в Англии, США и Германии. Но то, что советская разведка внесла свой заметный вклад, — бесспорно. Как и то, что она смогла предупредить руководство страны о грозящей опасности, связанной с разработкой ядерного оружия не только фашистской Германией, но и, в строжайшей тайне от СССР, его союзниками по антигитлеровской коалиции. И именно руководитель НКВД Лаврентий Павлович Берия выступил инициатором развертывания широкомасштабных работ по созданию отечественной атомной бомбы и оказанию в этом помощи на государственном уровне ученым, инженерам и технологам.

И. Курчатов в письмах в ГКО, СНК СССР, а также в НКВД и МГБ неоднократно отмечал, что получаемые им от разведки материалы имеют громадное, неоценимое значение для государства и науки. Он подчеркивал, что они дают возможность миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и указывают на новые научные и технические пути ее разрешения.

В 1943—1945 годах из сотрудников лаборатории № 2 с поступающими разведанными знакомили только И. Курчатова. Для этого на Лубянке и в Кремле ему были выделены тщательно охраняемые кабинеты. Когда же объем получаемых разведкой материалов значительно увеличился, он обратился в НКГБ с просьбой о допуске к ним еще 2-3 ученых. Просьбу удовлетворили и к изучению материалов разведки были привлечены Ю. Харитон, И. Кикоин и брат Курчатова — Борис Васильевич.

Советские разведчики вместе с учеными и специалистами, ликвидировав монополию США на владение ядерным оружием, смогли предотвратить реализацию планов англосаксов по ликвидации СССР массированными бомбардировками атомными бомбами. В самый разгар холодной войны это помогло человечеству избежать катастрофы. Таким образом, они внесли свой весомый вклад в предотвращение ядерной войны.

Деятельность сотрудников как легальных, так и нелегальных резидентур советской разведки в США, Англии, Канаде и тем более в гитлеровской Германии осуществлялась в условиях чрезвычайно жесткого контрразведывательного и полицейского режима, репрессивной заточенности всех карательных структур. Но было чрезвычайно важно в кратчайшие сроки обеспечить советских ученых и специалистов информацией, необходимой для развертывания исследований

по использованию ядерной энергии в военных целях. А для этого было необходимо проникнуть в тайны английского «Тьюб Эллойс» и американского «Манхэттенского проекта», в научно-исследовательские центры, задействованные в получении урана-235 и плутония, а также на предприятия по изготовлению атомного оружия. А отставание в этой области было очевидным, ибо англосаксы, развязав Вторую мировую войну, продолжали работы в этом направлении, укрывшись за океаном, в то время как СССР был вынужден в кровопролитных сражениях отражать нападение фашистской Германии.

Для решения поставленных задач усилиями сотрудников резидентур НКВД-НКГБ и ГРУ ГШ РККА были созданы специализированные агентурные сети и налажена конспиративная связь с источниками информации из числа ученых и специалистов. И постепенно отставание усилиями коллектива наших выдающихся ученых и добываемой разведкой информации стало сокращаться, хотя и было сопряжено с чрезвычайными трудностями. Уже в 1941 году ФБР открыто провела акцию по нейтрализации деятельности нью-йоркской и сан-францисской резидентур, закрыв советские генконсульства в этих городах. Это вынудило перейти на нелегальные формы работы с ценными источниками информации, и получаемые от них сведения продолжали поступать в центр. В настоящее время стали известны такие талантливые и мужественные источники ценнейшей информации из числа антифашистов и с симпатией относящихся к советскому народу ученых, таких как Клаус Фукс (Чарлз), Т. Холл (Персей), Бруно Пантекорво (Млад), Д. Маклин, супруги Коэн, А. Мэй. Сведения о них имеются в открытой печати.

Упомяну прежде всего о Клаусе Фуксе, после ареста которого в результате побега в Канаду Гузенко, шифровальщика из аппарата военного атташе, и предательства агента военной разведки Бенгли, на первых страницах западных газет появились заголовки: «Фукс — самый опасный шпион века», «Фукс передал красным все атомные секреты США и Англии». Кем же он был? Действительно, Клаус Фукс был одной из центральных фигур в разведывательных операциях по ядерному оружию. Являясь членом коммунистической партии и антифашистом, эмигрировал в Англию, где в 25 лет защитил докторскую диссертацию по теоретической физике. Был принят в английское подданство и как талантливый ученый допущен к совершенно секретным работам по английской атомной программе. Белее того, ему разрешили знакомиться с оперативными материалами «Интеллидженс сер-

вис» (МИ-6), а также с американскими докладами по ядерным исследованиям.

До середины 1946 года Фукс работал в Лос-Аламосе, занимаясь теоретическими исследованиями ядерного оружия и анализом результатов атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки, участвовал в составлении подробного отчета о создании атомных бомб. Затем вернулся в Англию, где участвовал в работе по развертыванию английской атомной промышленности, являлся членом ряда комитетов и комиссий по этой проблематике. Невозможно даже выразить словами, какую сверхценность представлял носитель такой архиважной, совершенно секретной информации. Поздней осенью 1941 года, когда гитлеровские войска подошли к Москве и, казалось, что реализация операции «Барбаросса» близка к завершению, Фукс посчитал своим долгом сообщить Советскому Союзу о создававшемся атомном оружии, которое, по его мнению, могло быть использовано и против СССР. С советской разведкой Клаус Фукс сотрудничал более восьми (!) лет.

После взрыва советской атомной бомбы спецслужбы США начали бешеную кампанию по выявлению советской агентуры. Тщательному повторному анализу были подвергнуты старые дела и агентурные сигналы, а также информация перебежчиков. В результате они вышли на агента-связника гражданина США Голда (Раймонда), который дал показания о своей работе на советскую разведку, а затем и на самого Фукса. В 1950 году Фукс был арестован в Лондоне. Американцы настаивали на передаче его для суда в США, где бы его неминуемо ждала смертная казнь на электрическом стуле, но им отказали, так как он был подданным Великобритании. Там его и судили, приговорив к 14 годам тюремного заключения. После освобождения в 1959 году он выехал в Берлин, где возглавил Институт ядерной физики ГДР, был членом Академии наук ГДР и награжден высшей наградой — орденом Карла Маркса. Академик Ю.Б. Харитон в одной из своих статей отметил: «За обширную информацию, которую передавал для советских физиков Клаус Фукс, весь советский народ должен быть ему глубоко благодарен». Умер этот выдающийся ученый и ценнейший источник информации в 1988 году, не получив никаких наград от СССР. Так, президент АН СССР М. Келдыш говорил: «Делать это нецелесообразно, так как это бросает тень на заслуги советских ученых в создании ядерного оружия». Академик Александров на вопрос журналиста после просмотра телефильма «Риск-11» о помощи Фукса невнятно ответил: «Было что-то. Но, в общем, это не играло существенной роли».

Несколько иначе сложилась судьба Бруно Максимовича Понтекорво (Млад). Он родился в Италии в семье эмигрантов из России. Работал в группе физиков-ядерщиков Ферми. В период антисемитской кампании в 1936 году эмигрировал в Канаду, где продолжил заниматься атомными проблемами. В конце 1942 года по своей инициативе установил контакт с сотрудниками советской разведки в Оттаве. Он передал много ценных материалов, в том числе о запуске в Чикаго ядерного реактора, что открывало дорогу к изготовлению в США атомной бомбы, а летом 1945 года — подробные данные об ее устройстве. До 1949 года работал в научно-исследовательской лаборатории, затем его перевели в английский центр атомных исследований в Харуэлле. Когда в США начались аресты, его вместе с семьей вывезли в СССР, где его принял Лаврентий Берия. В дальнейшем Бруно сделал блестящую карьеру в ядерном центре в Дубне, был избран академиком АН СССР, награжден двумя орденами Ленина.

Общий итог известен: СССР обрел ядерный щит и стал атомной державой.

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

После поражения под Москвой зимой 1941—1942 гг. германское командование пришло к невесёлому выводу: силы Красной Армии были недооценены, блицкриг провалился и наступать одновременно по всему Восточному фронту у вермахта сил нет. Из трёх стратегических направлений — север (Ленинград), центр (Москва) и юг (Кавказ) Гитлер выбрал последнее. 5 апреля 1942 г. он подписал Директиву №41 (план «Блау»).

Германия ощущала острую нехватку нефти, и главной задачей плана был захват нефтяных районов Кавказа. С этой целью в Вермахте на южном театре на основе группы армий «Юг» были созданы две группы армий: «А» и «Б». Группа «А» должна была двигаться вдоль Кавказа к Каспийскому морю, а группа «Б» — к Сталинграду с задачей отсечь, замкнуть вместе с группой «А» кольцо окружения и уничтожить всю южную часть советских войск.

В составе группы армий «А» находились 1-я и 4-я танковая, 17-я (немецкая) и 3-я (румынская) пехотные армии, которые насчитывали 167 тыс. солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1 тыс. самолетов. Советские войска уступали противнику в людях в 1,5 раза, в артиллерии — в 2, в танках — более

чем в 9, в самолётах — почти в 8 раз («Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». — М., 1967, с 166).

25 июля фашисты начали наступление. Они сумели потеснить наши войска, но прорваться к нефти не только Баку, но даже Грозного не смогли. Главная заслуга в этом — командующего Закавказским фронтом Ивана Владимировича Тюленева.

Родился он в Симбирской губернии в семье солдата, окончил трёхлетнюю сельскую школу, в юности был рабочим, в 1913 г. призван в Русскую Императорскую Армию, попал в драгунский полк, в котором чуть позднее его сослуживцем стал К.К. Рокоссовский. В 1917 г. окончил школу прапорщиков, после чего командовал взводом в том же полку. В сражениях 1-й Мировой войны много раз проявлял мужество и отвагу и стал полным Георгиевским кавалером.

«Чего толковать обо мне, — говорил К.К. Рокоссовский слушателям кавалерийских курсов, — в нашем Каргапольском [полку] были настоящие герои, такие как Иван Тюленев, который за бесстрашную удасть и необыкновенную воинскую предприимчивость получил полный бант Георгиевского кавалера — четыре креста».

В Гражданскую войну Тюленев воевал в 1-й конармии С.М. Будённого, дослужился до командира кавалерийской бригады, был дважды награждён орденом Красного Знамени. В 1921 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, занимал различные командные должности (в основном, в кавалерии), в 1938 г. назначен командующим Закавказским военным округом, в 1939 г. командовал 12-й армией в Польском походе. В 1940 г. в РККА были введены генеральские звания, и Тюленев вместе с Г.К. Жуковым и К.А. Мерецковым стал одним из трёх первых генералов армии.

В июне 1941-го Тюленев командовал Южным фронтом, который при проведении Тираспольско-Мелитопольской оборонительной операции понёс большие потери (как и все советские фронты в начале войны), был тяжело ранен, 1,5 месяца находился в госпитале, после чего был направлен в Уральский военный округ для формирования резервной армии. После выполнения этого задания в феврале 1942-го назначен командующим Закавказским фронтом, где и прослужил до конца войны.

Хотя враг в то время был ещё далеко от Кавказа, Тюленев, прибыв на место, сразу же занялся формированием оборонительных рубежей, в том числе по р. Терек, у Грозного и вдоль государственной границы, вблизи которой Турция, потенциальная союзница Германии, сосредоточила 28 дивизий. В том, что немцами в августе-сентябре 1942 года были захвачены стратегически

важные Клухорский и Марухский перевалы, открывавшие врагу путь в Абхазию, не вина Тюленева, а «заслуга» местных жителей, которые горными тропами добровольно провели врага в тыл. Защитники перевала были атакованы со спины и почти все погибли. «Правозащитникам», льющим горячие слёзы по поводу депортации некоторых горских народов, следует хотя бы элементарно знать военную историю. Если, конечно, для них она своя история, а не история «этой страны». Но враг недалеко продвинулся по южному склону хребта и вскоре был остановлен.

А в июле-августе 1942 года Тюленев искусно проводил «подвижные» оборонительные операции. Нанося противнику серьёзные удары контратаками, он не давал возможности окружить свои войска и вовремя отводил их на новые оборонительные рубежи. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер писал о командующем фронтом Тюленеве: «Противник снова нашел способ вывести свои войска из-под угрозы наметившегося окружения. Это, с одной стороны, яростные контратаки против наших передовых отрядов 17-й армии, а с другой — большое искусство, с каким он выводит свои войска из угрожаемых районов и быстро перебрасывает их по железной дороге и на автомашинах».

25 октября фашисты начали мощную наступательную операцию вдоль Кавказского хребта и через неделю подошли к Владикавказу, однако были здесь остановлены, а 6 ноября получили сокрушительный контрудар и понесли огромные потери. Путь гитлеровцам к нефти Грозного и, тем более, к нефти Баку был окончательно закрыт. Советскими войсками было захвачено 140 танков, 70 орудий разных калибров и другие трофеи. Немецко-румынские части потеряли убитыми свыше 5000 солдат и офицеров. С этого времени началось освобождение Северного Кавказа, а в 1943 году, после создания Северо-Кавказского фронта, Закавказский фронт уже занимался только охраной государственной границы да поддержкой, при необходимости, своего северного соседа.

За успешное командование фронтом Иван Владимирович Тюленев был награждён вторым орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени и орденом Кутузова 1-й степени, а незадолго до смерти удостоен звания Героя Советского Союза. После войны до 1958 года занимал различные командные должности, а потом, находясь в Группе Генеральных инспекторов Министерства обороны, написал интересные воспоминания в книге «Через три войны» (М., 1972). Похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы, его именем названы проспект на его родине в Ульяновске и улица в Москве.

Леонид УСЯЧЕНКОВ (1960—2006)

Леонид Фёдорович Усяченков родился в посёлке Кулотино Окуловского района Новгородской области. По окончании Новгородского педагогического института работал учителем русского языка и литературы сначала в Батецком районе, а затем в Великом Новгороде, руководил школьным театром.

Серьёзно поэтическим творчеством занялся в институте, а в 2001 году в рамках проекта «Русский альбом» Новгородское телевидение выпустило передачу о нём, благодаря которой большая зрительская аудитория познакомилась с ним не только как с учителем, но и как с поэтом и автором-исполнителем.

В 2002 году вышел в свет первый сборник Л. Усяченкова «Русская осень», вступительную статью к которому написал известный поэт Е.В. Курдаков. В 2006 году издан второй сборник автора — «Благодаренье». Скончался Леонид Фёдорович 7 ноября 2006 года от тяжёлой болезни. Похоронен в родном своём посёлке Кулотино.

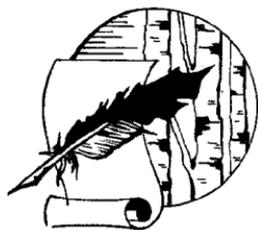
В 2022 году в Великом Новгороде при поддержке администрации Новгородской области вышел поэтический сборник Леонида Усяченкова «Свет добра и надежды» с предисловием его вузовского преподавателя и наставника Н.М. Копытцевой. Заканчивается оно высказыванием Леонида Фёдоровича о поэзии, которая *«в сущности, и есть преодоление трагичности бытия, творческое благоволение к миру... луч, который сквозь житейскую тину и грязь высвечивает глубинные течения жизни, её сокровенный смысл»*.

«Новгородчина, — как заметил Е.В. Курдаков, — обогатилась ещё одним талантом, светлым, как и его стихи». Обогадилась не только Новгородчина, но и вся Россия.

БЛАГОДАРЯ ЛЮБВИ

* * *

Это было со мною в начале,
Это было когда-то со мной.
Пел мне матери голос печальный.
Лил за окнами дождь золотой.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Голубели заречные дали,
Белый вишенный сыпался цвет.
Это было со мною в начале
Золотых убывающих лет.

Помню ёлку нарядную в доме,
Предрассветный на лужах ледок,
Помню старые снимки в альбоме,
Помню девочки тихой ладони.
Школьный вальс и разлуки звонок.

Что он значил, тот мир изначальный,
Вишни белые, дождь золотой,
Милой матери голос печальный,
Что так грустно звенит надо мной?

* * *

Тропинка в осиннике редком
Петляет, и нет ей конца...
Вдруг память упругою веткой
Тихонько коснётся лица.
И вновь, разгораясь, дымится
Костёр под корявой сосной,
И рядом — Серёжка Никитин,
И Осипов Вовка со мной.
Шальное, весёлое братство,
Гроза близлежащих садов!
Нам вместе уже не собраться
У тех знаменитых костров.
Напрасно кричу: отзовитесь!
Картошка остыла в золе!
В Кронштадте Серёжка Никитин,
А Осипов Вовка — в земле.
...В озябшем осиннике редком
Тропинка, петляя, бежит.
И память упругою веткой
По сердцу стучит и стучит...

* * *

Земля родимая! С годами
Смотрю тревожней и нежней
В седые утренние дали
Холодной осени твоей.

Ни на какие в мире блага,
Ни на какие чудеса
Не променяю горстку ягод
С обледенелого куста.
И лай собак, и дальний выстрел,
И звон в морозной синеве,
И лёгкий иней серебристый
На зеленеющей траве.

ЗРЕЛОСТЬ

Закипают древесные соки,
На откосах дымится трава.
Подступают последние сроки —
Это зрелость вступила в права.

Сердце чутче, и зренье острее!
Тяжелей и весомей слова.
Замедляясь, сгущается время —
Это зрелость вступила в права.

И встают коренные вопросы
Так, что кругом идёт голова.
И дымится трава на откосах —
Это зрелость вступила в права.

Обжигает, пропахшая дымом,
Колет ступни босые стерня.
Золотая моя середина —
Беспощадная зрелость моя.

ПЕСНЯ О ШКОЛЕ

Осень на гроздья рябины
Сыплет хрустящую соль.
Школа, мой свет негасимый,
Труд мой, забота и боль.
Может быть, в этом и счастье
(Где мне другое искать?) —
Утром в притихнувшем классе
«Здравствуйте, дети!» — сказать.
Может, всё лучшее в сердце
Высветить мне помогло

Это за партами детство,
Глаз неподкупных тепло.
Может, от сотни ошибок
Вы оградили меня,
Сотни ребячьих улыбок
Ярче июльского дня...
Снова на гроздьях рябины
Стынет хрустящая соль...
Школа, мой свет негасимый,
Труд мой, забота и боль...

ПОДСНЕЖНИК

Там, у дороги затравёвшей,
В погожий день, на краткий срок
Расцвёл нечаянно подснежник,
Один-единственный цветок.

Среди листвы сырой, опавшей
В глухом болотистом краю
Расцвёл он, тихий и бесстрашный,
Наперекор календарю.

Ах, что нам беды, неудачи,
Когда, раним и одинок,
Задумал мир переиначить
Вот этот крохотный цветок!

* * *

...И просыпаться утром ранним,
И выходить в осенний сад,
Где, золотистый и багряный,
Сгорая, кружит листопад,

И в этой грустной круговерти
Увидеть огненный листок,
Как разорвавшегося сердца
Живой и трепетный клочок...

РОДИНЕ МОЕЙ

С тобою вместе горе вековать
И радости делить с тобой скупые.

Он пахнет дождём и сиренью,
Мир детства! Он дышит во мне,
Он лёгкой прозрачною тенью
В учительском замер окне...

* * *

Что там светится облаком тающим
В тёплых сумерках дня и зовёт?
То ль черемухи куст зацветающий,
То ли белое платье твоё?
По широкому лугу росистому
Я навстречу шагнул в полутьме.
Только, вижу, дорога неблизкая
И нелёгкая выпала мне...

Сколько горестей будет и радостей!
Сколько зим пронесётся и лет!..
Но вовеки во мне не состарится
Тот высокий, пронзительный свет.
Пусть увижу и в смертных объятиях
Сквозь тоску расставанья и грусть
Твоё легкое белое платье,
Неотцветшей черёмухи куст.

РУССКАЯ ОСЕНЬ

О, русская осень! И холод, и пламя,
И горечь калины речной...
И тёмные ивы склонились ветвями
Над тёмной уснувшей водой...
О, русская осень! Полночные дали,
Безмолвие лунных полей...
И нету на свете смиренной печали,
И нету печали родней.
В такую вот пору без муки и крика
Я б умер, тобою дыша...
О, русская осень! Так тихо... так тихо,
Что слышно, как плачет душа...

* * *

В высоких соснах белые грибы
Любимая по запаху искала.

Потом, когда сморила нас усталость,
Мы спали на краю лесной тропы.

Над нами плыли стаи облаков,
И мы во сне друг другу улыбались...
И хвоей золотистой, и грибами
Дышала наша поздняя любовь.

* * *

Сергею Иванову, поэту и художнику

Пока ещё не вышли сроки,
Пора задуматься всерьёз
О людях, близких и далёких,
О свете утренних берёз.
Пора подумать о заветном,
О самом главном. О родстве
С любовью былинкой неприметной
И ветром в солнечной листве.
Пора понять, что в мире нет
Вещей случайных, даже если
Врачует душу, словно песня,
И вербы тоненькая ветвь.
Пока ещё не вышли сроки,
Покуда пламень не погас,
Пора к живительным истокам
Душою жаждущей припасть.
Чтоб были строчки не словами
Пустыми, коим грош цена,
А как прогал в ночном тумане,
Как свет из дальнего окна.

От редакции: читайте в этом номере статью Н.М. Копытцевой о поэзии Леонида Усяченкова (с. 267)

Евгений ЕВТУШЕНКО,
историк, г. Красноярск

ОБ ОШИБКАХ В СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Общеизвестно, что в СССР царило подлинное национальное равноправие. В отличие от других империй у нас не было экономически и политически господствующей нации; и не один народ, даже самый малочисленный, не исчез. Поэтому, безусловно, достижений в советской национальной политике было немало. Однако наряду с этим были допущены и серьезные стратегические просчеты.

Главной ошибкой в национальной политике ВКП (б) — КПСС была установка на постепенное выравнивание всех этносов под один шаблон — «советский народ». То есть безнациональный какой-то народ. Эта установка вытекала из идеологии марксизма, в которой на первом месте были классы, а нации уже потом, поскольку после мировой революции все народы на планете должны были слиться в одну братскую космополитическую семью. (Поэтому современные «фининтерновские» глобалисты клевому глобалисту Марксу относятся весьма благосклонно.)

И в это верили не только ортодоксальные марксисты-теоретики, но и многие советские руководители сталинской эпохи. У Молото-

РУССКИЙ ВОПРОС

ва, когда он уже был на пенсии, писатель Ф. Чуев как-то спросил: «А при коммунизме сохранятся национальные особенности? — Ну, это сотрется. — Но это же плохо! — Почему плохо? Обогатимся!..» А ведь Молотов был долгое время вторым человеком после Сталина. У Сталина, заметим, подобных высказываний нет.

Установка на нивелирование этносов по социальному шаблону привела к серьезным перекосам в советской национальной политике. В первые годы после революции был нанесен удар по всем религиям и национальным обычаям (т.е. этнической традиции), которые были объявлены пережитками феодализма. Это коснулось и православных, и буддистов, и шаманистов, и, в частности, мусульман, которые, в большинстве своем, жили до революции по законам шариата. Например, зачем надо было «освобождать женщин Востока», если они вовсе не нуждались в освобождении. Или ставить вне закона религиозные праздники и посты или запрещать калым — плату за невесту? Зачем надо было отнимать детей у северных народов и помещать их в школы-интернаты, где они, отрываясь от векового кочевническо-охотничьего уклада, теряли навыки и зачастую превращались в поселковых бомжей?

Это была, заранее обреченная на неудачу, попытка с помощью декретов исправить (снивелировать) этнический стереотип поведения и ментальность, которые, как мы знаем, являются результатом длительного природного процесса — этногенеза. И которые «исправлению» не поддаются.

Кроме того, с первых лет советской власти всячески поощрялось перемешивание народов внутри СССР. В первую очередь — практика переселения русских, украинцев, белорусов на национальные окраины — в республики Средней Азии, Кавказа, затем — в Прибалтику, на Западную Украину и в Молдавию.

Такая национальная политика компартии вызывала естественное недовольство национальных меньшинств и ассоциировалась с русской властью. И все эти обиды они запомнили. Потом это всплывет в конце 1980-х годов. (Строго говоря, местные националисты были недовольны не столько «русификацией», сколько унификацией своих народов. Хотя и могли называть это русификацией.)

Незадолго до распада СССР Гумилёв в одном из интервью говорил: «Не нужно навязывать людям других этносов не свойственный им образ жизни. Не нужно обижать людей потому, что их поведение отличается от нашего... Не нужно заставлять всех жить вместе. Лучше жить отдельно, зато в мире».

Теперь надо особо сказать о положении русского этноса в СССР. Ведь что получилось? Во-первых, в результате «интернациональной политики», проводимой ВКП(б), русские потеряли значительную часть своих земель. Границы между РСФСР и союзными республиками, так же как границы внутри РСФСР, были проведены очень вольно, по принципу — нарисуем, будем жить. В итоге от России оторвали не только Новороссию с Донбассом и (позже) Крым, но и Северный Казахстан, земли терского и уральского казачества и отдельные территории внутри России. При этом русские даже не получили своей собственной государственности!

Во-вторых, и это главное, при образовании СССР по ленинскому плану национальным республикам было дано право на отделение от империи. А это уже противоречило логике существования самой империи! Мало кто знает, но знаменитое ленинское «право наций на самоопределение» вытекало отнюдь не из стремления защитить малые нации, а из-за стратегической установки на мировую революцию, в перспективе которой в 1922 году Ленин еще продолжал верить.

Уже после образования СССР, в начале 1923 г. Ленин предлагал пойти на еще большие уступки национальным республикам и вместо Союза создать Конфедерацию, лишь с военным и дипломатическим центром. Боясь, что раскол в партии повредит продвижению мировой революции, Ленин готов был пойти навстречу требованиям «национал-уклонистов», среди которых самыми рьяными были грузинские и украинские партийные руководители. (За 100 лет ничего не изменилось!) Ленин обещал выступить в их поддержку на ближайшем съезде. И выступил бы, но помешала болезнь; после третьего инсульта Ленин уже не оправился.

Еще одним негативным результатом политики «интернационалистов» в руководстве ВКП(б) стала установка на коренизацию национальных окраин, которая была официально провозглашена в апреле 1923 года. Это было целенаправленным ударом по так называемому «русскому шовинизму». На первом этапе коренизации планировалось заменить русский язык национальными языками в администрациях, школах и учреждениях культуры. Например, на Украине эта программа получила название украинизации. Все служащие госучреждений до 1 января 1926 г. должны были выучить украинский язык под угрозой увольнения с работы. Решено было украинизировать газеты, книжные издательства, театры, вывески, надписи и прочее. То есть всё на что ложится глаз.

Ученый-евразиец Н. Алексеев, предчувствуя, чем может обернуться такой избыток национальной свободы, в конце

20-х гг. писал: «Создав в пределах Союза большое количество национальных республик... коммунисты... способствовали пробуждению местного национализма, который не может не угрожать превращением в самостоятельную силу... Это чрезвычайно грозное явление, быть может, одно из самых опасных для судеб не только советского правительства, но и будущей России».

Так и случилось!

Таким образом, с созданием национальных государственных образований в рамках СССР и введением пункта о самоопределении в декабре 1922 года в структуру СССР была заложена бомба замедленного действия, которая на рубеже 90-х гг. взорвалась. И это ударило в первую очередь по 25 млн. «заграничных» русских, многие из которых оказались в национальных республиках не по своей воле. Они были или географически отрезаны от России при образовании новых республик, или выехали в 1930—1960 гг. по оргнабору — поднимать экономику и социальную сферу национальных окраин (это помимо эвакуированных во время войны).

Особенно много русских выехало из России при Хрущеве, который, будучи стихийным троцкистом, вообще не понимал, что кроме классового существует еще и национальный подход! Хрущев всерьез собирался построить в СССР коммунизм за двадцать лет (к 1980 г.). А раз так, то смешение разных этносов рассматривалось как шаг к слиянию наций в единый «советский народ» (первоначально — «коммунистическую нацию») как неперемное условие строительства коммунизма.

В конечном счете, все эти искусственные перемещения привели к тому, что был нарушен главный принцип существования народов в полиэтническом государстве, сформулированный Гумилёвым: «Рядом и порознь». Когда этносы живут в мире, не вмешиваясь в дела друг друга. При этом, подчеркнем, основной вектор миграций тогда был направлен не в Россию, а из России.

Историческая практика показывает, что национальные конфликты вспыхивают тогда, когда происходят массовые этнические слияния и взаимопроникновения. Именно массовые, когда счет мигрантов идет не на тысячи, а на сотни тысяч и миллионы. И особенно острыми эти конфликты бывают в тех случаях, когда перемешивание этносов происходит на межцивилизационном, суперэтническом уровне. Именно это произошло в Прибалтике (периферия европейского суперэтноса), на Западной Украине (псевдоевропейс-

кая этническая химера), на Кавказе (суперэтнический перекресток) и в Средней Азии (мусульманский суперэтнос).

В результате в конце 1980-х — нач. 90-х гг. миллионы русских и русскоязычных подверглись гонениям и вынуждены были бежать от «братьев меньших» на историческую родину, в Россию. А те, кто убежать не смог, оказались в бывших республиках СССР в положении граждан второго сорта.

Говоря о положении русских в СССР, следует обратить внимание еще на один перекосяк. В последние десятилетия существования Союза уровень жизни русского населения оказался ниже, чем в большинстве республик. Национальные меньшинства на Кавказе, в Прибалтике, да и в отдельных районах Средней Азии жили богаче, чем национальное большинство в вечно нищей Центральной России. И это при том, что национальные окраины были подняты из бедности в основном русскими и на русские деньги. Огромные средства были брошены на создание местной промышленности, науки, образования, медицины. В Средней Азии, например, всё это пришлось поднимать с нуля. В итоге Большой брат стал постепенно превращаться в бедного родственника. И это, естественно, не прибавило уважения к русским со стороны нерусских народов. Ведь стремятся дружить, как известно, с сильными и богатыми.

Почему же русские оказались в таком униженном положении? Корни уходят туда же — в троцкистско-бухаринскую «интернациональную», точнее — русофобскую политику. Известно заявление Бухарина на XII съезде партии в 1923 году: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации... должны поставить себя в неравное положение... Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить доверие прежде угнетенных наций».

При этом главной задачей для подобных руководителей-космополитов продолжала оставаться борьба с «великорусским шовинизмом». В том же 1923 году на совещании ЦК с партийным руководством национальных республик было заявлено, что уклон к местному национализму «является реакцией против великорусского шовинизма». Наиболее рьяные участники совещания призывали «заткнуть глотку» «чудищу великодержавничества» (Скрыпник), «вытравить его окончательно, прижечь каленым железом» (Зиновьев), не расслабляться, а настраиваться на длительную борьбу, поскольку «великорусский шовинизм будет, пока будет крестьянство» (Микоян).

К этому следует добавить, что неприязнь к русской нации была заложена в самом марксизме. Маркс России (да и всю «славянскую сволочь», как он выразился) не любил. Считал русский народ варварским, «неисторическим», «контрреволюционным» и поэтому обреченным на гибель (!) в огне мировой революции. Он всерьез утверждал: «Ненависть к русским была и продолжает быть первой революционной страстью». (Вот тебе и «Интернационал»!)

Что касается Ленина, то он в подобные русофобские крайности не впадал. Когда требовалось, Ленин называл себя «великоруссом», когда требовалось — клеймил «русский шовинизм». Но чаще все-таки клеймил. Особенно выделяется в этом отношении его статья «К вопросу о национальностях и «автономизации», датированная 30 декабря 1922 г. (день образования СССР). В ней Ленин берет под защиту национализм угнетенных «малых наций» и гневно осуждает национализм «больших наций». (Хотя в истории бывало и наоборот: малые нации угнетали большие нации.) Помимо нападок на «русский национализм» в статье говорится о «роковой роли Сталина». К нему относится выражение «шовинистическая великорусская шваль» (!), поясняется, что и грузин может быть «грубым великорусским держимордой». По этому поводу Сталин позже скажет: «Это не Ленин говорит — это болезнь его говорит».

Надо заметить, что такой болезнью — под названием синдром мировой революции — болел не только Ленин, ею болели почти все «старые большевики».

Войдя в силу в 1930-х гг., Сталин начал проводить прямо противоположную национальную политику. Это проявилось и в расстановке кадров (главное!), в экономике и в культуре. Антирусский перекоп 20-х гг. был преодолен, программа коренизации свернута, нападки на «русский шовинизм» прекратились. Незадолго до войны Сталин так обозначил свою позицию: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм» (см. его статью «О национализме и интернационализме»).

В целом, это было возвращение к традиционной национальной политике, проводимой в Российской империи с XVI века. Разумеется, настолько, насколько это было возможно в советских идеологических рамках. А царская национальная политика, заметим, была достаточно взвешенной. Во всяком случае она оставалась таковой до второй половины XIX в., когда под воздействием западных идей была пред-

принята попытка русификации Польши, Прибалтики и Бессарабии. Но даже с учетом этих либерально-консервативных перегибов (особенно при Александре III) можно утверждать, что Российская империя вовсе не была «тюрьмой народов». Ограничены в правах были лишь два этноса: евреи (вначале по экономическим и религиозным причинам, а потом и по политическим) и поляки (по политическим). Остальные народы фактически имели те же права, что и русские.

Более того, царское правительство предоставляло национальным окраинам определенные льготы (по налогам, военной службе и т.д.) и давала полную свободу в сфере культуры, религии и традиционного бытового уклада. То есть — не пыталось переделать нерусские народы в какую-то «общность». Принцип был простой: политический и административный контроль при невмешательстве в «личную жизнь» той или иной нации.

Таким образом, национальная политика «Белого царя» в целом проводилась в русле евразийской полиэтничной традиции, унаследованной Россией от древних кочевых империй гуннов, тюрков и монголов. Красный император Сталин стал продолжателем этой традиционной имперской политики в экстремальных условиях русского надлома. Но — ненадолго...

При Хрущеве вновь оживились разного рода «космополиты». Опять возобладала прямолинейная установка на формирование химерной этнической конструкции под названием «коммунистическая нация». В результате РСФСР стала превращаться в дойную корову для многочисленных меньших братьев. (В СССР было четыре республики-донора: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан. Все остальные — дотационные.) Это, естественно, привело к нарастанию недовольства русского населения: «Ну сколько можно их кормить!» И стало одной из причин той индифферентности, которую проявило население России после распада СССР в 1991 г.

Таким образом, получилось, что партийные власти, проводившие даже не интернациональную, а какую-то сверхинтернациональную политику, помогли бедным и слабым соседям стать богаче и сильнее. И сформировать свою национальную элиту, которая, естественно, захотела получить больше власти и денег и поэтому ударились в крайний национализм. Вот вам еще одна причина нарастающего сепаратизма. Ведь те же номенклатурные узбеки или грузины к 80-м годам как рассуждали? — «Мы и так живем хорошо, а без русских, которые уже надоели, проживем еще лучше! Дружба дружбой, а хочется пожить самостоятельно, ведь это все-таки

наша земля...» И их, кстати, можно понять — всякому народу хочется пожить самостоятельно. Вопрос в другом — а кто же тебе даст?! В мире стало очень тесно. Поэтому «покровитель» для небольшого, беспризорного этноса всегда найдется, тем более если он проживает в экономически и стратегически важном регионе.

Но тогда наши «меньшие братья» об этом не думали. Так же, как не думали о том, что нефть, газ, электричество, стройматериалы Россия посылала им почти бесплатно. А они свои абрикосы и персики продавали в России задорого. Они привыкли к этому, как привыкают дышать воздухом.

Среди множества этносов, проживавших в СССР, была своя, так сказать, пятая колонна. В нее входили те этносы, которые, формально входя в состав Советской империи, в российский суперэтнос не только не входили, но и были отрицательно комплиментарны на суперэтническом уровне. Они являлись инородным элементом в суперэтнической системе. Это, в первую очередь, прибалты и западные украинцы. Не случайно, что во время войны эти народы, в большинстве своем, поддержали Гитлера. За что и были по законам военного времени репрессированы Сталиным. И не случайно, что именно там в конце 80-х годов произошел самый сильный взрыв национализма, даже больше — шовинизма!

Однако в мировой истории всегда было так: все империи в период пассионарного подъема выходили за пределы своих суперэтносов (этносов). Сначала новая этническая конструкция выглядела благополучно, но по мере снижения пассионарности (имперской мощи) на окраинах, в первую очередь некомплементарных, вспыхивали сепаратизмы. Что наряду с другими причинами и приводило к краху все империи без исключения. Одни распадались в фазах перегрева-надлома: Монгольская, Арабский халифат, Османская, Российская. Другие — в последней фазе обскурации: Римская, Византийская. Третьи (колониальные) — в фазе инерции: Испанская, Британская. Эта природная этнологическая закономерность имеет прямое отношение к вопросу: почему распался Советский Союз?

При этом следует еще раз подчеркнуть, что кроме рассмотренного фактора — этнического — на рост местного национализма повлиял и другой фактор — идеологический (коммунистический). Сепаратистские устремления малых наций были естественной защитной реакцией множества национальных идентичностей на попытку лишить их собственного «я», то есть своей, оберегаемой каждым народом, непохожести. Это была закономерная реакция на планомерную по-

литуку (отчасти удавшуюся) по соединению всех народов СССР в одну большую этническую химеру.

Гумилёв говорил в памятном 1991 году: «Парад суверенитетов» не был запрограммирован в ходе этногенеза. Его вполне можно было избежать, если бы не проводимая коммунистическим правительством «линия партии». Она сознательно игнорировала сам факт существования в стране этносов со своими традициями и стереотипами поведения и тем самым провоцировала эти народы к отделению».

Делаем вывод. Если мы объективно посмотрим на советскую национальную политику, то увидим, что в СССР объединительный принцип (евразийской интеграции) в целом соблюдался. И в этом была сила Красной империи. Но не соблюдался другой принцип: «быть самими собой». И в этом была её слабость!

В одной из последних своих статей Гумилёв писал: «Местными национальными движениями политика коммунистов воспринимается как русская национальная политика. Такая aberrация рождает величайшее заблуждение, ибо русские с октября 1917 г. точно также были лишены возможности проводить свою национальную политику, как и все другие народы». Как сказал по этому поводу академик Панченко: «Всех обидели, и русских тоже обидели».

При этом сильнейший удар по всему русскому, повторим, пришелся на правление большевиков первой волны — троцкистов (1920-е гг.), которые в большинстве своем, будучи евреями по рождению, вообще не относили себя ни к какой нации. Они были безнациональны и безрелигиозны, как и полагается глобалистам (марксистам). Вспомним известное определение Троцкого — «кочевники революции» и высказывание Мехлиса: «Я не еврей, я коммунист».

Поэтому справедливо ради заметим, что надо разделять советскую национальную политику до и после Сталина... И, кроме того, не надо забывать, что советская национальная политика проводилась в тяжелейших условиях этнического надлома, т.е. в то время, когда любая этническая система несет невосполнимые потери. В такие периоды часто приходится выбирать из плохого и очень плохого. И радоваться, что хоть что-то традиционное удалось спасти...

ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ?

Не посылай узнать,
По кому звонит колокол.
Он звонит по тебе.

Джон Донн, английский поэт.

«Шестая колонна»

Зампред Совбеза РФ Дмитрий Медведев, комментируя попытку вооруженного мятежа, устроенную олигархом Пригожиным и ЧВК «Вагнер», отметил, что этот мятеж является продуманной и спланированной операцией, направленной на захват власти в стране. По его мнению, в подготовке мятежа могли принимать участие как иностранные специалисты, так и лица, отслужившие в элитных частях ВС РФ.

Авантюры Пригожина заставляют нас задуматься о том, что в России действует не только пятая колонна либеральной интеллигенции и прозападных космополитов из числа ай-тишников, сбежавших после начала СВО за рубеж и оставшихся в России агентов влияния, а куда более серьезное и чрезвычайно опасное подполье. Для его определения уместно было бы ввести такое понятие, как «шестая колонна». В нее, судя по всему, входят «системные» либералы, эффективные государственные менеджеры, лояльные олигархи, исполнительные

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

бюрократы, деятельные чиновники и даже некоторые «просвещенные патриоты».

Даже те, кто не читал «Капитал» Маркса, знают, что капитал не имеет гражданства. Он в высшей степени интернационален, и его родина там, где он может получить максимальную прибыль. И чем выше процент этой прибыли, тем капитал скорее пойдет на любое преступление, чтобы ее заполучить. Происхождение капитала российских олигархов после грабительской приватизации 90-х годов обрекло на нищету 99 процентов россиян. 1 процент составили те самые российские долларовые миллионеры и миллиардеры, которые вошли в историю и нынешнюю реальность России как олигархи или магнаты.

Крупный бизнес в России еще до развала СССР был сориентирован на Запад. История приватизации социалистической государственной собственности — это история беспардонного ограбления советского народа кучкой присосавшихся к власти проходимцев при далеко не бескорыстном попустительстве и соучастии самих тогдашних властей. В списке первой сотни миллиардеров России, регулярно публикуемой американским журналом «Форбс», практически нет тех, кто создал бы свой бизнес на свои кровные. Как правило, их деловые биографии — это криминальные истории. Как показало, например, дело бывшего владельца нефтяной компании «ЮКОС» Михаила Ходорковского, ему были предъявлены обвинения не только в мошенничестве и уклонении от налогов, но и в заказном убийстве.

Зависимость российской власти от олигархов и их фактическое вхождение во власть опасны тем, что при принятии жизненно важных для нашего государства решений они исходят, прежде всего, из соображений наживы, сверхприбыли и защиты своих капиталов, размещенных за границей, а вовсе не из национальных интересов России, что наиболее откровенно демонстрируют олигархи еврейского происхождения, готовые оказать любую помощь Израилю и международному сионизму, но не России, которую они беззастенчиво грабят.

В экономику же России, как ни уговаривает их президент Путин, эти господа вкладываются весьма неохотно. Их семьи, как правило, живут вне России. Их собственность, включая их дворцы, виллы, яхты и самолеты, зарегистрированы на Западе. У всех у них двойное, а то и тройное гражданство, а у евреев (Фридман, Абрамович, Авен и др.) обязательно израильское. Так что патриотов России там не сыскать днем с огнем.

Добавим к этому, что российские олигархи как часть мирового олигархата нередко выступают в качестве финансис-

тов и руководителей прозападного подполья в нашей стране, значительную часть которого составляют агенты влияния, напрямую связанные с Западом и международным сионизмом.

Так, еще в 2007 году компьютерный и агрохимический олигарх Моше Кантор, занимавший 733 место в списке «Форбс» со своими 1,3 миллиарда долларов, был избран президентом Европейского еврейского конгресса. Также входящий в списки «Форбс» его соплеменник Александр Машкевич, интересы которого лежат в области газовой промышленности и металлургии, возглавлял до 2012 года Евроазиатский еврейский конгресс. По сути дела, они агенты влияния, активные функционеры глобальной системы международного сионизма, но их почему-то в эту категорию не заносят ни в России, ни в Казахстане.

Олигархи не только финансируют сбежавшую из России в Израиль и другие страны эстрадно-медийную элиту и враждебные каналы, вешающие на Россию. В противостоянии Запада с Россией им отведена главная роль в подготовке государственного переворота в России и ликвидации ее руководства. Один из ведущих сотрудников ЦРУ открыто в печати США призывал околоремлевскую элиту к покушению на Путина.

Известно, что именно такую задачу ставили и перед российскими подпольными «колоннами» их западные покровители и партнеры, вводя против ряда российских олигархов экономические санкции, что казалось трудно объяснимым, если учесть их деструктивную роль в нашей стране. Оказалось всё просто — санкции вводились в порядке ультиматума: «Уберите Путина, и тогда мы уберем наши санкции против вас». Не стоит удивляться, если вопрос будет поставлен еще жестче: «А то и вас ликвидируем». Этого вполне можно ожидать от тех, кто отдавал приказ бомбить Югославию и Ливию, взрывать «Северный поток» и ликвидировать неугодных им государственных лидеров. Иллюзий по поводу Коллективного Запада ни у кого больше нет. Это — Дикий Запад.

Уверенность Запада в том, что в конфликте с Россией олигархи из РФ выступят на стороне наших заклятых врагов, в свое время очень четко выразил бывший государственный секретарь США Збигнев Бжезинский, сказав о них: «Вы думаете, они ваши? Нет, они давно уже наши». И конфликт на Украине это подтвердил.

Что мы о них знаем сегодня? В список 500 богатейших людей мира американского информационного агентства Bloomberg включены 22 россиянина. Их общее состояние на

1 мая с.г. составляет 279,88 млрд. долларов. Сначала 2023 года оно выросло на 16,35 млрд.

Сильнее всего выросло состояние совладельца НК «Лукойл» нефтяного олигарха Вагита Алекперова — более чем на 3,7 млрд., до 19,1 млрд. долларов. При этом одновременно выросли цены на нефтепродукты, причем дизельное топливо, востребованное в первую очередь в сельском хозяйстве, давно уже стоит еще дороже, чем бензин А-95. И при этом бензин на заправках «Лукойла» всегда самый дорогой. Вопрос: а зачем нам такой «Лукойл» с его Алекперовым? И вообще, какой прок нашему государству от олигархов, которые уже стократ окупили все первоначальные капиталовложения и паразитируют на награбленном по сей день, чему способствует и налогообложение в РФ, где до недавнего времени олигархи, как и все, платили всего 13 процентов подоходного налога? Это один из самых низких показателей в мире.

Стамбульский междусобойчик

Влияние олигархов и их награбленные в России богатства позволяют им едва ли не ногой открывать двери в коридорах власти. Посмотрим, как это выглядит на практике.

Мы все помним, что СВО в самом начале была приостановлена российско-израильским олигархом Романом Абрамовичем в ходе переговоров России с представителями киевского режима в марте 2022 года.

Абрамович, бывший депутат Госдумы и губернатор Чукотки — один из самых богатых российских олигархов еврейского происхождения. Он начал свою карьеру в бизнесе, приобретя в 80-х годах кооператив «Уют», официальная деятельность которого заключалась в производстве игрушек из полимерных материалов. Чем его «Уют» занимался помимо этого, малоизвестно, но, надо думать, только производство пластмассовых утят не позволило бы ему встретить развал СССР в 1991 году с весьма приличным капиталом. В 1995 году Абрамович и другой его соплеменник и подельник Березовский приобрели контрольный пакет акций нефтяной компании «Сибнефть» всего за 100,3 млн. долларов, хотя на тот момент компания стоила 2,7 млрд. долларов. Это невиданное по своим масштабам ограбление России и вознесло Абрамовича с Березовским на вершины олигархического капитала России и международного сионистского капитала и позволило им получить еще при Ельцине доступ в Кремль и к другим российским центрам принятия жизненно важных решений. А затем и не только к российским.

С каким же мандатом Абрамович появился в Стамбуле на российско-украинских переговорах? Официально Абрамович в этих переговорах не участвовал. Но, по существу, они велись именно с ним.

24 марта 2022 г. официальный представитель Кремля пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков подтвердил, что Абрамович действительно принимал участие в организации переговоров России и Украины, осторожно добавив: «В начальной стадии». Факты, однако, подтверждают, что он в них участвовал с самого начала и до конца. Вот что отметили тогда журналисты в Стамбуле: «Очевидно, Абрамович находился в Турции в статусе куда более высоком, чем Мединский (помощник президента и глава делегации РФ) и Арахамия (представитель украинской стороны), ибо прежде чем принять официальные делегации, формальный организатор переговоров Эрдоган пообщался именно с ним, в то время как обе делегации не удостоил даже рукопожатием. Следовательно, Абрамович представлял интересы кого-то, как писали турецкие журналисты тогда, более значимого, чем Россия и Украина, кого-то «транснационального».

Переговоры в Стамбуле шли как бы на двух уровнях — на официальном и закулисном. Газета Financial Times 25 марта со ссылкой на три источника сообщала, что Абрамович встречался с неким высокопоставленным чиновником из офиса президента В. Зеленского, чтобы помочь организовать переговорный процесс.

По информации английской газеты The Times, Абрамович в ходе переговоров слетал в Киев и встретился с Зеленским, а затем прилетел в Москву для встречи с президентом В.В. Путиным. The Times отмечает, что бизнесмен передал ему написанную от руки записку от украинского президента, в которой были изложены позиции Киева по условиям мирного соглашения.

После его возвращения из Москвы в Стамбул стороны приступили к обсуждению предварительного плана прекращения боевых действий на Украине. К тому времени ВС России смогли взять под свой контроль несколько областей. Но в результате переговоров в Стамбуле наша армия оставила эти практически бескровно занятые области.

Все эти переговоры и сделки в рамках «стамбульского междусобойчика» заставляют задуматься о том, а не была ли и сдача Херсона одним из результатов «турецкого гамбита» Абрамовича?

Есть все основания полагать, что Россия таким образом выполнила свою часть договоренностей о заключении мира

с Украиной, а киевский режим, что подтвердил в июне с.г. В. Путин, от своих обязательств отказался и по указке Вашингтона перешел к активным военным действиям, объявив своей целью взятие Донбасса и Крыма.

Следующее явление Абрамовича в Турции произошло в январе 2023 года. На этот раз он организовал обмен сдавшихся в плен в Мариуполе бойцов и командиров фашистского батальона «Азов» и английских наемников, взятых в плен в Донбассе. И тех, и других следовало предать суду и наказать по всей строгости. С английскими «солдатами удачи» в Донбассе к тому моменту уже разобрались и трех из них приговорили к смертной казни. «Азовцам» предстояло просидеть за решеткой минимум 10-15 лет за их кровавые преступления. Но это были только страшилки на публику, а на деле еще во время прошлогодних летних переговоров о сдаче в плен при взятии «Азовстали» боевики «Азова» настаивали на процедуре экстрадиции именно в Турцию. Там их и встретил в аэропорту Абрамович.

Результат этого стамбульского междусобойчика таков: России пришлось отпустить 215 пленных, среди которых были сотрудники СБУ, пограничной службы и иных ведомств. Среди освобождённых — 108 «азовцев», 10 наёмников, трём из которых уже был вынесен смертный приговор. В конечном итоге бандеровские головорезы вернулись на Украину и вновь встали под знамя своего батальона с фашистской символикой. Взамен же мы получили только 55 наших военнопленных и оппозиционного политика Виктора Медведчука.

«Вашингтон пост» пишет, что еще в феврале 2022-го, когда стало ясно, к чему идет дело, семь руководителей известных израильских организаций отправили письмо послу США Томасу Найдсу с просьбой не вводить санкций против Абрамовича по причине положения и важности этого олигарха в мировом еврейском сообществе и в Израиле. «Любые действия против него будут не только несправедливыми, но и отрицательно скажутся на еврейском мире и на Израиле», — написали эти «уважаемые» люди. Среди подписантов были президент Университета Тель-Авива, директор крупнейшего в стране Медицинского центра «ШИБА», главный раввин Израиля, генеральный директор Фонда «Город Давида» и группы по развитию Восточного Иерусалима, а также председатель израильского мемориала Холокоста «Яд ва-Шем». По поводу последнего среди подписантов возник скандал: выяснилось, что «Яд ва-Шем» находился в процессе получения от Абрамовича благотворительного взноса на 10 миллионов долларов. Два члена организации признались, что деньги

мемориалу выделялись на условии согласия «Яд ва-Шема» поддержать обращение в защиту Абрамовича. Сам олигарх, замечу, был щедро вознагражден за свою «миротворческую» деятельность. По сообщениям американской прессы, В. Зеленский в благодарность за лоббирование Абрамовичем интересов «незалежной» на переговорах в Стамбуле попросил президента США Джо Байдена не вводить против него санкции. Байден просьбу учел и отложил санкции против «нашего» олигарха. В США исправно работают принадлежащие ему на 29% шесть заводов «Евраз». Миллионы долларов он вложил в американские фонды и недвижимость. Великобритания, у которой есть свои счета к Абрамовичу, после завершения переговоров в Стамбуле сняла с него персональные санкции. Его активы (сообщается о 7 млрд. долларов) были частично разморожены.

Точно так же в коридорах власти и в лабиринтах международного сионизма решалась и судьба нашумевшей «зерновой сделки» с участием Абрамовича. Он вновь засветился в Стамбуле, где Москва подписала соглашение о вывозе морем украинского зерна. Он сидел в зале, внимательно отслеживая ход переговоров. По данным телекомпании CNBC, Абрамович в этой сделке выражал интересы еврейских сообществ Украины и России, а также, по мнению ряда аналитиков, мог выполнять пожелания израильского правительства, с которым у него крепкие связи. Но при чем тут украинское зерно? Оказывается, украинские черноземы, особенно в Николаевской и Одесской областях, на 80% принадлежат еврейским дельцам Украины, России и Израиля. К моменту появления Абрамовича в Стамбуле эти предприниматели уже продали зерно Турции и попросили этого олигарха посодействовать его переправке из портов Украины, в основном из Одессы, где зерно хранится в огромных элеваторах. Речь идет о суммах в миллиарды долларов. А на публику вся эта зерновая операция проводилась под девизом помощи бедным африканским странам, хотя большая часть зерна уходила на европейский рынок и, надо думать, Абрамович от этой сделки получил свой процент.

Россия не получила ничего, кроме потерь.

Ни Мининых, ни Пожарских

Российские миллиардеры из списка Forbes не спешат поддержать спецоперацию на Украине, в то время как их украинские коллеги щедро спонсируют ВСУ и лично Зеленского с его бандеровской камарильей. Большая часть российских предпринимателей из списка Forbes заняла бесспорно пре-

дательскую позицию по отношению как к гибридной агрессии Запада против России, так и к спецоперации на Украине. Сообщения, которые просачиваются в соцсети из разных источников, не могут не настораживать. Так, выяснилось, что в кулуарах совещания в Совете Безопасности РФ, где обсуждалась текущая ситуация в стране и позиция крупного бизнеса по отношению к СВО, кто-то обронил фразу «Минных у нас не наблюдается...» По пальцам можно посчитать тех, кто открыто делом и деньгами помогает России в столь сложной ситуации. Среди российских миллиардеров — это, пожалуй, только Константин Малофеев, который много лет помогает Донбассу, снабжает несколько подразделений беспилотниками, тепловизорами, обмундированием и другими необходимыми предметами. Активно помогает и региональный бизнес, экипируя мобилизованные части. Даже простые граждане РФ с минимальным достатком собирают деньги в помощь нашим бойцам. Но о том, идет ли помощь от российских олигархов, информации нет. Зато есть данные, что, к примеру, владелец компании «Северсталь» миллиардер Алексей Мордашов заявил, что он намерен передать доли в своих активах в трасты, прибыль от которых будет направляться в ООН с последующим расходованием на *«ликвидацию последствий вооруженного конфликта в Украине»*. Эта сделка, как подсчитали эксперты, позволит получить ООН около 1 млрд. долларов, заработанных на эксплуатации российских природных богатств и рабочей силы. И Мордашев при этом заявляет, что «далек от политики».

Собственник «Евраз» (международная вертикально-интегрированная металлургическая и горнодобывающая компания), Роман Абрамович, по данным Телеграм-канала, направил 10 млн. долларов на помощь Украине. Помимо этого Абрамович пообещал направить в Киев средства от продажи зарубежной недвижимости.

Глобальная сеть влияния

Появление Абрамовича на дипломатическом поле, его активное участие в разного рода контактах с киевским режимом за закрытыми дверями, а главное, его прямое воздействие на ход боевых действий на Украине не могли не вызвать законных вопросов: по какому праву и на каком основании этот олигарх решает вопросы, которые никак не входят в компетенцию частных лиц, а относятся к юрисдикции суверенных государств и их лидеров? Как его вообще допустили к столу межгосударственных переговоров?

Во всех многоходовых комбинациях олигарха Абрамовича прослеживается то самое «*транснациональное*», подмеченное во время его гастролей в Стамбуле турецкими журналистами.

О чем речь? Ни для кого не секрет, что помимо официально действующих структур межгосударственных отношений существует параллельная им закулисная система связей и влияния мировых элит, финансово-промышленных кланов и этно-политических структур. Среди последних наиболее влиятельна система международного сионизма, созданная задолго до образования государства Израиль мировым сионистским капиталом и действующая в тесном контакте с мировым масонством. Влияние сионистов в мире ощутимо выросло одновременно с агрессивностью Израиля после прихода на пост президента США Джо Байдена, публично объявившего себя сионистом и сформировавшего на 100% про-сионистское правительство.

Это и есть та самая «мировая закулиса», которая претендует на мировое господство и реально правит странами Коллективного Запада, а также имеет практически во всех странах своих агентов влияния, которых Александр Зиновьев метко назвал в одном из моих с ним интервью «западноидами».

Похождения Абрамовича на ниве дипломатии помогают понять, как эта структура действует. Глава украинской делегации на переговорах Арахамия отметил, что миллиардер смог присоединиться к переговорному процессу «через международную еврейскую общину». По данным израильской *Jerusalem Post*, «украинская сторона связалась с Абрамовичем через российско-украинского продюсера Александра Роднянского (признан в РФ иноагентом)». Роднянский действительно весьма влиятельная личность и активный сионист. Он известен в России и за рубежом как владелец проекта «Киногавр» и как режиссер фильма «Левиафан». Он экс-совладелец телеканала Студия 1+1 и был гендиректором телеканала СТС в России. Член Еврейской конфедерации Украины и ее постоянный спонсор. В октябре 2021 г. он отметился в Москве как организатор 7-го Московского еврейского кинофестиваля (МЕКФ). Роднянский давно живет в Киеве и после начала СВО активно выступает против России и лично президента Путина. В мае 2022 года стало известно, что компания Роднянского AR Content работает над сериалом «*Вся кремлёвская рать*», задуманным в стиле «*Карточного домика*», по одноимённой книге еще одного иноагента из списка Минюста РФ Михаила Зыгаря о политической жизни в России, начиная с прихода к власти Владимира Путина.

Обозреватель «Вашингтон пост» Кэтрин Белтон пишет, что Роднянский сблизился с президентом Зеленским, снимая передачи и фильмы с его участием еще в период его актерской карьеры, когда тот только играл роль президента в шоу на украинском телевидении. И Абрамович направился в Стамбул на переговоры Украины с Россией именно с ведома Зеленского. Понятно, чьи интересы он там лоббировал.

По утверждению украинского издания «Страна» кандидатуру Романа Абрамовича в качестве переговорщика с Россией от киевского режима поддержал еще в феврале 2022 года дружба Роднянского, глава офиса Зеленского Андрей Ермак.

В России участие Абрамовича в переговорах почти не комментировали, но, как пишет Financial Times со ссылкой на два источника, «Президент России Владимир Путин лично одобрил участие бизнесмена Романа Абрамовича в организации переговоров между Москвой и Киевом».

По данным собеседников издания, для этого с согласия российского лидера Абрамович встретился с высокопоставленным чиновником из офиса Зеленского. По словам главы украинской делегации Давида Арахамии, Абрамович увиделся с ним впервые еще в белорусском Гомеле, когда проходил первый раунд переговоров между российской и украинской делегациями». «Я могу подтвердить, что Абрамович принимает активное участие в мирных переговорах», заявил он в интервью Financial Times. При этом Арахамия отметил, что миллиардер смог присоединиться к переговорному процессу «через международную еврейскую общину».

Абрамович также проводил встречи и с рядом потенциальных посредников, в том числе с бывшим канцлером ФРГ Герхардом Шредером. Кроме того, пишет Financial Times, частный самолет Абрамовича был замечен в Турции и Израиле во время его челночных консультаций в ходе переговоров. И чего после всего этого сто́ят уверения израильского руководства о своем нейтралитете в конфликте России и Украины?!

События последних лет сломали многие прежние стереотипы и даже традиционные нормы международных отношений. Мир уже не будет прежним. А каким он будет, никто сейчас не может сказать.

«Уверенность в своем превосходстве ослепила правящие круги США, — пишет в своей статье в журнале American Conservative эксперт в сфере обороны и национальной безопасности Р. Джордан Прескотт, — мешая разглядеть начавшееся столкновение цивилизаций, и грозит нашей стране упадком из-за неверных действий в отношении России, Китая и арабских стран.

Сбывается зато на наших глазах прогноз цивилизациолога Сэмюэла Хантингтона, который еще в 1996 году в своей книге «Столкновение цивилизаций» предупредил, что самоуверенному Западу грозит неминуемый упадок из-за столкновения с российской, китайской и настроенной весьма враждебно исламской цивилизациями. При этом, признавая превосходство Запада в последнем десятилетии XX века, Хантингтон предупреждал, что в будущем произойдет разлом, так как «некогда господствовавшая цивилизация приходит в упадок». В результате мы сегодня стоим у этого разлома, бездонной пропасти современного мира, разделившей человечество. На то, чтобы его преодолеть, уйдут десятилетия, если не века.

История конфликта России с Украиной, приведшего к СВО, убедительно доказывает, что Коллективный Запад, уверовав в предсказания Фукуямы о мировой гегемонии США, окончательно перешел в отношениях с Русским миром от мирного сосуществования с ним к конфронтации. История подготовки минских соглашений уже подтвердила это на 100 процентов. Для президента Путина, который убедился, что все переговоры с Киевом по Донбассу велись исключительно для того, чтобы обмануть русских, было особенно чувствительно перенести этот обман, т.к. Меркель он считал своим другом. И даже когда специальная военная операция на Украине, начатая Россией 24 февраля 2022 г., уже шла и весьма успешно, а наши войска стояли под Киевом, Запад вновь пошел на обман: как сказал Путин на встрече с военными корреспондентами в июне с.г., «Нас опять надули». В этом надувательстве приняли самое активное участие российские олигархи. И стамбульский «междусобойчик» — это всего лишь один пример.

В ходе СВО стало окончательно ясно, что интересы большинства российских олигархов совпадают, прежде всего, с интересами глобального капитала, то есть с интересами Запада. А это — поражение России. Поэтому возникает естественный вопрос: почему до сих пор в руках этой пятой колонны остается столь весомая доля экономики? В то время, как Россия ведет боевые действия и гибридную войну фактически с НАТО, со всем Коллективным Западом, а не просто с их марионеткой Зеленским, российские бизнесмены постоянно оглядываются на Запад и действуют в соответствии с получаемыми оттуда наставлениями, если не прямыми инструкциями. Поэтому вопрос сейчас должен стоять жестко: «Вы с нами, господа, или с нашими заклятыми врагами?»

БОЕЦ ЗА РОССИЮ

К десятилетию кончины Геннадия Шиманова

Однажды, это был 1997 год, я делал сообщение на одном небольшом семинаре. Сообщение касалось святоотеческого наследия по имущественному вопросу и перспектив православного социализма. Как водится, меня сильно ругали, иронизировали, кричали и пр. Но в конце семинара ко мне подошел пожилой человек с небольшой бородкой и острыми глазами. Это был Геннадий Михайлович Шиманов. Разговорились. Он пригласил меня к нему домой — там собиралась компания православных людей, переживавших из-за недавнего разгрома России.

Как, почему Шиманов оказался на этом семинаре — Бог ведает. Но мне выпала редкая удача. Я нашел старшего товарища по моим размышлениям; умницу, глубоко укоренённого в православии, милейшего в общении. Но главное, что Шиманов оказался подлинным рыцарем истины. Этот человек поставил себе целью понять истину и шёл к этой цели, несмотря на все препятствия. Нет денег — ужмём свои потребности; шалит здоровье — не жаловаться; люди не по-

ПОДВИЖНИКИ

нимают — надо лучше, понятнее изъясняться. Он рано вставал и запрещал звонить ему до двенадцати — утром у него была самая работа. Он считал, что день прожит зря, если не удалось написать хотя бы несколько страниц или, на худой конец, сочинить удачную фразу, или понять нечто новое, что ещё не приходило в голову. Во второй половине дня он тоже работал, но иначе: бегал по книжным магазинам, вёл разговоры, свои локальные «собрания», как он выражался, много читал. Книг он прочел немеряно, его часто искренне называли профессором (хотя высшего образования у него не было), прекрасно говорил, был потрясающим рассказчиком.

Но не только для меня, для всей России Шиманов был ценнейшей находкой. «Московский Сократ» — так быстро прозвали его в среде русских многомудров. И не удивительно — именно Шиманов был автором знаменитых «Записок из красного дома» (1969) — повести о том, как его держали и мучали в психушке, куда его поместили за веру. «Записки» без его ведома были переведены на все значимые европейские языки. Кстати, из-за этой известности за рубежом, как он считает, его не посадили в психушку ещё раз, уже насовсем. Шиманов этого опасался и целый год, чтобы «не замели», ночевал у знакомых. Но его оставили на свободе, хотя и периодически вызывали на Лубянку. И тогда Шиманов, который никогда и ничего (кроме Бога) не боялся, развернул широкую самиздатовскую деятельность: был одним из авторов «Вече» В.Н. Осипова, издавал альманахи «Многая лета» и «Непрядва». Им было написано множество больших и малых работ о России, о капитализме и социализме, о семье и браке, об общине. И о национализме.

Да, Шиманов где-то в середине 70-х стал русским националистом. То есть, как он объяснял, человеком, который любит свой народ, уважая при этом все остальные народы. Причём он чётко различал национализм как любовь к нации от патриотизма как любви к государству. Он был не против патриотизма, поскольку являлся твёрдым государственнымником, но считал, что патриотизм бессилён, если в народе нет настоящего национального чувства (и он оказался глубоко прав в судьбоносный момент «перестройки»).

Шиманов писал о положении русских в царской России в работе «Угнетение русских в императорской России» (1994 г.), боролся с космополитизмом, захватившем прочные позиции в советское время, писал о русских собраниях, которые, по его мнению, необходимы для осознания русскими своей значимости, о русских общинах.

И более того — Геннадий Михайлович устраивал у себя на квартире «русские собрания». Меня он на них не приглашал, считая, что я не в теме. И действительно, я тогда спорил с ним, указывал, что в Евангелии практически ничего нет о национальности, что христианство выше национальности: «ни эллина, ни иудея». Шиманов возражал, говоря, что ап. Павел предпочёл спасение своего народа собственному спасению, что Сам Христос сокрушался: «Иерусалим, Иерусалим... сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели». А что касается «ни иудея, ни эллина», то да, христианские заповеди важнее национальных различий, но это отнюдь не отменяет национальностей, которые созданы Богом. А что касается Ветхого Завета, то там повсеместно рассказывается о жизни множества племён и национальностей. И Шиманов продолжал писать статьи о русских и о том, как они должны развивать свое национальное сознание в России: «Фундамент» (2000), «Апология национальной общины» (2008), «Апология русских собраний» (2010) и пр. Его скорбь о униженном положении русского народа была огромной. Он и к недостаткам советского периода причислял не только атеизм, но и «космополитизм» советской власти, т.е. вычищение из народной жизни всего русского с заменой на советскую культуру.

Но, что характерно для всякого большого социального философа, на одной теме он не заикливался. Национальную русскую тему Шиманов сопрягал с еврейским влиянием на русских. В теме еврейства он был большим специалистом и знал огромное количество фактов. Тот самый «космополитизм» он связывал с постоянным принижением и уничтожением всего русского, чем занималась еврейская интеллигенция под сурдинку разговоров о «притеснениях евреев в СССР». И надо отметить, что этой темы Шиманов совершенно не боялся, что было очень характерно для Шиманова.

Темы русского и еврейского народов он постоянно связывал с судьбой Православной Церкви, которую он беззаветно любил, но критиковал (на мой взгляд, справедливо) по нескольким направлениям: прежде всего он отмечал почти полное бессилие РПЦ в понимании социальных вопросов, а во вторых, ему претило забвение Русской Православной Церкви своей русскости, забвение того, что она живет на русской почве.

Но, может быть, с наибольшим упорством Шиманов связывал национализм с социализмом. Вот как он это доказывал: «Подлинный националист не может не быть подлинным

социалистом, потому что угнетение одной части народа другой его частью — это явное отрицание идеала всякого подлинного национализма, т.е. духовного единства нации, гармонического сочетания всех её частей. Не может и настоящий социалист не стать настоящим националистом, потому что социалистическое общество, из которого вымыты ценности нации, национальной общины и семьи (а они взаимосвязаны органически и потому разрушаются друг без друга), это социализм каких-то инопланетян, имеющих совсем другую природу, нежели наша, человеческая. Наша природа связана неразрывно с ценностями семьи, своей национальной общины и своего народа. Такою её создал Бог». Иначе говоря, социализм должен быть сопряжен с традиционными ценностями.

Вообще Геннадий Михайлович высказывался о социализме как о замечательной идее, как о теории, способной преобразовать социальную жизнь человечества. Но одновременно плохо относился к марксизму. Он считал, что марксизм внедрен апологетами капитализма (иудеями), чтобы дискредитировать социализм, скрестить его с «ядовитыми» идеями, а именно: безбожием; космополитизмом; отрицанием семьи и брака; отрицанием государства; отказом от частной собственности.

Соответственно, принимая социализм, он считал, что русский человек должен: принимать православную веру, быть русским националистом, государственным, семьянином, общинником, твердым собственником. И он, признавая советскую власть, боролся за каждый этот пункт.

Кроме того, Шиманов, будучи учеником и единомышленником замечательного богослова Феликса Карелина, был одним из апологетов именно христианского (православного) социализма. Он писал: «Социализм — суррогат Царства Небесного, но не альтернатива ему. Альтернативой его делает лишь враждующая с Богом идеология. В Царстве Небесном действительно всё будет принадлежать всем, и самая малая тварь будет обладать всем миром. Частная собственность в Царстве Небесном невозможна. Она есть порождение разделяющего всех греха. Но преодоление частной собственности начинается уже здесь, на этой больной земле».

Казалось бы, Шиманов — жёсткий, принципиальный человек, рубящий правду-матку. Таким он и был — в своих работах. Но в быту это был очень мягкий, обходительный и остроумный человек. Юмор Шиманова зачастую ставил в тупик, так что приходилось держать ухо востро. Вот, скажем, он начинает рассказывать, как в лесу увидел стаю птичек. Вдруг они подлетели к нему и сели на плечи. А после подня-

лись и стали кружиться над ним, распевая прекрасную песнь. А самая смелая птичка стала его кормить зернышками, как птенца. Слушатели смущались, и мне уже, привыкшему к шимановскому юмору, приходилось первым начинать смеяться. А Шиманов был очень доволен, что всех поставил в тупик. Или такой случай. Однажды он написал статью в сборник против отца Александра Меня, где притворно его хваливал. И вскоре одна читательница написала, что совершенно согласна с основной линией сборника. Только как там могла оказаться статья, какого-то кретина, который это о. Меня так хваливал?..

А вот еще. Мы сидим в зоологическом музее МГУ перед семинаром и разглядываем роспись стен, и Шиманов начинает мне нашептывать: «Вот смотрите, я все-таки похож вон на того большого, красивого медведя, а вы — на того маленького заморыша рядом». Я: «Ну, конечно, Геннадий Михайлович, вы известный, популярный автор, а меня никто не знает». Шиманов: «Нет, Николай Владимирович, вы от меня так просто не отвяжетесь. Вы должны ощутить полное мое превосходство и постараться подтянуться»... И если кто подумает, что Шиманов любил тщеславиться, будет абсолютно не прав — это был скромнейший человек, очень хорошо понимавший правду смирения. Но он ужасно не любил, когда смирение превращается в позу, которую зачастую так любят православные, и он всячески старался эту позу вышучивать, даже путем напяливания на себя ложной маски.

И в то же время эта маска на нем долго не держалась, слетала, и тогда проступал бесстрашный Шиманов-воин, Шиманов-борец, и это было его подлинное, первоначальное. Он рассказывал, как в войну мальчишкой в четыре года выскочил из дома, тряся кулачками на низко пролетающий фашистский самолет. Он отчётливо разглядел презрительную ухмылку летчика. А вот другой его рассказ. В октябре 1993 г. он пошел к телецентру Останкино — он любил присутствовать при исторических событиях лично. Но неожиданно ОМОН начал нещадно стрелять, и Шиманов, попавший под этот огонь, слышал, как тяжелые пули где-то совсем рядом со страшным хлопаяющим звуком взрывали асфальт площади. По официальным данным было убито 46 человек, по неофициальным в 4 раза больше. Господь упас — Шиманов вернулся домой живым.

Но, может быть, главным и безусловным в Шиманове была беззаветная любовь к России. Это ярко видно в его работе «Три открытых письма Н. Струве». Суть дела в том, что в Парижском журнале «Вестник РСХД» (о котором с приды-

ханием говорили наши религиозные диссиденты и редактором которого был Никита Струве) были напечатаны три руссофобские и антиправославные статьи, присланные из Москвы, и Шиманов давал им нелестную оценку. Впрочем, «нелестную» сказать мало — это была блестящая, полная праведного гнева отповедь как ненавидящим Россию авторам статей, так и напечатавшему их известному редактору. Позднее Шиманов увидел в своих письмах много недочётов, но тогда — в 1972 г. — они поразили диссидентское общество, их не раз перепечатывали в самиздате.

Наконец, совершенно необходимо рассказать об одной из наиболее глубоких, но и спорных статей Шиманова — «Письмо к русской учительнице» (1997 г.). Издатель наследия Шиманова Олег Платонов, издавший практически полное собрание сочинений Шиманова (Шиманов Г.М. Записки из красного дома. М.: Институт русской цивилизации. 2013. — 1024 с.) эту статью и некоторые другие на ту же тему публиковать не стал. Тема непростая. Шиманов задумывался над вопросом: насколько наша классическая литература XIX века помогает стать подлинно русским человеком, понимающим свое уникальное место в мироздании? И Шиманов смело отвечал: нет, не помогает. Ругали его за такую позицию практически все, в том числе и заядлые русофилы, в остальном хорошо относящиеся к шимановской мысли. И думается, ругали зря. Впрочем, дадим слово самому Геннадию Михайловичу — вот выписки из статьи «Письмо к русской учительнице»:

«Трудность заключается в том, что у нас нет православно-русской критики нашей послепетровской «культуры» и, в частности, нашей «классической» литературы. Критики нет, но культ русской литературы — налицо».

«Вы можете спросить: с чего я взял, будто культ русской литературы так вреден, что его надо разрушить? Разве русская литература не учит нас «разумному, доброму, вечному»? Я думаю, что не учит. Она не учит нас ничему, кроме любви к самой себе».

«Но что же такое истинная национальная культура? Это способ самоорганизации народа. Нам, воспитанным в ложно русском духе, не приходит в голову, что книжные уроды послепетровской литературы, как и все их прототипы, это совсем не русские люди, а порождения западничества на русской почве. В Московской Руси, при всех её несовершенствах, не было и не могло быть ни Онегиных, ни Обломовых, ни Маниловых. Но наша литературная критика жмурит глаза на столь существенное обстоятельство. Ей так хочется

вывести всё уродливое и больное в русской жизни не из отрицания её корней, а из её коренных начал».

«Дело в самом духе этой литературы. Народ чувствовал, что она не имеет организующих его начал, т.е. имеет пусто-порожный характер. «Наша литература, — писал Лев Толстой в статье «Прогресс и определение образования», — не прививается и не привьётся народу, — надеюсь, люди, знающие народ и литературу, не усомнятся в этом».

«Под предлогом правдивого изображения русской жизни наши писатели создали галерею идейных, нравственных и нередко даже физических уродов. Это «мёртвые души» и «живые трупы», «лишние люди» и «маленькие человеки», симпатичные демоны и мудрые скептики, ловеласы и фаталисты, игроки и мечтатели, «глуповцы» и звероподобные представители «тёмного царства» (под которым подразумевалась, конечно, Русь, не просвещённая лучами масонского света). Собакевичи и Ноздрёвы, Онегины и Печорины, Обломовы и Базаровы, Веры Павловны и Катерины Измайловы, Иудушки Головлёвы и прочие антииконы стали предметом обязательного изучения в нашей школе».

«В нашей культуре практически полностью исчезла русская национальная идеология, и это исчезновение было как бы восполнено, а на самом деле замаскировано культом русской литературы и других искусств, возникших в послепетровской России. У нас национальные идеи и национальные законы были вытеснены из культуры всякого рода художествами, т.е. поэмами и стихами, романами и романсами, операми и балетами, анекдотами и рассказами о том, как бедная Лиза бросилась в пруд, как хороший Герасим обиделся на плохую барыню, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем, как скучающий барин погубил молодую черкешенку, а Татьяна Ларина отказала Евгению Онегину после того, как вышла замуж за генерала. Количество таких сочинений продолжало и продолжает расти, затопляя чем дальше, тем больше организующие нацию идеи и размывая их авторитет. А в результате на месте святом, т.е. на месте национальной идеологии, скромно, мирно и не афишируя себя утвердился идейный и поведенческий плюрализм, который начали выдавать за нашу якобы национальную особенность — нашу «широту», нашу «открытость» и нашу «отзывчивость» ко всему на свете».

Вот так аргументирует свою позицию Шиманов. А вот шедевр, образчик его писательского мастерства из той же статьи: «Спите, русские люди, спите. У вас нет русской семьи, нет русской школы, нет русской общины, нет русского

государства, но зато у вас есть «великая русская культура». Вы не хозяева на собственной земле, вас третируют чужаки. Но зато у вас есть Пушкин и Лермонтов, Чаадаев и Лев Толстой, Тургенев и Чехов, православные по своему духу. В том, разумеется, особом смысле, в каком православными могут быть не только еретики, даже разбойники. Какое вам дело до того, чем отличается истинная национальная культура от её подделок? Об этом думают за вас куда более умные люди. Смотрите, как хорошо схвачены их крепкими волосатыми руками и литературоведение, и вся культурология в целом.

Спите, русские люди, не просыпайтесь. Под расслабляющую музыку Чайковского и гармонические звуки нашей поэзии так хорошо созерцать миражи и так не хочется думать о безобразии, в котором мы живём. Так не хочется думать о призрачном характере нашей культуры. О её музейном характере. О том, что она прячется от реальной жизни по концертным залам и библиотекам, театрам и художественным галереям, по тем же самым музеям. О том, что её нет в подъездах наших домов и в наших квартирах. Ни в нашей одежде, ни в наших обычаях. Её нет на наших улицах и в метро, на вокзалах и в магазинах, на рынках и в ресторанах. Ни в административной, ни в хозяйственной жизни, не говоря уж о политической. Да и там, где она спасается от грубой реальной жизни, её контролируют и ею распоряжаются совсем не русские люди. Они же, эти нерусские люди, по-своему её любят и изучают, как изучают черви яблоко, пропуская через себя его мякоть и оставляя в проделанных ими проходах следы своих научных изысканий».

Это написано в ельцинские времена, но как же это ярко и современно звучит!

Шиманова нет с нами уже десять лет, и до слёз жаль, что его творчество сейчас плохо знают. А широкой публике вообще почти неизвестно это имя. Ныне появились другие витии, красиво и вроде бы убедительно говорящие. Да и темы изменились, особенно после начала СВО. Однако взгляды — по-прежнему защищает нас отряд из острых копий шимановских статей. А за ним высится и сам автор, являющийся нам, каким должен быть настоящий русский публицист, — человеком, ищущим не конъюнктуру, а Истину, пламенно верующим во Христа, не боящимся никаких врагов, и главное — беззаветно любящим Россию и русский народ.

От редакции: после 1990 года почти все свои статьи Геннадий Шиманов опубликовал в журнале «Молодая гвардия»

Олег КАССИН,
Председатель Общероссийского общественного движения
«Народный Собор»

ТРИЛЛИОННЫЙ ДОЛГ ПОЛЬШИ

По сообщениям СМИ, Польша начала подсчитывать ущерб от действий СССР во время и после Второй мировой войны. Об этом заявил в эфире Польского телевидения заместитель министра иностранных дел республики Аркадиуш Мулярчик.

Ранее власти Польши неоднократно заявляли о том, что сначала хотят добиться репараций от Германии, которой уже выставили счет в 1,3 триллиона долларов, а потом могут перейти с подобными претензиями к России.

Не вдаваясь в обсуждение цинизма современных польских политиков, многие из которых сейчас живы только благодаря непосредственной военной помощи Польше со стороны Советского Союза в 1945 году, предлагаю Министерству иностранных дел Российской Федерации в качестве ассиметричного ответа зарвавшимся наглецам подготовить встречный счет со стороны России — правопреемницы СССР.

В качестве превентивной отрезвляющей меры польским политическим торгашам-авантюристам предлагаю ответить им на их же языке, включив со своей стороны в сумму встречного иска следующие позиции, рассчитав их более детально:

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

1. Компенсацию за погибших при освобождении Польши советских солдат (безвозвратные потери — 477 295 человек, санитарные — 1 636 165 человек, всего — 2 113 460 человек).

При этом рассчитать, исходя из современной международной практики сумму компенсации за каждого погибшего советского солдата, сумму пособий и пенсий их семьям за потерю кормильцев, расходы на лечение раненых, компенсацию за ранение, пенсии и пособия им по инвалидности.

Так, в настоящее время, например, в США средняя сумма компенсации родственникам за погибшего в военном конфликте составляет 100 000 долларов, а с учетом страховки — доходит до 400—500 тыс. долларов США. Несовершеннолетние дети погибшего солдата и его вдова также получают пенсию и ряд льгот, например, медицинские страховки. Таким образом, жизнь солдата армии США в целом стоит не менее 500 тысяч дол., а максимум — до 1,5—1,7 млн. дол. (в зависимости от количества и возраста детей).

2. Стоимость в современных ценах израсходованных боеприпасов, задействованной и уничтоженной советской техники. Так, в ходе операции по освобождению Польши Советская Армия понесла следующие потери:

- в самолётах — 2692 единицы;
- в танках и САУ — 2966 единиц;
- в артиллерийском вооружении — 3960 единиц;
- в автотранспорте — 7605 единиц.

Потери Балтийского флота составили:

- самолётов — 129 единиц;
- бронекатеров — 10 единиц;
- подводных лодок — 1.

Согласно официальным данным, в ходе операции по освобождению Польши советскими войсками было израсходовано:

- боеприпасов: 69 161 вагонов;
- авиационных бомб — 27 412 тонн;
- авиационных патронов и снарядов — 24 792 тонны;
- горюче-смазочных материалов — 992 906 тонн;
- огромное количество медицинского имущества.

Кроме того, израсходовано на денежное содержание личного состава советских войск, участвовавших в освобождении Польши, его продовольственное и вещевое довольствие и коммунальные затраты — 12 млрд. рублей (в ценах того времени).

Затраты на восстановление польских железных дорог за период 1944—1945 годов составили 211 335 000 рублей (в ценах того времени).

(Из справки Генерал-полковника Покровского 12 ноября 1956 года. ЦАМО СССР, ф. 15, оп. 725588, д. 30.)

3. Оценку спасенного непосредственно в ходе освобождения от уничтожения польского имущества, людей, зданий и строений, заводов и т.д. (например, спасение Кракова группой Алексея Ботяна (майор «Вихрь») — вынести отдельным пунктом.

4. Оценка колоссальной материальной помощи СССР в восстановлении послевоенной Польши и последующее развитие её экономики — следующий этап нашего встречного иска.

5. Вопрос спасения Советской Армией огромного количества польских военнопленных и польского гражданского населения из фашистских концлагерей в данном иске не поднимать, как не поддающийся в моральном плане расчёту денежной компенсации.

Даже предварительный анализ предполагаемых польских компенсаций по этим позициям свидетельствует, что Польша должна нам за освобождение своей территории в 1945 году и её последующее восстановление многие триллионы долларов США.

Уверен, что только такой подход и разговор действуют отвращающе на политических циников-авантюристов «гиены Европы» (название, данное в свое время Польше У. Черчиллем).

При этом необходимо как можно чаще и шире повсеместно напоминать вышеприведённые данные, доводя эти цифры в качестве исторического ликбеза и просветительской деятельности до каждого жителя современной Польши и её неблагодарных современных политиков-коммерсантов.

Со своей стороны Общероссийское общественное движение «Народный Собор» готово максимально широко подключиться к этой просветительской деятельности в рамках народной дипломатии.

Дмитрий ИКОННИКОВ

УКРАИНА КАК ХИМЕРА

В мифологии древних греков химера — это чудовище с телом козы, головой льва и хвостом дракона. При этом у неё может быть и три головы — львиная, козья, исторгающая пламя, и змеиная. Тот ещё гибридный фрукт! Замечательный

богослов и философ, основатель первой православной классической гимназии Евгений Авдеенко (1952—2014) в лекции по «Илиаде» однажды сказал примерно следующее: очень интересно, как народы избавляются от своих химер. Он изложил свою трактовку того, как видели решение проблемы древние наши предшественники, давшие миру универсальные мифы.

Гомер доносит сам факт: Беллерофонту, блистательному герою, с целью его погубить, ликийский царь даёт последовательно три неисполнимых задания. «Прежде всего приказал он ему уничтожить Химеру».

Что могло убить невероятное чудовище, за которым стоят все силы ада. Лютую Химеру можно было убить лишь при помощи самого прекрасного, что есть на свете. Самым прекрасным на свете в представлении древних был боевой конь. Что может быть прекраснее коня? Только крылатый конь, конь-птица. Это — Пегас. Дикий, необузданный, порождённый ужасной Медузой Горгоной... Е.А. Авдеенко всё время подчёркивает, что движение человечества в представлении предшественников от Хаоса к Космосу, к прекрасному, осуществляется через чудовищное, с использованием чудовищного. Человечество было ещё очень далеко от понимания того, что высшая гармония мира не стоит слезинки одного ребёнка, замученного ради достижения этой призрачной гармонии. Как, впрочем, и ныне... Но с той разницей, что человечество по направлению к гибели уже перевалило через горный хребет Достоевского.

Непорочный Беллерофонт обуздал Пегаса, подлетел к Химере сверху, ударил её остриём и убил! Впереди его ждали новые подвиги, но и приступ непомерной гордыни. Он возжелает покорить Олимп, будет повержен и обречён скитаться в нищете, ища примирения с богами, и обретёт его. Реквизированный Пегас использовался Олимпом не в качестве боевого коня, а как позорное вьючное животное, в чьи обязанности входило подвозить на Олимп для Зевса молнии, изготовляемые кузней Гефеста...

Кажется совершенно удивительным тот факт, что после Оранжевого переворота 2004 года первый откровенно прозападный и русофобствующий президент сделал известный Дом с химерами в Киеве своей резиденцией. Шестиэтажной своей стороной здание выходит на Козье Болото. Майдан — это Козье Болото. В зубастой башке льва Химеры можно увидеть животное с английского герба.

Кто же те Ехидна и Тифон, которые породили Украину? Её породили поляки, окатоличив западную часть унийей, отры-

вая от корней, и австрияки, внушив оторванным мечту о своей государственности, которой обладали православные малороссы, имея свою Россию. Униатским элитам и австрийцам для украинской государственности нужна была вся Украина, все коренные Русские земли. В куцей Галиции создавать украинское государство в их планы не входило. Не обошлось, как водится, без внутреннего предательства.

Историк Н.И. Ульянов в своём великолепном труде «Истоки украинского сепаратизма» (1966) пишет: «Формальный украинский национализм победил при поддержке внешних сил и обстоятельств, лежавших за пределами самостийнического движения и за пределами украинской жизни вообще. Первая мировая война и большевицкая революция — вот волшебные слоны, на которых ему удалось въехать в историю. Все самые смелые желания сбылись, как в сказке: национально-государственная территория, национальное правительство, национальные школы, университеты, академии, своя печать, а тот литературный язык, против которого было столько возражений на Украине, сделан не только книжным и школьным, но государственным. Вторая мировая война завершила здание соборной Украины. Галиция, Буковина, Карпатская Русь, не присоединенные дотоле, оказались включенными в её состав. При Хрущеве ей отдан Крым... Всё сделано путем сплошного насилия и интриг».

Львовский профессор С. Рудницкий в 1910 году в Киеве свободно издал свою «Краткую географию Украины». Тогда многие смеялись. Ульянов замечает: «Книга произвела фурор очертаниями границ нового государства. Оказалось, что оно обширнее всех европейских стран, за исключением разве России; в неё вошли, кроме русской Украины, Галиции, Карпатской Руси и Буковины, также Крым, Кубань, часть Кавказа. Черное и Азовское моря объявлены «украинскими» и такое же название распространено на добрый кусок западного побережья Каспия. На иллюстрациях, изображающих «украинские» пейзажи, можно видеть Аю-Даг и Ай-Петри в Крыму, Военно-Грузинскую дорогу и Эльбрус на Кавказе. Автору удалось установить даже отличительные особенности украинского климата, независимого и самостоятельного. Судя по тому, редактором книги был сам Грушевский, она шла в русле проводимой им политики создания украинской науки».

Совсем даже не смешно по прошествии ста лет...

Что является самым прекрасным для нас — для русского народа? Ответы, конечно, могут быть разными. Самым прекрасным, по мнению автора этих заметок, является для рус-

ского человека то, что объединяет в себе и дивный Храм Василия Блаженного, и худенького Суворова, на бешеном коне влетающего в белой сорочке с тоненькой шпагой в ряды врага, и обобщённого Достоевского. Это — Православие, создавшее историческую Россию, против чего и воюет украинская химера, управляемая мировым адом, пытаясь собой подменить Святую Русь.

Кто будет русским Беллерофонтом (в нашей традиции его образ отражён в образе св. Георгия Победоносца) и кто (или что) нашим Пегасом? Надеюсь до этого дожить.

Михаил ОШЕРОВ

ГЕШЕФТЫ С ЕВРЕЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Российское политическое руководство никак не может понять одну простую истину: государство Израиль является государством, абсолютно враждебным России и её союзникам — Сирии и Ирану, и с ним, с государством Израиль, нельзя заключать никаких соглашений и договоренностей. Всё равно обманут, сольют информацию и будут продолжать делать то, что делают — оккупировать палестинские и сирийские территории, бомбить Сирию, несмотря на присутствие там российских войск и российских систем ПВО, которые почему-то этому не препятствуют. А также поддерживать Украину, разворачивая на территории Польши мобильный госпиталь, тайно поставляя на Украину системы связи и радиолокации, медикаменты и т.д.

В израильской ивритоязычной прессе появились некоторые подробности тайных соглашений между Россией и государством Израиль, соглашений, нарушающих национальные интересы России и национальные интересы ближайших союзников России на Ближнем Востоке — Сирии и Ирана.

Вот сообщение, опубликованное в израильской русскоязычной прессе со ссылкой на публикацию на иврите:

«На фоне продолжающихся поставок иранских вооружений договоренности между Иерусалимом и Москвой под угрозой. Военный обозреватель израильского телеканала «Кешет» Нир Двори заявляет о наличии договоренности между Иерусалимом и Москвой о том, что РФ не будет поставлять вооружения Ирану, а Израиль не будет поставлять вооружения Украине. По словам Двори, иранцы в обмен на поставки беспилотников в Россию требуют поставок истребителей, систем противовоздушной обороны и радиоэлектронной борьбы. Власти Израиля пытаются убедить Кремль в том, чтобы подобные поставки в Иран не осуществлялись и не нарушался статус-кво. Судя по заявлению Двори, в противном случае Израиль может начать поставлять вооружения для Украины».

В публикации на сайте «Мако» отмечается, что сохранение статус-кво под угрозой, так как Россия всё больше нуждается в поставках вооружений из Ирана.

9 июня представитель Совета национальной безопасности США Джон Кирби объявил, что, по данным американской разведки, Иран помогает России построить завод по производству беспилотников, запуск которого запланирован на 2024 год. Он продемонстрировал спутниковый снимок (датирован 4 апреля 2023 года), на котором показан строящийся объект в Елабуге — особой экономической зоне промышленно-производственного типа Республики Татарстан РФ. По данным американской разведки, именно на этом объекте планируется наладить выпуск беспилотников по иранской лицензии.

То есть государство Израиль запугивает Россию и вмешивается в стратегическое сотрудничество России и Ирана, крайне необходимое России сейчас, во время ведения военных действий на Украине, где иранские беспилотные летательные аппараты широко используются. Израиль пытается разрушить нормальные партнёрские отношения России и Ирана — Ирану в обмен на беспилотники, уже поставляемые в Россию, нужны российские самолеты и системы ПВО.

Одновременно с этим разыгрывается «израильская карта» — в международной прессе организуется утечка информации о возможных поставках двух сотен старых законсервированных израильских танков «Меркава-2» и «Меркава-3» в Восточную Европу — транзитом на Украину через Польшу. Тех самых хваленых израильских танков, которые очень хорошо горели в Ливане в 2006 году во время Второй Ливанской войны — агрессии Израиля против Ливана — от противотанковых комплексов еще советского производства 1970-х годов.

На самом деле реально следует опасаться поставок из Израиля на Украину совершенно других систем — израильс-

ких реактивных систем залпового огня LAR, из которых грузины в 2008 году обстреливали беззащитный Цхинвал, а также различных ракетных систем «земля—земля». Появления хваленых израильских систем ПВО на Украине бояться не следует, так как даже вооруженные организации «Хизбалла», ХАМАС и «Исламский Джихад» научились их преодолевать обычными неманеврирующими реактивными снарядами, летящими по баллистической траектории.

Для того чтобы государство Израиль перестало заниматься украинским вопросом, России нужно всего-навсего выполнить свои обязанности по защите интересов Сирии и помочь Ирану разместить на юге Сирии на Голанских высотах свои ракетные установки, которые будут угрожать всей территории государства Израиль, что должно способствовать прекращению израильской оккупации сирийских и палестинских территорий и установлению справедливого мира на Ближнем Востоке.

Это также раз и навсегда решит все вопросы о возможных поставках израильского оружия на Украину. После восстановления сирийского суверенитета над всей территорией Сирии, части которой сейчас контролируют — оккупируют — Турция, США и Израиль, а также после размещения сирийских и иранских ракет на территории Сирии государству Израиль уже будет не до Украины. Именно таким путем и следует действовать российскому руководству по отношению к Израилю вместо сомнительных гешефтов с еврейским государством, гешефтов, нарушающих национальные интересы России, Сирии и Ирана.

Максим ВОРОБЬЁВ

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

Принцип зеркального ответа в международных отношениях является общепризнанным. Он может не всегда применяться по разным причинам, но это нисколько не умаляет самого факта его значимости. Если такой принцип широко используется на практике, то почему же его не применить и

на идеологическом поле? Если собрать воедино русофобские высказывания западных политиков и их приспешников о России, её народе и её будущем, то получится такая лютая пропагандистская агитка, которой позавидовали бы и Гитлер с Геббельсом. Потрудились над её составлением все без исключения. Тут и Байден с Блинкиным, и Шольц с Бербок, и Макрон, и Сунак, и Столтенберг, и Боррель, и ещё, ещё, ещё... Можно вспомнить и бывших западных лидеров, таких как Борис Джонсон и Трасс. А также российских доморощенных шавок, драпанувших из России, начиная с Ходорковского и кончая каким-нибудь Ургантом. Вырисовывается полная картина, да что там картина — программа уничтожения России.

А со стороны России им в ответ — сдержанное порицание, в лучшем случае критика и осуждение. Мы же такие все культурные и благородные. Нас в уличной драке по голове кирпичом долбанули, и уже финку приготовили, а мы по всем правилам бокса отвечаем. Сплошная корректность и сдержанность. Не говоря уже о президенте, который не позволил себе ни одного жесткого словесного выпада по отношению к противнику. Впрочем, Запад даже правдивое наименование вещей воспринимает как оскорбление. Такая у нас сложилась расстановка сил на информационно-идеологическом фронте. Теперь представим себе, что у нас среди парламентариев, министров или дипломатов появляется свой русский ястреб. Этакая смесь Бориса Джонсона, Бербок, Борреля и Моравецкого в одном лице. И он начинает формулировать глобальные стратегические цели России не только в текущем конфликте, но и на последующие 50 лет. Они, конечно же, покажутся фантастическими и недостижимыми.

Однако почему же им не быть такими? В чём цели Запада по отношению к нашей стране более реалистичны? Только лишь потому, что на их достижение тратятся миллиарды долларов? Возможно... В любом случае, чтобы достичь хоть какой-нибудь цели, ее нужно сперва чётко сформулировать. И вот появляется такой персонаж, который открыто, без оглядок на ложную скромность и политкорректность высказывает свои взгляды и формулирует стратегические задачи России в войне цивилизаций. Не важно, как его зовут. Главное, что появляется на политическом небосводе неустрашимый русский ястреб и публично заявляет следующее послание-программу, адресованное правящим верхам России и Запада:

«Поскольку Западная цивилизация доказала свою несостоятельность ее время прошло. Более того, ее существование

угрожает жизни всего человечества. В первую очередь виноваты в этом правящие элиты западных стран, в свете событий последних лет обнажившие свое истинное лицо. Все они — садисты, извращенцы и военные преступники, узурпировавшие власть и уничтожающие подвластные им народы. Уничтожение ведётся с помощью насаждения чуждых человеческой природе принципов ЛГБТ, распространения терроризма и наркомании, подавления инакомыслия. Единственная страна открыто выступившая против содомии, насилия и уничтожения людей — Россия. Именно поэтому и разгорелся военный конфликт на Украине. Учитывая, что страны Запада представляют угрозу человечеству они должны быть усмирены, обезоружены и обезврежены. Наиболее опасные страны должны прекратить своё существование. В первую очередь подлежит роспуску и полному упразднению своей деятельности блок НАТО, как вредоносная и смертельно опасная опухоль на теле человечества. Все военные базы НАТО переходят под контроль российских миротворцев.

Идейным и материальным воплощением Западной цивилизации являются США. Существование этой сверхдержавы, обладающей ядерным, химическим и бактериологическим оружием представляет смертельную опасность для человечества. Накопленный США смертоносный потенциал позволяет уничтожить жизнь на земле многократно. Этого нельзя допустить. Для продолжения жизни необходимо прекращение существования США как империи зла. Ядерное, химическое и бактериологическое оружие этой страны должно быть полностью уничтожено. Каждый штат должен стать самостоятельным и независимым государством со своим правительством, армией и прочими государственными структурами. За исключением штата Аляска, возвращающегося в состав России, а также штатов: Калифорния, Аризона, Нью-Мексика и Техас, возвращающихся в состав Мексики. Канада — верный сателлит и холоп США должна быть разделена на три части: французскую, английскую и индейскую со столицами в Монреале, Эдмонтоне и Виннипеге соответственно.

Великобритания лишается статуса ядерной державы и получает запрет на владение ядерным оружием в будущем. То же касается и Франции. Кроме того, Великобритания должна предоставить полную независимость Шотландии. Во избежание претензий на мировое господство также должна быть разделена и Австралия.

Польша как ярый поборник русофобской политики также должна прекратить свое существование. Ее территория

должна быть разделена пропорционально между Германией, Чехией, Словакией, Россией и Белоруссией. В свою очередь Германия должна быть традиционно разделена на Восточную и Западную части. Страны Прибалтики входят в состав России с переселением на их территории жителей Сибири. Приднестровье и Молдова возвращаются в состав России. Соответственно, западная граница России будет проходить от Ужгорода до Кракова и далее по реке Висле до Балтики. Для предотвращения агрессивных поползновений Финляндии граница России с этой страной должна быть отодвинута вплоть до Хельсинки.

Все главы правительств стран блока НАТО, их заместители, руководство НАТО, а также руководство Евросоюза подлежат международному трибуналу как военные преступники, развязавшие и поддерживающие кровавую бойню на Украине, геноцид русского и украинского народов. Прокуратура России должна выдать ордера на арест всех глав стран НАТО. Они должны предстать перед судом и ответить за свои злодеяния.

В ближайшее время необходимо провести конференцию по обсуждению и претворению вышеизложенной программы в жизнь. В конференции должны участвовать представители оппозиции США и стран Европы. Такую оппозицию надо всесторонне поддерживать и взращивать, чтобы получить действенный противовес официальным западным властям. Итогом конференции должен стать чёткий и детальный план действий по демилитаризации и упразднению западной цивилизации. Захват власти в странах Европы, США и Канаде представителями оппозиции. Провести конференцию можно в Харбине или Монтерее.

Действовать необходимо быстро и решительно.

Только в случае таких глобальных изменений у людей всего мира есть шанс уцелеть и смотреть в будущее с надеждой, а не с ужасом».

Такой ясный и недвусмысленный политический посыл нашим западным противникам и народам всего мира. Конечно, вряд ли наши западные соседи узнают себя в этом зеркале, потому как не обладают необходимой для этого долей иронии и самокритики. Зато будет повод поволноваться. Слишком уж уныло и однообразно звучат в последнее время русофобские завывания. Может, данное послание немного взбодрит угасающий пыл. А заодно наметит обширное поле деятельности для ФСБ, ГРУ, а также российских СМИ и политиков. Пора уже наконец просыпаться и переходить в идеологическое наступление.

ДАМОКЛОВ МЕЧ

Впервые о проекте Центрального банка России (ЦБ) «цифровой рубль» нам рассказали в октябре 2020 г. в «Докладе для общественного обсуждения».

Но ещё в 2017 году на Международном Форуме инновационных финансовых технологий «Finopolis-2017» в Сочи председатель ЦБ Эльвира Набиулina предложила обществу переосмыслить суть денег.

В законопроекте №270838-8, принятом Госдумой в первом чтении в марте, предельно ясно изложено, как именно это нужно сделать: отменить наличные, уничтожить банки, начать формировать «осознанное» и климат-ориентированное «потребительское» поведение населения.

«Цифровой рубль» (ЦР) — понятие условное, никакого отношения к деньгам не имеющее, функций денег (накопление, кредитование и наличные) не выполняющее. Это — система цифровых кодов, которая служит только для создания «прозрачных платежей», а по сути — системы тотального контроля, когда человеку будет позволено получать доступ к товарам и услугам только на основании подтверждённого камерами наблюдения и цифровым профилем правильного поведения в рамках разрешённого ИИ списка, в течение конкретного, ограниченного времени.

Для доступа к системе ЦР (цифровой платформе) нужно будет соответствовать правилам и нормам ЦБ, передать свои данные в его базу, добровольно взять вместо имени идентификатор, получить куаркод, ежемесячно платить ЦБ за возможность им пользоваться, делать всё, что потребует ЦБ и бояться только одного — чтобы он не ограничил доступ к ЦР, и ты не умер с голода.

Проект рамочный и, судя по всему, базовый, одинаковый для всех центробанков мира, с национальными деталями — есть жёсткие, а есть очень жёсткие, как у Англии и у России. Автор и куратор общего проекта — Всемирный банк международных расчётов (БМР) в Базеле.

Центробанки и БМР не подчиняются национальным законодательным системам, не относятся к национальным го-

сударствам и проводят единую, согласованную политику, направляемую БМР с помощью созданных им для определённых территориальных зон специальных Инновационных центров.

Основное требование к созданию национальных «цифровых валют» — их функциональная совместимость друг с другом, поскольку они предназначены для последующего создания единой наднациональной, планетарной системы финансового контроля. О каком бы то ни было национальном суверенитете тут речи не идёт.

Андрей СОШЕНКО

КОГДА ПОДАРКИ НЕ ВПРОК

В Алма-Ате 13 июля, на территории Александро-Невского собора, состоялось торжественное открытие памятника святому благоверному великому князю Александру Невскому. Президент России В.В. Путин в своём поздравительном обращении назвал открытие памятника Александру Невскому «большим событием в духовной и культурной жизни Казахстана и России».

Правильные слова участникам торжеств по случаю открытия памятника направил и президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев: «Символично, что в рамках празднования юбилея (20-летие образования Казахстанского Митрополичьего округа) в Алматы открывается памятник князю Александру Невскому, отнесенному Православной Церковью к лику святых и вошедшему в мировую историю как выдающийся государственный деятель, дипломат и миротворец...»

От слов Токаева можно растрогаться, если не знать некоторых нюансов по памятнику. Монумент должен был быть отрыт раньше, как минимум — год назад, но почему-то до

этого президент Токаев не мог решить этот простой вопрос. Комиссия по охране памятников истории и культуры Алматы в мае прошлого года не разрешила установку памятника русскому князю и полководцу Александру Невскому. Совершенно очевидно, что простой мягкой сигнал Токаева городским властям по открытию памятника год или два назад разрешил бы эту проблему. Но этого тогда не последовало.

Вопреки официальным отказам Русская Православная Церковь нашла выход, который не понравился многим в Казахстане, и памятник был всё же открыт. Но и сейчас казахских «самостийников», которых там, в Казахстане, благодаря «мудрой» политике Назарбаева и Токаева, хоть пруд пруди, этот памятник возмущает, они продолжают лить грязь на святого благоверного великого князя, и эту вакханалию никто там не останавливает. В связи с этим и общим положением в Казахстане приходится беспокоиться за дальнейшую судьбу памятника.

В 2020 году В.В. Путин, рассуждая о «мине замедленного действия» в советской Конституции (право выхода республик из Союза), неоднократно отмечал, что после вступления в состав Советского Союза каждая республика получила в своё распоряжение большое количество российских земель, хотя эти территории исторически принадлежали русскому народу. Однако после выхода из состава СССР бывшие республики забирали с собой и полученные, благодаря вступлению в Союз, земли. По утверждению президента России, в таком случае каждой республике стоило бы выходить с тем, с чем она пришла. Дословно президент Путин говорил: «При создании Советского Союза было прописано право выхода, а поскольку не была прописана процедура, то возникает вопрос. Если та или иная республика вошла в состав Советского Союза и получила в свой багаж огромное количество российских земель, традиционных российских исторических территорий, а потом решила выйти из состава Союза, ну, тогда бы выходила с тем, с чем пришла, и не тащила бы с собой подарки от русского народа».

Несомненно, что слова президента помимо Украины касались и Казахстана. О каких русских землях идет речь? Как минимум, о Северном Казахстане, хотя уместнее говорить обо всей территории нынешнего Казахстана. Если очень кратко, то все территории Казахстана — российские, русские. Да и не только Казахстана. Территории Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении входили в состав Российской империи в качестве областей, а именно — как Тур-

гайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Ферганская, Сырдарьинская, Самаркандская и Закаспийская области, а также как субъекты с некоторой степенью автономии в составе России — Бухарский эмират и Хивинское ханство. Но далее очень «постарались» большевики.

Историческими предшественницами Казахской ССР были советские автономные образования в составе РСФСР. 10 июля 1919 года был образован Киргизский край, на основе которого 26 августа 1920 года была образована Киргизская АССР со столицей, кстати, в Оренбурге. Никакой ошибки здесь нет — казахов тогда называли киргизами. Точнее, киргиз-кайсаками. Впрочем, и нынешних киргизов тогда тоже звали киргизами. В июне 1925 года автономия была переименована в Казакскую АССР, а 5 февраля 1936-го — в Казахскую АССР. Но это ещё была **автономия РСФСР**. А вот 5 декабря 1936 года Казахской АССР был придан статус союзной республики со всеми «минами замедленного действия» и бедами для ее русского населения после 1991-го года. **Так что русским подарком Казахстану является вся территория Казахстана.**

Эти подарки русского народа казахской партийной номенклатуре были тогда, когда указанные земли входили в состав единого государства и никто в правящих кругах, и Казахстана тоже, даже во сне не мог помыслить о выходе из Союза. И после выхода из состава СССР эти подарки нужно было считать аннулированными — не на такой случай они были преподнесены в 20—30 годах прошлого столетия. И ныне владение этими «подарками» можно приравнять, как минимум, к рейдерскому удержанию.

Разговоры о том, что власти Казахской ССР не имели отношения к развалу Союза — лукавы. Например, один из трёх подписантов «Беловежского соглашения» Станислав Шушкевич в декабре 2021 года поведал, почему среди подписантов развала Союза не оказалось президента Казахской ССР Нурсултана Назарбаева. Вопреки расхожему мнению, будто бы Назарбаев не приглашался в Беловежскую пушу, Шушкевич отметил, что Нурсултан Абишевич хотел и должен был подписать Беловежские соглашения 8 декабря 1991 года о выходе республик из состава СССР. И уже летел в Вискули, его там ждали, но его «перехватил» Горбачёв, попросил приземлиться в Москве для разговора с ним. Горби предложил ему должность председателя парламента Союза, если тот не поедет на встречу, где собрались Ельцин, Кравчук и Шушкевич. Конкретно Шушкевич говорил: «Как хитрый восточ-

ный деятель он решил, что лучше спрятаться. И связь с ним оборвалась».

Существенная ли разница, к какой из двух обоюдоострых сторон единой банды разрушителей Союза был ближе Назарбаев: Ельцина—Кравчука—Шушкевича или Горбачёва—Яковлева? Важно то, что т.н. элиты всех союзных республик жаждали самостоятельности вопреки интересам своих же народов.

А 16 декабря 1991 года Верховным Советом Казахстана был принят закон «О государственной независимости Республики Казахстан», несмотря на то, что 17 марта 1991 года на Всесоюзном референдуме о сохранении СССР абсолютное большинство проголосовавших жителей Казахской ССР (94,1 %) поддержало сохранение СССР. Таким образом, казахстанские власти повинны в развале Союза в той же мере, что и остальные «реформаторы» и разрушители СССР.

24 мая этого года в Москве состоялось пленарное заседание Евразийского экономического форума. Там Токаев, реагируя на информацию о том, что Россия разместит в Белоруссии ядерное оружие, в своей иезуитской манере заявил: «В мировой политической истории создан уникальный прецедент или феномен, как хотите, — создание государства по формуле «две страны — одно государство» с единым политическим, юридическим, военным, экономическим, валютным, культурным, гуманитарным пространством. С единым союзным правительством, с единым союзным парламентом, и, я извиняюсь, даже ядерное оружие одно на двоих сейчас...»

Чуть позже Александр Лукашенко предложил Казахстану вступить в союз России и Белоруссии, комментируя высказывания Токаева о том, что после размещения на территории Белоруссии комплекса «Искандер-М» у Москвы и Минска «будет одно ядерное оружие на двоих»: «Не думаю, что Токаев переживает по этому поводу. Но если вдруг переживает, то никто не против, чтобы у Казахстана и у других стран были такие же тесные отношения, как у нас с Российской Федерацией. А это очень просто: надо вступать в союз России и Белоруссии, и будет ядерное оружие на всех».

На следующий день президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев не преминул отреагировать на эти слова: «На днях президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко предложил Казахстану вступить в Союзное государство. Я по достоинству оценил его шутку. Я думаю, что необходимости в этом нет, поскольку существуют и другие интеграционные объединения, прежде всего Евразийский экономический союз».

Но историческая справедливость рано или поздно восторжествует.

А пока Казахстан начинает новую кампанию ради получения от России очередного подарка. Там прямо заявляют, что реки Сибири должны служить Казахстану и другим странам Центральной Азии. И президент Казахстана в этих целях уже не раз призывал создать Международный водно-энергетический консорциум. То есть он пытается вновь реанимировать давно похороненный жуткий проект поворота сибирских рек...

Так что прежних русских подарков ему уже мало. Очень хочется новых, смертельно губительных для России.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2023 год
(Июнь — июль)

После девяти лет артиллерийско-ракетного обстрела Донбасса снаряды и ракеты озверевших хохложивотных полетели в Белгородскую, Брянскую, Курскую области, а 30 мая беспилотники ударили по жилым районам Москвы. В тот же день президент и одновременно Верховный главнокомандующий с экрана телящика сказал, отвечая на вопросы журналистов: «Будем думать, что с этим делать...» Оказывается, девяти лет на обдумывание оказалось недостаточно...

Все эти девять лет миллионы людей в стране задавались вопросами: «В чём дело? Почему мы не способны остановить каждодневные обстрелы наших территорий? Сколько это будет продолжаться? Отчего террористическое варварство украинского руководства остается безнаказанным? Почему полтора года СВО не только не прекратили уничтожение мирного русского населения, но даже наоборот, перекинули военные действия на российскую территорию?»

И нам все эти полтора года отвечали: «Всё идет по плану», «Мы еще и не начинали», и одновременно: «Мы откры-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ты к переговорам», и, наконец: «Будем думать, что с этим делать...» И что же раньше думать не позволяло? Доходы олигархов? Или чьи-то дивиденды с их доходов? Того гляди, наступит момент, когда на то, чтобы думать, времени не останется...

Надо наступать самим, а не ждать наступлений врага. Только всеобщая мобилизация и действия всей, в том числе и призывной армии приведет нас к победе. Находясь в обороне, победы не достичь. А главари киевского террористического режима должны быть все физически ликвидированы. И «думать» по этому поводу пора заканчивать.

* * *

Наших государственных мужей, как говорится, хлебом и красной икрой не корми только дай поудивлять мир «жестами доброй воли». Горбачевско-ельцинская зараза этих «жестов», видать, глубоко сидит в головах нынешних государственных мужей. Вся наша постсоветская жизнь, и вся наша теперешняя политика — это сплошные «жесты доброй воли»... От упрощенного получения российского гражданства для среднеазиатских мигрантов и бесконтрольной, свободно-криминальной «предпринимательской деятельности» до отвода наших войск из-под Киева ради стамбульских переговоров и последующей «зерновой сделки», которой нас, по признанию Кремля, «опять обманули».

Украинский фашистский режим девять лет уничтожает население Донбасса, а теперь уже Новороссии и наших исконных территорий, а государственные мужи всё никак не изживут в себе эти «жесты доброй воли». И самый главный «жест» — высокопоставленное обещание премьер-министру Израиля о сохранении жизни Зеленскому. (Не раз упомянутое в СМИ, это обещание ни разу пресс-секретарем Кремля не было опровергнуто.) Вряд ли можно сомневаться, что только благодаря этому «жесту» был подорван Крымский мост, запускались ударные беспилотники по российским городам вплоть до столицы, вторгались нацистские войска в Белгородскую область и была взорвана плотина Каховской ГЭС. Зачем и кому нужна жизнь Зеленского, мы не знаем, нам не объясняют. Но по причине этого «жеста доброй воли» каждодневно на фронтах гибнут наши солдаты и командиры.

После разрушения Каховской плотины и затопления наших обширнейших территорий с гибелью людей, животных и сельхозугодий Зеленский прибыл погулять в Херсон. Находился он на расстоянии артиллерийского выстрела от наших позиций, но никаких выстрелов в ту сторону от нас не последовало.

Какие-то остроумные умельцы выставили на улице Москвы весьма актуальную инсталляцию: оборудовали на подставке стеклянную коробку с красной кнопкой внутри и подписью: «Красная кнопка терпения». Видимо в ответ на множество раз озвученные Кремлем и МИДом «красные черты», которые фашистская Украина перешла абсолютно все.

Есть много исторических закономерностей, и одна из них такова: гуманность к врагу **всегда, неизменно и неизбежно** становится трагической по отношению к собственному народу. Сталинская гуманность к послевоенной Германии обернулась для нас немецкими танками с крестами, ползущими по земле Донбасса. А хрущевская гуманность к осатаневшим бандеровцам обернулась для нас нынешней кровавой бойней с обезумевшими от злобы нелюдьми.

И еще одна историческая закономерность звучит так: наивысшая гуманность по отношению к своему народу состоит в безоглядной беспощадности к открытому воинствующему врагу.

* * *

Вот она в действии, в реальной жизни троцкистская формула «Ни войны, ни мира», т.е. в самом деле — состояние перманентной (нескончаемой) войны. Казалось бы, войны официально нет, но и мира тоже нет, а есть СВО. Мобилизованные воины гибнут на фронтах, а по всем каналам ТВ идет сплошная развлекуха, песенные шоу и конкурсы, бесконечное «Поле чудес», «Что, где, когда?», «Кто хочет стать миллионером?», «Три аккорда», «Две звезды» и т.д., не говоря уже о трансляции европейских футбольных чемпионатов... Новостные дикторы Первого канала до сих пор, т.е. второй год, осатанелых нацистов называют *националистами*, и ничьи высказывания на этот счет на руководство канала не действуют. А его гендиректор Эрнст из рук президента и Верховного главнокомандующего получает Государственную премию в области литературы и искусства. А заодно **в третий раз** ее получает К.Шахназаров, не слезающий с телеэкранов, как будто на огромных просторах России не хватает выдающихся людей в области гуманитарной деятельности. Ну как же, он ведь «Хитровку» снял!.. (Про бандитский район столицы в дореволюционной России.) Только «Хитровки» нам сейчас и не хватало... Впрочем, всё это как раз и укладывается в вышеуказанную формулу.

Враг идет в наступление, мы обороняемся. Генерал Конашенков озвучивает военные сводки о «впечатляющих», по словам президента, потерях врага — в живой силе и технике.

О нашем собственном контрнаступлении из официальных лиц пока не заикается никто (разглагольствования говорливых телеэкспертов по этому поводу значения не имеют). В таком состоянии *перманентность* войны (СВО) действительно может затянуться надолго. И действительно троцкистская формула «Ни войны, ни мира» воплощается в реальности на наших глазах.

Интернет кишмя кишит «дискуссиями» о «конflikте» Е. Пригожина с Министерством обороны. Что в этих разговорах правда и что ложь, понять почти невозможно. Официальной реакции на этот «конflikт» нет. Якобы Пригожин и его «музыканты» отказались заключать договор с МО об узаконивании статуса добровольцев, чтобы никак себя с Министерством обороны не связывать. Ситуация, конечно, интересная. Я уже писал, что таким вот образом у нас создана как бы параллельная армия, которая может быть опасна для власти. Как говорится, этот джин уже выпущен из бутылки, и загнать его обратно будет очень трудно, если вообще возможно... И эта ситуация только подливает масла в огонь *перманентной войны* под названием «Ни войны, ни мира». Американский ставленник Троцкий знал, что делал, и на сто лет вперед предвидел...

И Европа пока тоже не желает прямого участия в войне, но поддерживает ее горение своими гаубицами, крылатыми ракетами и «Леопардами». А «Леопарды» уже горят, и русский город Шебекино обстреливается французско-английскими ракетами... Европейских трансгендерных лидеров, как и глобалистов США, тоже устраивает эта формула «Ни войны, ни мира». Единственно, кого она не устраивает, это нас с вами, русских людей.

* * *

Вслед за «странной» войной под названием СВО мы услышали не менее странные ответы В. Путина на вопросы военных корреспондентов на их встрече, состоявшейся 13 июня, показанной по центральному телевидению.

Вопросов, причем конкретных, волнующих и армию, и население, было задано много. Но и шаблонных, подготовленных ответов, причем традиционно граничащих с многословной демагогией, тоже оказалось немало. Впрочем, мы к этому давно привыкли. Но странности некоторых ответов на этот раз превзошли границу нашего «понимания» (и снисхождению к ней) обычной речевой президентской двусмысленности.

На прямой вопрос одного корреспондента: где мы остановимся в своем военном столкновении с Украиной и в чём ко-

нечная цель СВО? — Верховный главнокомандующий прямого ответа не дал и ответил как-то уклончиво: мол, всё будет зависеть от итогов наступления ВСУ. А наша спецоперация, мол, нацелена на освобождение Донбасса и новых областей Новороссии, ставших частью РФ. И добавил: мол, ликвидируя вооружение Украины, мы, таким образом, и проводим ее демилитаризацию. Словно забыв о том, что СВО идет в настоящее время на российской территории... То есть, получается, мы проводим демилитаризацию Украины на своей собственной территории... Хотя, как нам казалось после 24 февраля 2022 года, речь шла **о всей Украине**. Собственно говоря, как можно понять, цели СВО за полтора года боев значительно скорректированы...

Ответ на вопрос другого военного журналиста, наверное, привел очень многих наших людей в некоторое мыслительное замешательство, если вообще не в ступор. То ли В. Путин не был готов к этому вопросу, то ли сам не понял, что говорил. Речь зашла о снарядах с обедненным ураном, которые Украине готова поставить, а скорее всего уже и поставила Англия. Журналист справедливо указал: если ВСУ их применят, то произойдет радиоактивное заражение местности, и спросил: как мы будем реагировать на эти действия и не лучше ли их упреждать? Повторяю, ответ Верховного главнокомандующего лично меня и, уверен, очень многих привел, мягко говоря, в замешательство. С какой-то странной блуждающей улыбкой он произнёс следующее: «Упреждать их применение нет необходимости. У нас тоже есть снаряды с обедненным ураном. Если они их применят, то и мы применим». «Где, на собственной территории?! — хотелось мне крикнуть в экран. — Ведь война идет на нашей земле!» В этот момент камера показала напряжённые и недоумённые лица журналистов. Думаю, ответ президента покоробил не только военных журналистов, но всю страну, что в этот час находилась у телевизора.

Еще один вопрос был не менее животрепещущим для всех наших разумных людей, вопрос, который уже просто у всех навяз в зубах: зачем нам т.н. «зерновая сделка», которую мы то и дело продлеваем и с помощью которой Украина, во-первых, получает финансирование, а во-вторых, наносит террористический вред нашему Черноморскому флоту и Крыму? Ответ оказался не менее странным, а точнее говоря, не менее удивительным (стенограмма имеется в интернете): *«На сегодняшний день, я могу ошибиться, но мне кажется, что это основной источник валютных поступлений для Украины. У нее всё остальное практически*

*развалилось... Мы сознательно пошли на это, чтобы под-
держать развивающиеся страны, наших друзей, и чтобы
добиться снятия санкций с нашего сельхозсектора. Нас об-
манули в очередной раз... Сейчас мы думаем над тем, чтобы
выйти из этой так называемой зерновой сделки. Тем более
что те коридоры, по которым идут корабли, постоянно ис-
пользуются для запуска морских беспилотников». И тут же
присовокупил, что в развивающиеся страны поступает
только 3% украинского зерна, а всё остальное зерно идет в
государства Евросоюза.*

Очень хотелось самому себе и не только себе задать воп-
рос: что же это за «сделка» такая, которую мы то и дело про-
длеваем и только лишь «думаем» из нее выйти, но которая не
дает нам возможности продавать собственное зерно, не сни-
мает с нас никаких санкций и к тому же является военной
угрозой нашему флоту и нашей территории? То есть «сделка»
в ущерб самим себе...

Наверное, немалое число телезрителей удивил еще один
ответ В. Путина, касающийся наших переговоров с Украи-
ной. «Я неоднократно говорил о том, что мы открыты к пере-
говорам» — опять повторил он. И напомнил нам о приводив-
ших всех нас в ужас «стамбульских переговорах» весной про-
шлого года, и о «стамбульском договоре», тогда же **парафи-**
рованном российской делегацией и якобы под предлогом ко-
торого мы ушли из-под Киева, Чернигова и Сум. «Договор»
этот он назвал «неплохим» и несколько раз подчеркнул то,
что «стамбульский договор» был парафирован. То есть, как
нужно понимать, — не потерял актуальности, и мы, чего доб-
рого, можем к нему вернуться...

Так уж вышло после этой встречи, что ответы президента и
Верховного главнокомандующего породили множество но-
вых вопросов, которые волнуют и простых людей и серьез-
ных аналитиков в нашей стране.

* * *

16 июня, в своем выступлении на пленарном заседании
Петербургского экономического форума, В. Путин, касаясь
темы украинских неонацистов, сказал нечто, не менее стран-
ное: «Зеленский — не еврей. Он — позор еврейского народа».
Вот такая логика: не еврей, но позор. Так ведь он, Зеленский,
там не один такой. А Порошенко? А Коломойский? А Турчи-
нов? А Яценюк? А Тимошенко? А Гордон с Арестовичем?..
Впрочем, несть им там числа. Или они тоже не евреи, а толь-
ко лишь «позор еврейского народа»? Впрочем, и у нас подоб-
ного позора хоть пруд пруди. Начиная с Венедиктова и Ма-

каревича и кончая «израильтянами» Галкиным с Пугачевой. Не слишком ли много этого позора?

Там же, в Петербурге, В. Путин пооткровенничал: «Мы можем достать любое здание в центре Киева. Можем уничтожить любой бункер. Но мы этого не делаем, потому что не считаем это целесообразным». Интересно было бы услышать ответ на вопрос: отчего же не считаете? Может быть, оттого, что тогда не с кем будет вести официальные переговоры, к которым, по неоднократным кремлевским заверениям, «мы всегда открыты»?..

Хороши же будут переговоры с «позором еврейского народа»...

Но посмотрим на этот «позор» с другой стороны. Ни одна из российских еврейских организаций — ни Федерация еврейских общин России (ФЕОР), ни Конгресс еврейских религиозных объединений и организаций России (КЕРООР), ни Российский еврейский конгресс (РЕК) не выступили с заявлениями об осуждении нацизма на Украине. Интересно было бы узнать мнение В. Путина об этом «позоре» его «еврейских друзей», с которыми он не раз устраивал встречи в Кремле...

Такое поведение еврейских организаций совсем не случайно. Потому что не случайно и даже закономерно было то, что еврейские банкиры в 30-е годы прошлого века финансировали нацистский гитлеровский режим. И эти два факта — нынешняя и прошлая поддержка «еврейским позором» нацизма как такового — главный аргумент против Холокоста.

* * *

Через день после пригожинского мятежа всё в стране вроде бы успокоилось и устаканилось, но наверняка каждого из нас не покидало ощущение того, что центральные власти 24 июня оказались в шоке. Отсюда — мгновенное объявление КТО (контртеррористической операции) в столице и в южных городах, обращение к народу и к армии президента и генерала Суворовкина, а также странное молчание Шойгу... А либеральная «элитка» в тот же день скупила все авиабилеты в Турцию и сняла деньги со счетов в банках... «Страха ради иудейска»...

И возник еще один знобящий вопрос (прежде всего самому себе): почему на подавление мятежа «Вагнера» в Ростовна-Дону был выдвинут чеченский спецназ «Ахмат»?.. И ответы посыпались, как из рога изобилия... Похоже, кто-то опять хотел столкнуть русских с чеченцами. Или были другие причины?..

Американская разведка, как признал госсекретарь Блинкин, знала о готовящемся у нас мятеже. Но отчего же для нашей разведки и для нашей службы безопасности он оказался большим сюрпризом?.. Когда вся страна слышала о громких заявлениях Пригожина и о его претензиях к Министерству обороны... Что, там, наверху, не понимали, к чему дело идет? И 24 июня все вдруг прозрели? Как после грома среди ясного неба...

Поэтому я и спрашивал в своих сетевых постах в тот же день: «Почему это произошло?» Но никто из властей предержавших по прошествии нескольких дней на этот вопрос не дал никакого вразумительного ответа. «Измена», «удар в спину», «предательство» — это констатация последствий, но не ответ на вопрос. И тут важно, чтобы власть хотя бы сама для себя знала этот ответ.

* * *

27 июня в своем выступлении по телевидению В.В. Путин очень сильно удивил страну, открыв нам большой секрет. Оказывается, по словам президента, ЧВК «Вагнер» целиком финансировалась из Госбюджета, и только за один прошлый год на эти цели государство потратило более 86 млрд. руб.

Но вскоре после выступления президента последовало опровержение этих слов депутатом Госдумы Н.А. Останиной в интервью каналу «Царьград». По ее словам, при утверждении Госбюджета Думой никаких расходов на содержание ЧВК «Вагнер» не планировалось. Это означает, что никакого финансирования «Вагнера» из Госбюджета Думой не рассматривалось и не утверждалось. Т.е. Путин опять лукавил и вводил народ в заблуждение. И еще это означает, что в стране есть еще один (или даже не один) бюджет, созданный из народных денег, расходы которого никто не утверждает и который находится исключительно в ведении президента. Вот из него-то, по всей видимости, и финансировался «Вагнер».

* * *

Бывшие вице-премьеры, сбежавшие из страны: Илья Клебанов, Алексей Кудрин, Александр Хлопонин, Яков Уринсон перебрались в Израиль, Виктор Христенко, Ольга Голодец — в Испанию, Альфред Кох — в Германию, Аркадий Дворкович — в США, Игорь Шувалов — в Австрию... При чем И.Клебанов курировал оборонку..

Интересно, надолго ли хватит нынешних вице-премьеров? И если они сбегут, то куда?

Во время «похода» Вагнера в тот же день сбежали сотни приближенных к власти чиновников. Как говорится, знает кошка...

* * *

Ну что ж, нас опять «обманули»... 8 июля Эрдоган вернул прибывшему в Стамбул Зеленскому главарей сатаниско-нацистского «Азова», попавших в плен при освобождении нами Мариуполя. «Азовцы» в сентябре прошлого года при активном участии Абрамовича были неравноценно обменены на наших пленных солдат (в расчете четыре к одному в пользу укропов), вместе с которыми в Москву был доставлен г-н Медведчук. Собственно говоря, именно за него Киев и потребовал выдачу главарей «Азова». Что и произошло, но с условием того, что все они до окончания СВО будут находиться в Турции под присмотром Эрдогана. Но вот пришло 8 июля...

Прежде чем данное условие было нарушено, давно обласканный Кремлем олигарх Абрамович, как сообщает канал «Царьград», успел побывать на Смоленской и Старой площадях... Он был там принят и имел продолжительные аудиенции... Так что выдача головорезов-«азовцев» Эрдоганом Зеленскому, по всей видимости, не оказалась сюрпризом ни в МИДе, ни в Кремле... Но, как мы понимаем, нужно было соблюсти ритуал, и г-н Песков озвучил для СМИ «недоумение президента» этим «странным» шагом Эрдогана... «Нас опять обманули» — оставалось сказать президентскому пресс-секретарю. Но почему-то на этот раз — не сказал...

Главари «Азова» в тот же день вместе с Зеленским вылетели из Стамбула в Киев, где были с огромной помпой встречены ликующей укропубликой, устроившей по этому «победному» случаю громкий митинг, на котором «херои»-нацисты заявили, что после короткого отдыха вновь окажутся на фронте.

Но есть одна надежда: может быть, Бог устроил так, что во второй раз они живыми с фронта не выйдут.

* * *

10 июля стало окончательно ясно, что провластные краснобаи и велеречивые «политические эксперты» в который уже раз оказались в большой луже, а точнее говоря, в полной луже. Им, как говорится, не привыкать, поэтому и эту лужу они проглотили не поморщившись, как будто ничего для них особенного не произошло. Хотя на самом деле, конечно, произошло — и произошедшее оказалось для них довольно нелицеприятным. Доверившись своим лизоблюдским инстин-

ктам, они опять оказались в дураках. Но, можно не сомневаться, и дальше они всё так же будут верноподданно вещать и лизоблудствовать. Кушать-то всегда хочется...

А дело оказалось вот в чём. Наши примелькавшиеся телевизионные краснобаи и чревовещатели, как мы все слышали, поначалу превозносили до небес героев «Вагнера», под руководством Е. Пригожина освободивших Соледар и Бахмут. Вслед за похвальбой В. Путина в адрес «вагнеровцев» эти телекраснобаи не жалели восторженных эпитетов по отношению к бойцам фактически параллельной, самостоятельной, не зависимой от МО армии. Не скрывали они и своего уважительного отношения к Е. Пригожину.

И вдруг 24 июня случилось нечто. Мы всё еще пребываем в недоумении от того, ЧТО случилось. Но это «нечто» тогда же, 24 июня, было президентом Путиным объявлено мятежом и изменой. Мгновенно развернувшись на 180 градусов, наши «политические эксперты» ударились в зубодробительное поношение «уголовного главаря» «вагнеровцев», одним общим воем заголосили об иуде, предателе, пригретой змее, криминальном олигархе и бандите с большой дороги, замыслившем ударить в спину власти, его пригревшей. А отставные фээсбэшные киноржурналисты моментально состряпали «документальный» фильм и показали по центральным каналам «разоблачительное кино» о пригожинских хоробах, его миллиардах рублей в картонных коробках, личном оружии и больничной палате на собственной даче... Вспомнили недобрым словом и про его дочерей... Даже А. Пушкин в своей «аналитической программе» не удержался, чтобы не поиздеваться и не позубоскалить над поваленным медведем...

И вдруг... Да, опять это пресловутое «вдруг». 10 июля г-н Песков на всю страну объявил о том, что 29 июня, т.е. через пять дней после т.н. «мятежа» и т.н. «измены», В. Путин в Кремле встречался с «криминальным главарём» и «иудой» Пригожиным и другими командирами «Вагнера»... Причем встреча эта состоялась в настолько секретной обстановке, что даже и намёка о ней не просочилось ни в какие западные СМИ, не говоря уже о наших. (Потом мельком проскочило сообщение о том, что миллиарды и личное оружие Пригожину вернули.)

И как же повели себя провластные соловьевско-куликовско-скабеевские краснобаи и чревовещатели? А никак. Утёрлись и сделали вид, что не произошло **ничего**. Правда, разглагольствования об «измене» мгновенно исчезли из их чревовещаний... Ну как же! Еще, не дай бог, от кормушки отодвинут...

Что тут поделаешь, приходится им, «очень крутым и сверх-принципиальным патриотам», вертеться вслед за «линией партии». Работа такая.

* * *

В течение двух июньско-июльских недель каждодневно во всех новостях по ящику нам рассказывали о том, как французский полицейский застрелил африканского «юношу», гонящего на чужом автомобиле без правил и без прав и не реагирующего на команды полицейских. Репортажи о том, как французские мигранты после убийства этого цветного уголовника громили французские города, грабили магазины и сжигали полицейские участки, занимали половину новостного эфирного времени российского ТВ в течение полумесяца.

10 июля в г. Электростали Московской обл. двое мигрантов сняли скальп с 19-летнего русского студента. Им не понравился его цвет волос. Ни в каких российских теле- и радионюстях об этом зверском скотстве не прозвучало ни звука. Никакой реакции со стороны властей по этому поводу мы тоже не услышали, как, впрочем, и никакой реакции населения после этого тоже не последовало.

Силовые министры Бастрыкин и Колокольцев не однажды в своих выступлениях и публикациях в прессе высказывались о всё звереющей и многократно растущей азиатско-кавказской преступности в нашей стране. Но все их слова уходили в какую-то ватную пустоту, ни одна из башен Кремля на их выступления до сих действительно никак не отреагировала. Лавинные потоки азиатско-закавказских мигрантов в Россию, как мы видим, никто и не думает останавливать.

Ну что ж, снятый скальп — это первая ласточка определённого положения вещей, первый звоночек переходного недочеловеками порога. Если ящик, вещая о французских мигрантских погромах, помалкивает о кровавых мигрантских зверствах на нашей земле, — значит, это кого-то здесь устраивает, значит, и дальше о снятых скальпах мы будем узнавать только из сарафанного радио. Поохаем, поохаем и пойдем смотреть детективное кино или на бородатого Киркорова в красной юбке в цветном телевизоре... Скальпы какие-то... Там по НТВ маски весёлую попсу горланят! Это интереснее!

* * *

«Украинское членство в НАТО не стоит» — сказал генсек Столтенберг после завершения горячо ожидаемого Украиной

натовского саммита в Вильнюсе. Наконец-то натовский чиновник сказал правду. Не стоит. И уже не встанет. В ответ на это пан Зелэньский на телекамеру 47 раз сказал: «Дякую!» То есть — «большое спасибо». Почему 47 раз — непонятно. Ведь членов НАТО — 31. Видимо, для кого-то из них его «большое спасибо» было удвоенным или даже утроенным.

30 лет натовские генсеки и генералы обещали Украине вожделенное членство, которое, как морковка перед носом осла, все 30 лет маячило перед глазами президентов «нэзалежной». Уж так хотелось им этого членства, так хотелось, так стояло оно перед их глазами, что за это можно было, как в песне, «всё отдать». И отдали. Фактически всё. Ничего уже не осталось от Украины как государства. Ради членства. А оно, как через 30 лет выяснилось, «не стоит».

Ради него, ради этого членства, восемь лет Украина бомбила «собственный» народ Донбасса, ради него полтора года она воюет с Россией и бомбит «собственный» народ Херсонщины и Запорожья, ради него, как пишут штатовские газеты, уже потеряла в этой войне 350 тысяч своих несчастных вэсэушников, ради него, как считают на Западе, подорвала «Северные потоки»... И вот на тебе... Оказывается, это вожделенное членство всё еще не стоит...

НАТО завалило Украину своим вооружением — только воюйте, укрохохлятские громадяне! Только убивайте русских! И убивают. И калечатся на войне. А членства как не было, так и нет. Однако морковка перед носом осла как маячила, так и маячит. Мол, повоюйте еще хотя бы с годик с русскими — а там посмотрим... Может, через год и встанет вопрос членства... Перед очередным саммитом в будущем году мы его опять поднимем общими усилиями... Глядишь, и Турция нам поможет...

Вот только через год, может так получится, что от Украины ничего не останется. Поделят ее между собой сильные мира сего. А как не поделить, если она ради вожделенного призрачного членства сама себя опустошила? За членство можно всё отдать... А пан Зелэньский в своей милитаристской маечке через год, через два будет попивать пивко где-нибудь на Бродвее или на Брайтон-Бич... И, конечно, не менее 47 раз скажет кому-то: «Сенк ю!»

Так что, «дорогие россияне», не только нас «опять обманули».

* * *

Мелкая и подлая душонка только и способна на мелкую и подлую гадость. Эти укрохохлятские ублюдки опять подорвали Крымский мост. Не дает он им покоя. Конечно — с

помощью англо-саксонских моральных уродов. Но на этот раз СБУ сразу объявила о своей «успешной операции» в Керченском проливе, после чего последовало уличное ликование населения укрохолятской столицы. А В.Соловьев всё продолжает впаривать нам эту туфту: «Я люблю украинский народ! Он ни в чем не виноват!» Но у этого «народа» 17 июля был праздник: напичканный тротилом морской дрон взорвался под Крымским мостом, обрушив один пролет автострады, в результате чего погибла белгородская семья, ехавшая на своей машине отдыхать в Крым. Раненый ребенок остался без родителей. У мелких и подлых душонок в этот день был большой «душеподъемный» праздник.

В ночь на 18 июля наши крылатые ракеты «Калибры» из акватории Черного моря ударили по одесским и николаевским портам и цехам, где изготавливались и откуда запускались укрохолятские морские дроны. Наш народ волнуется один безответный вопрос: почему раньше этого не делали? Чего более года ждали? Если бы сделали это раньше, то не было бы 17 июля у мелких и подлых душонок никакого праздника.

Всё играли в «зерновую сделку»... Доигрались. И опять — «нас обманули», и опять — Крымский мост подорвали... Не надоело играть в наперсточные игры с мелкими, подлыми душонками и моральными уродами? Само слово «сделка» несло в себе негативный смысл. Но даже это не останавливало.

Все понимают, что Крымский мост — это символ побед России. Вот поэтому по нему и бьют. И нам нужно поступать так же. Одним из зловещих символов нацистско-фашистской Украины является СБУ. Вот туда и надо бить «Калибрами». Пусть даже там не будет никакого руководства, пусть они сидят где-то в загородных бункерах — не важно. Важно — бить по символам врага. Чтобы все видели развалины этого гестаповского учреждения. Видели и дрожали от страха.

* * *

На киевских площадях больше не скачут. И на одесских тоже. И даже на львовских и тернопольских... Странно... Отскакали, что ли? А «кто нэ скаче, той москаль!» Неужели все «Вукраине» в москалей заделались? Что, не тянет больше скакать? Или не до этого стало? Молодых балбесов захомутали в ВСУ, и теперь они по окопам скачут, или уже навсегда отскакали. А молодые дурочки ломанулись в Эуропу и теперь там промышляют проститутками или чистят дорогие хохлятскому сердцу унитаза. Одним словом, наконец-то нашли себе применение. И не скачут больше, и размовляют в основном на москальском языке...

А сколько хитроумных хохлов спряталось от мобилизации в России! И возвращаться они не собираются. Глядишь, в скором времени вся «Вукраина» очистится от хохлов — одни сами разбегутся по разным сторонам света, другие на фронтах головы сложат. И останутся в ней одни москали — русские старики и дети. А хохлятская территория, как и прежде, вновь станет русской землей. И больше никто на ней не будет с тупым гоготом зомбированно скакать.

Но для этого каждый русский вежливый солдат (независимо от его национальности) должен негромко, без всякой нецензурины сказать жиду Зеленскому: «Пошел вон, мразь, с русской земли!» И вслед за ними это должен сказать каждый русский генерал, каждый министр и президент России. А кроме них, это должен сказать каждый крылатый «Калибр», «Циркон» и «Ланцет». Чтобы не только от жида Зеленского, но и от всего его грязного окружения на русской земле Украины духу не осталось. Все разбежавшиеся прыгуны и скакуны после очень внятных слов «Калибров», «Цирконов» и «Ланцетов» очень быстро и покладисто в москалей переделаются. А если захотят прыгать, то только в высоту через планку. У хохлов, кстати сказать, это неплохо получается...

* * *

Арестован Игорь Стрелков. Тот, кто воевал за Донбасс. Кто, собственно, и начал эту войну с фашистским режимом Украины. Первый министр обороны ДНР. Какой подарок для либеральной тусовки! Она уже злорадствует.

Как бы кто ни относился к Стрелкову, но факт его ареста вызовет волну недовольства и среди населения, и среди военных, особенно в низовом составе воюющих бойцов. Уверен, будет много критических высказываний по этому поводу. Только утихли споры и рассуждения о мятеже Пригожина и его «Вагнера», как теперь начнутся кривотолки в связи с жестким по отношению к власти политическим и военным оппозиционером Стрелковым. А ведь он, как бы там ни было, вещал из стана патриотов. И сам себя называл патриотом до мозга костей. Что, еще один «изменник»?.. Теперь уже «изменник-экстремист», арестованный по 280-й ст. УК. За русофобию еще не осудили никого.

Все-таки с прямыми, жесткими русскими патриотами нормальные отношения у власти до сих пор не завязываются... На фоне предательства страны обласканных властью и одаренных орденами и деньгами спортсменов и артистов. Как-то это символично и почти одновременно произошло — предательство России Е. Исинбаевой и арест И. Стрелкова. При-

чем на исинбаевское предательство ни одна из башен Кремля никак не отреагировала. Даже министр обороны Шойгу, который присвоил ей звание майора, от которого она теперь легко открестилась ради должности в русофобском МОК, не проронил по этому поводу ни звука.

И что-то мы ничего больше не слышим о генерале Суворикине...

В тот же день, 21 июля, мигранты с криком «Аллах акбар!» прошли несанкционированным маршем по центру Москвы. Власть их даже не заметила, а полиция вообще никак не отреагировала. Кто бы сомневался: это, конечно же, не экстремизм.

В. Соловьев в **каждой** своей телепрограмме призывает нанести ядерный удар по Европе. Но за экстремизм будут судить Стрелкова.

Судья отклонила просьбу И. Стрелкова о домашнем аресте и отправила его в СИЗО (следственный изолятор) лефортовской тюрьмы.

* * *

21 июля в телеобращении к Совбезу России В. Путин сказал нечто очень важное для тех, кто умеет слушать и понимать, по поводу дальнейших событий на Украине. После этого обращения естественным образом не могла не возникнуть мысль о том, что закулисная договорённость с Западом или уже состоялась, или запланирована к осуществлению, и Путин в нескольких словах озвучил основные положения этих прошедших или будущих переговоров. (Ранее в СМИ сообщалось о встрече и многочасовой беседе глав внешних разведок России и США.) Вот главные слова нашего президента, которых подавляющая часть слушавших «россиян», скорее всего, не поняла. Но, по всей видимости, ради них и была вся эта многословная «крутая» патриотическая речь президента: «Если польские части войдут, например, во Львов или другие территории, то они там и останутся. Причем останутся навсегда... Но это дело киевского режима... Это их дело... Мы в это вмешиваться не будем... А вот Белоруссию защищать будем, если поляки попытаются ее оккупировать...»

Повторяю, по всей вероятности, исключительно ради этих слов и была произнесена большая речь Путина, в которой его слова о Сталине, о Советском Союзе, о территориальном подарке Сталина Польше были ради «патриотического» камуфляжа для нашего населения. Не сомневаюсь, что на Западе все те, кому было нужно это понять и услышать, — по-

няли и слышали. То есть война еще какое-то время будет продолжаться, но Украина, как надо понимать, уже готовится к разделу.

Но тут нашла коса на камень. Уже через два дня, 23 июля, в Москву к Путину срочно прилетел Лукашенко. Их публичные «переговоры» показали по ящику. «Для нас это неприемлемо!» — заявил он на всю Россию. Что именно? А то, что кто-то с кем-то договаривается о передаче Польше Западной Украины. Действительно, для Белоруссии эта передача будет смертельной опасностью, т.к. намного увеличится польско-белорусская граница, и Белоруссия, таким образом, фактически попадет в частичное окружение Польшей. Насколько сразу нужно будет увеличивать оформление, вооружение и содержание этой границы! Но российская публика, конечно, опять же ничего не поняла, усыпленная патриотической демагогией и выражением глубокого удовлетворения от прекрасных отношений с нашим верным союзником. Словесную реакцию Путина на естественное и вполне понятное опасение Лукашенко ящик нам не продемонстрировал. Во время выступления Лукашенко, как мы все видели, он, откинувшись на спинку кресла, безэмоционально молчал с опущенными глазами. Что было потом — мы не знаем.

* * *

Хорошо известно, что г-н Эрнст пригласил на Первом канале ТВ иноагента Галкина, русофоба Урганта, сиониста Познера и откровенную бандеровскую мразь Янину Соколовскую. Кстати, Соколовскую долгое время зачем-то приглашали в качестве «эксперта» и на другие телеканалы. Но вот наконец-то против нее возбуждено уголовное дело за распространение лжи. Произведен обыск в ее съемной квартире в Москве. Но сама она успела скрыться. Видимо, кто-то здесь ее предупредил. В ее съемной квартире обнаружены крупные суммы денег в рублях, долларах и евро, которые она, как надо понимать, не успела переправить «Вукраину». Наши телеканалы, и прежде всего Первый, где она прижилась надёжно и витийствовала практически ежедневно, платили ей большие гонорары, переправляемые ею в «рідну нэньку» и в Израиль, где у нее находится родня. И ведь таково всё наше российское телевидение. Другие зарубежные «эксперты» витийствуют на нём до сих пор — из той же «Вукраины», из Чехии, из Германии и даже из США. Один Майкл Бом чего стоит!.. И если бы не возбудили уголовное дело против русофобки Соколовской, она бы и дальше ехидничала на Первом под крылышком г-на Эрнста.

Наш министр обороны С.Шойгу прибыл в Северную Корею договариваться с ее военным руководством, о чём прямо говорят все наши новостные каналы, о поставках в Россию снарядов и беспилотников. Но весь абсурд ситуации заключается в том, что Россия задолго до СВО по требованию США ввела против КНДР экономические санкции. И почему они Кремлём до сих пор не отменены, даже накануне поездки Шойгу, нормальным сознанием понять невозможно. Это, конечно, поразительный факт для российской истории — договариваемся о военной помощи со страной, находящейся под нашими санкциями... Впрочем, это лишь часть абсурда ситуации...

Наконец-то каждую ночь в конце июля наши крылатые «Калибры» и «Кинжалы» начали бить по подземным командным бункерам «нэзалэжной», по портам в Одессе и на Дунае, а также по мостам и складам вооружений на Западной Украине. Мы давно этого ждали. И продолжаем ждать, когда будут нанесены удары по правительственным зданиям в Киеве. Ждем, когда будет уничтожен подонок Зеленский и ликвидировано его ближайшее фашистское окружение.

И уже пора переходить в наступление. Зеленский и его банда решили уничтожить Православие в Киевской Руси. Значит, надо брать Киев.

Польша разрушила у себя все памятники советским воинам. И в этой связи совершенно непонятно, зачем мы сохраняем и содержим в Катыни Смоленской области целый мемориал расстрелянным в 1941 году польским офицерам? Это при том, что поляки в их расстреле обвиняют НКВД СССР, в то время как существует множество доказательств того, что это сделали немцы. При таком наглom отношении поляков к нашим памятникам да и к России в целом сохранять «катынский мемориал» не имеет никакого смысла. Тем более что он — еще одно лживое наследие Ельцина.

Кого я ни спрашивал, все, стопроцентно, убеждены: катынское позорище нужно ликвидировать.

Наталья КОПЫТЦЕВА,
кандидат филологических наук

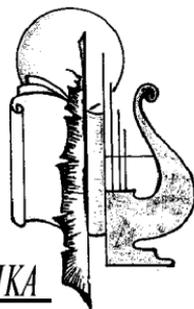
ВСЁ БЫЛО НЕ ЗРЯ...

Памяти поэта Леонида Усяченкова

Не в землю сырую, не в темень глухую,
А в дождь золотой, в лебединый рассвет
Уходят поэты, любя и тоскуя,
В лугах заливных их теряется след.
Уходят поэты, уходят без страха,
Уходят, чтоб там, за последней чертой
Не в пыль превратиться, не в горсточку праха —
А вспыхнуть звездой... Звездой... Звездой...

Л. Усяченков. Памяти поэта Евгения Курдакова

Лёня... Леонид... Леонид Федорович Усяченков... Добрый человек, бескорыстная душа, скромный, чуткий, ранимый, остро чувствующий жгучую связь со своей малой родиной — деревенькой Кулотино Окуловского района Новгородской обл. (с которой выпало ему «и горе вековать и горести нести скупые»), а через нее и с Родиной большой. Связав их воедино, он посвятил им много поэтических строк.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

*С тобою мне и горе не беда,
И счастлив я, пока на свете белом
Звонит в ведре колодезном звезда
И школьники стучат о доску мелом.*

Третья строка так понравилась замечательному поэту Евгению Курдакову, что свое предисловие к первому поэтическому сборнику Леонида Усяченкова «Русская осень», вышедшему в 2002 году, он назвал «Звезда в колодезном ведре...» Евгений Васильевич ко времени встречи с начинающим поэтом был уже смертельно болен. Пронзённый неотвратимостью конца поэта и мужественным предстоянием перед уходом в вечность, Леонид Федорович посвятил ему стихотворение, как бы предваряющее и его недолгий земной век.

*Я дома, а не на постое!
Мне музыки слаще любой
И ветра метельные стоны,
И скрип половиц под ногами.
Не здесь ли, в забытой, в родимой
Сосновой глуши, не спеша,
Как гроздь придорожной рябины
Моя вызревала душа?
Не здесь ли впервые, как счастье,
Как дар, ощутил я в себе
Всей кровью своею причастность
К Отчизне и русской судьбе?
И тем, может быть, что покуда
Ни словом в стихах не солгал,
Обязан я сельскому люду,
И пашням сырым, и лугам,
И дому, в котором родился...*

Не случайно открывается его первый поэтический сборник стихами о том далеком далеке, «где чудится скрип колыбели, где мамины песни звучат».

*Что он значил, тот мир изначальный —
Вишни белые, дождь золотой,
Милой матери голос печальный,
Что так грустно звонит надо мной?*

Родные, русские корни, «тот уголок земли родной» глубоко вкоренились в сердце поэта, прикипели к нему, и многая заслуга в том его незабвенного деда — неутомимого труже-

ника на необъятной русской ниве. Когда пришел суровый час испытанья, не колеблясь дед сменил мирные свои «профессии» на военную — стал рядовым солдатом войны, защитником своего дома, своей Родины, а после ее окончания — вновь мирный труженик, оплот родимой земли.

*Под Белой Церковью осколок
Его задел, но не убил.
Потом — Урал, завод военный,
Победа! Долгий путь домой.
Потом... Я помню: дождь осенний
И холмик с траурной звездой...
Ах, дед мой, дед! Душа простая!
Мир светлый праху твоему!
Уроковой черты, у края
Кому оставил ты, кому
Свой сад и песни лиховые
Про «беленьку» и «ероплан»,
Те дни и годы золотые,
Тот легкий ивовый туман?*

Да мальцу своему всё это и оставил, тому, кто, бережно храня дедовы заветы, выкликнет в сердцах:

*Ни за какие в мире блага,
Ни за какие чудеса
Не променяю горстку ягод
С обледенелого куста.*

А когда внука «железная дорога в дальний город позвала», он всегда будет помнить неброскую красоту родной кулотинской земли и просить Всевышнего лишь об одном:

*Чтоб не закрыл туман дорожный
Тот край — Отчизны уголок,
Где лес и речка луговая,
Где, как и в лучшие года,
Горит, горит, не угасая,
На дне колодезном звезда...*

«Человек есть память», — не раз повторял наставник Леонида Федоровича Е. В. Курдаков, и тот являл эту воплощенную в слове и в деле память, которая разгоралась в сердце веселым костерком от «немеркнувших ликов» ушедших друзей и наполнилась болью от «нескончаемых разлук» и утрат.

Ничего не забыл он из того, с чем сподобил Господь ему встретиться на земном пути.

Ему было ведомо — ничто на земле не проходит бесследно, и он не позволял себе ни при каких обстоятельствах беспощадно *сжигать за собою мосты*, был *не из ловчих, а из певчих*, любил не брать, а отдавать, одаривать — словом, лаской, улыбкой, чем мог; просил у Бога не «райской жизни без скорбей», а «света и покоя» для тех, кого любил, на встречу к кому шел «тревогой маясь и разбивая ноги в кровь».

*И шепчу я далекому свету,
Чуть сквозящему в темных ветвях:
Незванная, тихая, где ты?
Ты в каких затерялась мирах?
Пусть хоть позднее это свеченье
Озарит и приблизит на миг,
На единое только мгновенье
Твой судьбою не явленный лик.*

Были и *явленные лики* в его незадачливой судьбе, когда, казалось, — вот оно, то самое, искомое, настоящее, желанное, долгожданное... И тогда отпускали тревоги и боли, соловьями заливался ошастливленный куст, и становилось всё удивительно просто и ясно: всё, чего он добился в этой жизни, — благодаря тем, кого любил и кто его любил.

Он понял вслед за Пушкиным: «На свете счастья нет, / Но есть покой родной земли, / Есть воля тайная поэта...» Эта *воля*, «любовь и тайная свобода» внушили и его сердцу *гимн простой*, и ему открылась простая истина: «Пока еще не вышли сроки, / Покуда пламень не погас», живи, люби, благодари, спеши делать добро, неси людям *свет добра и надежды*.

Он считал свое поэтическое творчество — данным свыше *наказом и поручением* и поэтому держал ответ перед каждым словом, ему было *предпочтительней уста замазать глиной, чтоб только ни единым словом, ни единой строчкой не солгать*. О том же он писал в одном из писем: «Насиловать себя, выдавливать, как из тюбика пасту, рифмованные строчки не обязательные — зачем?» — Зачем убивать и время, и странство, и собственную душу?!

Особенно близки ему были Пушкин, Лермонтов, Бунин, Сергей Есенин, Николай Клюев, Борис Примеров, Евдоким Русаков, Николай Рубцов, Евгений Курдаков... Из прозаиков — Валентин Распутин, Василий Белов, Василий Шукшин, Виктор Астафьев...

Трудно сказать, что ему было дороже — поэтическое или учительское мастерство, ведь профессия учителя — это тоже творчество, и он пытался сотворить в школе свою «педагогическую поэму», был замечательным школьным учителем, учительствовал в разных уголках Новгородчины, считал своим долгом «приобщать школьников к русской классической литературе, пробуждать в них «чувства добрые», прививать любовь и вкус к художественному слову», к тому Слову, которое *было вначале*, с которого *началась святая Русь*.

В «Песне о школе» (именно в «Песне») особенно остро ощущается, как высоко взлетали его мысли и чувства о школе, о детях — «Школа — мой свет негасимый, / Труд мой, забота и боль...»

*Может быть, в этом и счастье
(Где мне другое искать?) —
Утром в притихнувшем классе
«Здравствуйте, дети!» — сказать.
Может, всё лучшее в сердце
Высветить мне помогло
Это за партами детство,
Глаз неподкупных тепло.
Может, от сотни ошибок
Вы оградили меня,
Сотни ребячьих улыбок
Ярче июльского дня...*

Будучи человеком мятущимся, страдающим Истины, он, между тем, всегда стремился к целостности, к гармонии, к возвращению туда, откуда *все мы родом*, — в *мир детства*,

*...где речки синее излука
И катятся санки с горы,
И теплые мамыны руки
Мальчишечьи гладят вихры.*

Мир детства дышал в нем и отражался *легкой прозрачной тенью в учительском окне*. Ему нравилось «возиться» с детьми. Он читал им стихи, ставил с ними поэтические музыкальные представления. Осталась аудиозапись одного из них — «Маленького принца», стихи и музыку к которому написал, по обыкновению, сам. Помнится, как-то читала это стихотворение в любимой своей Бронницкой Воскресной школе и услышала детский голосок: «А как стать «маленьким принцем?» («или «маленькой принцессой», — за-

стенчиво продолжила девочка.) Это лучший плод поэтического творчества.

*Маленький принц мой, посланец из детства!
Звёздные льются на землю дожди.
Слышу, большое и зоркое сердце
Трепетно в маленькой бьется груди.
Маленький принц мой, скиталец нездешний,
Вновь ты спешишь чью-то боль утолить.
Вот потому-то добра и надежды
Не обрывается тонкая нить.
В мире людей и тревожно, и грозно,
А на далёкой планете твоей
Ждёт тебя юная нежная роза,
Лёгкие бабочки кружат над ней.
Там незакатное солнышко светит,
Даже вулканы беды не сулят.
Маленький принц мой, и всё же на свете
Нету прекрасней планеты Земля.
Не осуждай нас, безумных и грешных,
Не разучились ещё мы любить.
Вот потому-то добра и надежды
Не обрывается тонкая нить.*

Подобно маленькому герою своего любимого писателя-летчика, он вновь и вновь спешил утолить чью-то боль, озарить чью-то душу негасимым светом своего сердца, своей поэзии. *Вот потому-то добра и надежды* никогда не обрывалась *тонкая нить золотая*, связующая его и с родительским домом, и с вишнево-яблоневым садом за его оконцами, и с заливными лугами, лучащимися вдали, и с друзьями детства и юности, с которыми «в дружбе клялись», и со школьной детворой, и с любимой женщиной, и со страждущей его Родиной.

Радостно сознавать, что на нашей древней Новгородской земле вызревали, как гроздь заоконной рябины, его стихи, отзываясь, откликаясь в дальнейшей его творческой судьбе и в сердцах его благодарных читателей светлой музыкой воспоминаний.

Он и сам был благодарным читателем, учеником, студентом, просто (что очень непросто) благодарным человеком, в ком «память сердца сильнее памяти рассудка». Этот благой дар, казалось, сросся с его душой и с годами упрочивался и приумножался.

Благодарностью и любовью дышат его стихи о природе, и любовь эта небезответная, взаимная. Природа — его друг, советчик, врачеватель. Она у него (прибегнем к помощи Ф.И. Тютчева) «Не слепок, не бездушный лик — / В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык...» Она живет, дышит, волнует, тревожит. Не только он ее остро чувствует, видит, слышит, с ней беседует, но и она волнует, сочувствует, утешает и, щедро им воспетая, струится навстречу ему солнечным лучом, сияет белоснежным цветением вишен, пробивается свежей зеленью сквозь прошлогоднюю траву, горит в нем гроздьями жарких рябин, подобных чьим-то *обнаженным сердцам*. Вместе с ним *думают старинную думу сосны*, клен золотисто-багровый, иль березка, иль тополь доверчиво кладут свой листок на его плечо, *словно верный друг ладонь*.

Бабье лето, хрустальная осень, серебристая зима, белопенная весна, как и дети, и друзья, и подруги, благодарно одаривали его теплом и любовью. С ними легче дышалось, острее виделось и слышалось, слаще любилося и легче горевалось. И когда одинокими злыми ночами сердце разрывалось в клочья от неразрешенных коренных вопросов и кругом шла голова, он брался за гитару и, перебирая струны, увещевал себя:

*Что ты, жизнь моя, что ты?
Сердце бьется больней
В час осенней дремоты,
Неподвижных теней.*

*Разве ты не сложилась,
Если горечь твою
Принимаю, как милость,
И, страдая, люблю?*

Постепенно успокаиваясь, пел новые свои песни-благодарения за всё, что открылось ему в его *несказанном краю*, —

*За росу на траве, перекаты речные,
За нечаянный дар и призванье свое,
Что живу не в столице — в глубинке России,
В самом сердце блестящем ее.*

Понимал: жизнь его была, потому что любила и учила науке преодоления ее неизбежной трагичности.

Название первого сборника «Русская осень» говорит об особой значимости этого смыслообраза в творческой судьбе поэта: «О, русская осень! И холод, и пламя, / И горечь калины речной...» — это ведь трепещущая на ветру семи холмов жертвенная, ищущая ответов на последние вопросы бытия неисповедимая душа русского поэта, принимающая, в конечном итоге, жизнь как Божий дар.

*О, русская осень! Полночные дали,
Безмолвие лунных полей...
И нету на свете смиренней печали,
И нету печали родней.
В такую вот пору без муки и крика
Я б умер, тобою дыша...
О, русская осень! Так тихо... так тихо,
Что слышно, как плачет душа...*

Поэт печален, но грусть его по-пушкински светлая (как сказано в Библии, «сердце мудрых в доме плача»).

Проявление в нём христианского добротолубия (раскаяние, покаяние, осознание своей с виной и без вины виноватости, готовность прощать) укрепляло его духовный стержень, формировало его поэтические ухо и глаз, заседало добротными зернами его художественное поле. Поэтому мирно ужились в его стихах скорбь с радостью, прощание с прощением, *души натруженной полет*, тоска по *другой* жизни, по инобытию с любовью к земле, *нарядной бабочки полет с чайником*, что *заливается на кухне*, — всё обрело *суть и смысл*, свою неповторимую ценность — даже такая прозаическая «вещь», как огород —

*Мое несметное богатство,
Где не в ходу, не в счет рубли.
Любви зеленое пространство —
Клочок возделанной земли.*

Она воздаст сторицей...

Что это, как не вплотную подступившая творческая зрелость — пора плодоношения, когда

*Тревог не помня и обид,
Душа прозрачной паутинкой
Над миром солнечным летит...*

Когда вечер жизни еще дарит надежды,

*И так далек последний час...
И песня, яблоком созревшим,
На землю падает, светясь.*

Подступали последние сроки —

*Сердце чутче и зренья острее!
Тяжелей и весомей слова.
Замедляясь, сгущается время —
Это зрелость вступила в права.*

Всё тревожней, всё пристальнее вглядывался поэт в седые утренние дали, в прошедшие лихие 90-е; давали о себе знать бытовая неприютность, безденежье, одно время пристрастился даже к спиртному со всеми вытекающими отсюда последствиями (тяжкие похмелья, депрессии, отчуждения от семьи, неприятности, выговоры и предупреждения за прогулы на работе, и это при том, что начальство ценило его как учителя).

Пытаясь справиться с бедой, установил для себя сухой закон и перебрался на жильё в интернат, чтобы не травмировать близких. Вновь и вновь вспоминал студенческие годы, жалел, что много не добрал из предоставленных возможностей.

Наше общение с ним прервалось на долгие семь лет. «За это время, — писал он (в который раз переключаясь с Пушкиным), — много переменилось в жизни для меня, и сам, покорный общему закону, переменился я». Он остро нуждался в сочувствии, в поддержке, просил молиться за него, чтобы Бог помог ему «обрести свою интонацию, «самостоянье». Хотя к тому времени он обрел уже свой слог и ритм, свои смыслооборазы, подобрал ко многим стихам музыку.

Как все доброносные, добросовестные люди, он любил детей, и любовь эта была взаимной, но, пытаясь изменить что-то в себе, в окружающей среде, решил окунуться в «гущу жизни», «потолкаться среди людей» и, внимательно всматриваясь в их лица, найти на них отблески небесного огня, вытащить на свет «яркое, здоровое, обнадеживающее...» и самому стать лучше и чище, «любой беды сильней».

Леонид Федорович решил перейти на работу в районную газету, но «расцвести» и «мир переиначить» ему не удалось — здесь столкнулся он с еще большей рутинной, чем в школе: «Безликость, бесконечные унылые сводки... перепечатки, опечатки, дразги, склоки, крохотные зарплаты, кадровая текучесть...» Правда, как-то в одном из номеров газе-

ты неожиданно прочитал весьма приятный для себя отзыв о своей «прекрасной лирике»: «Стихи написаны душой, без ремесленничества и заданности... не грех изумиться тому обстоятельству, что в наше время живут люди с таким образом мышления, такой духовной обостренностью». Но это едва ли не единственная добрая весточка из его «газетной» жизни.

Не выдержав газетной суеты, вскоре снова подался в школу — «там всё же меньше всевозможных циркуляров, инструкций и пр.» А главное — «учительство... дает возможность остановиться, оглянуться, послать подальше все эти программы и инструкции и делать свое дело... отказаться от авторитарности, давления, принуждения, серьезно заняться духовно-нравственным воспитанием своих питомцев».

Жизнь под прессом коммунистической идеологии представлялась теперь «затонувшей Атлантидой — лишь кое-где жалкие островки...» Однако вскоре пришло горькое прозрение — учебный процесс чиновники из Министерства образования превратили в предоставление учащимся образовательных услуг. Школу тянули ко дну, казавшиеся в Лету «свинцовые мерзости» — «бумажная волокита, скучные необъятные отчеты, мало укомплектованные классы, появилось много умственно-отсталых детей, не способных усвоить учебную программу, внимательно слушать, внятно говорить — никакой отдачи». Отдачи всё-таки, конечно, были, к примеру, на вопрос: почему Дубровский не убил Трокурова, не тронул кн. Верейского, шестиклассница написала: «Любовь сильнее зла».

Несколько раз пришлось прослушать обязательные курсы повышения квалификации, впечатление от которых осталось мрачным: «Обидно, что к тебе относятся как к школяру. Вроде и тематика прекрасная — Достоевский, Булгаков, цвет, символика, христианские мотивы в русской словесности... а всё поверхностно, плоско, ужасно похоже на «лошадки кушают овес и сено...»

Сам он вел уроки своеобразно, сдабривал их стихами, песнями под гитару, неожиданными вопросами, интерпретациями, но всегда оставался недовольным собой — «лишь бы не навредить, не отбить охоту, не оттолкнуть. Просто перечитать «Ревизора» с карандашом в руке, прийти в класс и пожалеть бедного Хлестакова, которому «только и нужно, что уважение и преданность, преданность и уважение»; а заодно и городничего, который прозревает: «Ничего не вижу, вижу только свиные рыла вокруг». И задать вопрос: «Если бы Пушкин убил Дантеса, а не наоборот, сумел бы он создавать Красоту? Ведь «гений и злодейство две вещи несовместные»?!

Надо было что-то срочно предпринимать в учебно-воспитательном процессе. Помня завет Пушкина — «самостоянье человека — залог величия его» — решил увеличить на уроках литературы количество часов на знакомство с историей Священного Писания. Перед каждым уроком обращался молитвенно к Отцу Небесному, чтобы послал Он ему «прощение за прегрешения» и помог преодолеть лукавые сети, расставленные безграмотным Министерством образования. Однако вновь испытал «раздерганность чувств». Рядом со школой на месте бывшей церкви стоял клуб — «...увы, проклятый атеизм слишком глубоко сидит в нас... Вот она, наша действительность... И тогда не являются ли мои беседы о Христе просто рассказами, вызывающими в учениках внутреннюю усмешку. Да и сам-то я имею ли право говорить о Боге, когда в душе нет ни покоя, ни смирения, ни любви к ближнему (после четырнадцати вместе прожитых лет не нашел в себе сил смириться... и ушел из дома, где подрастали две его доченьки — его «неизбывная боль»).

И всё же вскоре убедился, что не зря вернулся в школу. Понемногу «жизнь как будто вошла в берега, / Далеко не кисельные, правда, / Но зато там, на левом — луга, / И высокие сосны на правом...» Возвращение к детям влило в него свежие силы, вдохновило на одну из лучших *песен о школе*. Общаясь с учениками, он ощущал себя и выше, и чище. Решил серьезно заняться художественной самодеятельностью, организовал литературно-музыкальный кружок «Свеча», привлек в него не только учеников, но даже некоторых родителей и учителей. Работа закипела — репетиции, беседы о смысле жизни, о поэтах, писателях, вечера памяти Булата Окуджавы, Николая Рубцова, имеющее большой успех сценическое представление «Наталья Николаевна Гончарова». Он увидел, как всё это важно, как оживились дети, какой душевный подъем испытал весь коллектив школы.

И все-таки всего этого было недостаточно. Как воздуха, не хватало человеческого общения («задыхаюсь в духовном вакууме»). Отбившись от стаи сытых *ловчих*, ощущая себя *другим*, маялся, томился сердцем «до белого каления дошедшего листа» по *другой жизни*, что грезилась в полночной дремоте, — «в ней нет ни горечи, ни лжи...» — в ней всё иначе. Ему уже сорок, а жизнь пронесется мимо и «время уходит куда-то сквозь пальцы песком золотым...» В письмах продолжали звучать неумолкающие вопросы: где искать ему эту жизнь другую, в каких пределах? «Сколько сделано непростительных ошибок... что впереди, какая цель, перспектива?» Преклонялся перед теми, кто выполнил свое предназначение.

ные, свою сверхзадачу, кому Бог дал на то и мужество, и силу, и талант. «А какая у меня сверхзадача, и в чем разгадка моего существования? — Вырастить детей? Стать хорошим учителем? Написать нужную книгу? И в том, и в этом? Но хватит ли меня на всё? Может быть, необходимо на что-то решиться, сделать какой-то шаг, чем-то пожертвовать? А я сижу сложа руки и боюсь всяких перемен, всякого сомнительного решения».

Господь вскоре разрешит его мучительные сомнения, «посетив» смертельною болезнью и уложив на больничную койку. Не знак ли это того, что свое земное предназначение он уже выполнил, а сверхзадача — это дело уже святых. Может быть, напрасно он так строго корит, винит себя, быть может, это последние сроки предъявляют ему свои права, и его «Всё... имущество, / И в этом преимущество, / Терпение и мужество, / Да стол, да белый лист»?!

Не переставая трудиться душой, терзаясь и томясь, он всё пристальнее и нежнее всматривался в родимые пред-рассветные дали, и ему открылась простая истина — вот оно, его «счастье дней неторопливых» — его «низкий домик деревянный / С чуть покосившейся трубой», его незыблемая связь «с любой былинкой неприметной / И с ветром в солнечной листве».

Всегда рядом его верные врачеватели — шестиструнная лира, песни-стихи и его верный, благонадежный *огонек* — лампадки, свечи, костерка; в грустной круговерти листопада разглядел он однажды *обожженный огненный листок*, уподобив его *живому и трепетному клочку чьего-то разорвавшегося сердца*; да и его сердце горело неспесивым, трепетным огнем до последнего дыхания, *покуда вовсе не угаснет в золе последний уголек...*

И всё же каждый день встречал и провожал он с выслезленными от боли глазами, всматриваясь вдаль — не мелькнет ли там, на горизонте, его *белый парус надежды*.

Между тем, болезнь прогрессировала. С каждым сеансом химиотерапии жизненный тонус резко падал, и тогда накачивало отчаянье, одолевали невеселые думы: «За что, почему так всё случилось?» Сам же и отвечал: «Кроме себя самого винить некого. Я сам себе порешил жизнь». Дали вторую группу третьей степени — нерабочую, с пенсией в четыре тысячи рублей. При всём хорошем, уважительном отношении к нему школьной администрации из школы пришлось уволиться.

Чтобы не беспокоить родителей, собраться с мыслями, обдумать свою дальнейшую жизнь, снял комнату в общежи-

тии и вновь почувствовал потребность хотя бы в минимальном общении («надо, чтобы человеку было куда пойти»). Руку помощи протянула семья Щербаковых — Николай и Галина. В их лице он обрел добрых друзей, понимание, уют. Будучи директором Кулотинского дома культуры, Галина нашла ему работу в драмкружке, организовала успешное его выступление в клубе. В письме от 7 июня 2005 года (за год до кончины) он писал: «Положили устраивать подобные мероприятия раз в месяц: выступление местных стихотворцев, встречи с интересными людьми, небольшие концерты, чаепития и т.д. Главная цель — объединить местную интеллигенцию, творческих людей, создать что-то вроде своего клуба», а со временем — литературно-художественный кружок с привлечением школьников, устройением литературных вечеров, постановкой спектаклей и пр. Словом, несмотря на все превратности судьбы, «приступы тоски, ощущение одиночества, собственной невостребованности, ненужности... — всё это имеет место» — всё же сознавал, что «отчаиваться не стоит — всё не так плохо и безнадежно. Хочется верить (и верится), что скоро кончится эта чёрная полоса и всё наладится. Что же касается одиночества — в моем положении разумней всего принять его как факт, а не комплексовать и не опускать руки. Да и так ли уж я одинок, если родители... слава Богу, живы-здоровы, если, пусть нечасто, но получаю весточки от близких мне людей, если любимая женщина рядом (правда, пока она не отвечает мне взаимностью, но мы дружим и помогаем друг другу)». «Крапал» понемногу стихи, хотя шли они *туго и медленно*; ходил с внучатым племянником Димкой и самым преданным другом псом Рексом в лес по грибы и ягоды. «Похожу, а нога заболит, присяду на какой-нибудь пенек или дерево и греюсь на солнышке. Читаю вслух или про себя стихи — свои и чужие.

Так что не должно ему («обреченному на жизнь, / И на радость, и на боль, / И на риск, и муку злую, / И пусть даже хоть такую / Разнесчастную любовь»), «гневить судьбу слезой поспешной и напрасной». «Бог даст, за год успею подготовить второй сборник».

Благодарность — одна из главных христианских добродетелей. Вышедшие прижизненно два стихотворных сборника Леонида Федоровича Усяченкова — это как бы одно большое стихотворение, каждая жилка которого пронизана чувством благоволения к жизни и благодарением ей за всё и вся.

Сборник «Благодаренье» вышел в печать в ноябре 2006 года. 6 ноября его доставили Леониду Федоровичу в больницу. Он долго держал его, поглаживая, в руках, перелистывал со сле-

зами на глазах много раз читанные и перечитанные, выношенные и выстраданные свои творения, напиваясь перед дальней дорогой исходящим от них *светом добра и надежды*, желая как бы удостовериться в том, что жил он *недаром на этой земле*. На следующий день его не станет.

Открывает сборник стихотворение «Благодаренье», звучащее его камертоном. В нем, кстати, шлет он свое благодаренье и *русской осени* — благословенной подруге русских поэтов, одаривающей их своей *прощальной красотой, смиренной русской светлой печалью* — тоской по весне Воскресения.

Первый сборник, вышедший четырем годами раньше, был, несмотря на свое «осеннее» название, более «весенним», от второго уже повеяло терпким запахом осеннего леса, свечей, они «метелят сердце». Слово из густого мглистого тумана продирается к нам *сквозь ночные бдения, мерцания, свечения* обронённая душа грустного человека, осознавшего переходящее земной жизни и приготавливающего себя к принятию ее трагичности как данности.

Он был убежден, что «поэзия, в сущности, и есть преодоление трагичности бытия, творческое благоволение к миру... луч, который сквозь житейскую тину и грязь высвечивает глубинные течения жизни, ее сокровенный смысл». Поэтому и свою смертную чашу принял смиренно. Как-то в местной газете была напечатана его статья «И смысл, и радость бытия», в которой он писал о благословенной участи тех, «кто с радостью смиренной по жизни ношу крестную несет», сокрушался о том, что, «к сожалению, мы чаще вздыхаем, ворчим, ругаемся, проклинаям. Но ведь Господь не взваливает на человека больше того, что тот в силах вынести». Привел услышанную от одного человека притчу: «Шли двое с ношей крестной на согнутых плечах. Один не выдержал и часть креста своего потихоньку отпил, чтоб легче было. Вдруг пропасть перед ними. Тот, кто не смалодушничал, перекинул крест с одного края на другой и прошел над бездной, как по мостику. А у ленивца коротковатым мостик оказался...»

Жизнь *кружила, вертела, ломала*, но, когда, казалось, было совсем не вмоготу, всегда *подставляла* плечо. Особенно благодарен он был судьбоносной встрече с Евгением Васильевичем Курдаковым, хотя и «имел счастье общаться с ним всего лишь год — последний год его жизни». Но растянулся этот год на весь отпущенный ему недолгий земной срок. Едва не в каждом письме благодарил за подаренную ему книгу о нем — за «Золотое перо России». — «Предвкушаю радость «встречи» с ним, когда, запершись в своей каморке, чтобы никто не мешал, буду читать книгу о нём». С горечью вспоминал об

услышанном от него положении в литературном процессе: «В нынешней поэзии, вообще в литературе недостает доброго, тихого слова, в основном сплошь и рядом горлопанство, ёрничество, зубоскальство, собачье желание угодить, жалкие заигрывания — «чего изволите?», бессмертная людская пошлость и бездарность. Удручает не сам факт ее существования (это всегда было), а засилье этой пошлости, злобное и торжествующее. Такое ощущение, что подлинная литература кончилась, хотя, конечно, на самом деле это не так. Убежден, что вызревает нечто новое, освежающее, выстраданное, талантом высвеченное, и не в столичных тусовках, отмеченное букеровскими премиями, а в российской глубинке... всё оттуда, из провинции».

Теперь он особенно остро чувствовал присутствие и поддержку своего доброго наставника и учителя. А я с благодарностью вспоминаю о бывших встречах с Леонидом Федоровичем в студенческих аудиториях (он всегда с радостью откликнулся на приглашения), в теплой домашней обстановке. Приходил с гитарой и пел, пел, просто, без ложного пафоса и, одновременно, проникновенно, душой.

Более всего трогала в его исполнении именно курдаковская «Иволга», без исполнения которой не обходилось ни одно его музыкально-поэтическое выступление.

*Где это, что это, как не забылось,
Как удалось, затаившись, сберечь
Этих дождей морозящую сырость,
Этой реки хлопотливую речь?..*

Эти пронзительные стихи сложились будто для него, вернувшегося, как и его любимый поэт, «К дальней тропе, пробредающей между / Явью и снами в пыли золотой...»

Вот так и держался до последнего, благодаря любви к Родине, к родительскому дому, к детям, к друзьям, к подругам своим, особенно к последней из них — любви *мучительной и неутоленной* (она любила другого), но всё же благословенной. Он считал, что «неудач не бывает в любви», и молил о счастье дорогого сердцу человека.

Свой скромный горестный «Букет для Майи» поэт собрал из цветов самоотречения, самоотдачи, самоотвержения, смирения, выдохнул его, не переводя дыхания, от избытка чувств, украсив отечественную любовную лирику неповторимым цветом и запахом новгородской земли.

За неприступностью, за «шипами колючими» ему «приоткрылось такое...», он разглядел светоносную душу любимой,

«нежность нерастраченных чувств и любви непочатый край» и выразил то, «что нельзя передать словами / И что с невольными слезами / Мы вспоминаем иногда»; ни о чем не просил любимую — «ни о помощи, ни о спасении...», кроме одного — «не исчезай из сердца моего». Она — женщина его мечты, его лучшая песня, *несуветная боль, беда, наказание, тревога и... награда, надежда и радость.*

Испив эту горькую чашу до дна, он с удивлением обнаружил, что не нашел на дне ее ни тоски, ни обиды — *лишь печали нетронутый след*, той печали, от которой *и жить, и грустить веселее*, да и умирать не так страшно.

Между тем, лечение проходило очень тяжело. Когда не мог уже встать с больничной койки, *понесло течение* и было понятно, что *ни на левом, ни на правом уж спасенья не найти*, взывал к Господу:

*Ни души в тумане белом,
Не видать кругом ни зги...
Боже правый, что мне делать?
Боже правый, помоги!*

*Дай мне силы и терпенья,
Ведь не лист я, не бревно,
Чтоб безмолвно — по теченью,
Или камушком на дно...*

Ушли в мир иной любимые и дорогие сердцу: его преподаватель Н.И. Лавров, поэт И.Г. Александров, поэт и художник С.В. Иванов, мастер слова, наставник, флорист Е.В. Курдаков — люди с обостренным чувством справедливости, совестливые, бескорыстные, бескомпромиссные, участливые и добрые, в которых он узнал своё, родное, выстраданное в глубинах своего благодарного сердца, кровью и памятью которого написал лучшие свои стихи и посвященные им очерки. Он и сейчас ощущал рядом их незримое присутствие, поддержку и дыханье за плечом.

Пришли на помощь и (в который раз!) друзья далекой юности:

*То правда, что видимся редко
В круженье забот и проблем,
Но если случится в разведку —
Так с ними пойду, и ни с кем!
Там в схватке меж жизнью и смертью
Пока продержусь я еще,*

Вышли в свет две книги Валерия Хатюшина

«Русский свет. Стихи о войне за Россию».

Сборник составили стихи, написанные с 2014 по 2023 год, посвященные событиям на Украине.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 250 руб.

«Третий снег». Стихотворения.

В книгу вошла лирика, написанная после выхода в свет шеститомного Собрания сочинений. Твёрдый переплёт.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 500 руб.

Деньги необходимо перечислить на карту Сбербанка номер: 2202 2005 6546 0175 или на номер телефона, привязанного к банку: 8 916 939 22 69.

А так же — сообщить свой полный почтовый адрес по указанному телефону или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru